Олена Степова

Все будет Украина
или истории из зоны АТО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Донбасский дневник.
(Фейсбук времен АТО)

Людина нібито не літає…
А крила має. А крила має!
Вони, ті крила, не з пуху-пір'я,
А з правди, чесноти і довір'я.
Ліна Костенко

Ця книга склалася із записів у Фейсбуці: у червні 2014 на голос Олени Степової – голос похмурого луганського прикордоння – кинулися сотні, потім тисячі людей. Зараз у її МЕРЕЖАХ їх без малого 20 тисяч. Читають не тільки «статуси», а й коментарі, радіючи відгукам з усієї України, підбадьорюючись: «Донбас люблять! За Донбас моляться! Нас не залишать». Не покиньте Донбас, просить Олена. Заради тих, хто живе там і не може виїхати, кинути батьків, хворого друга, собаку. Легко виїжджали, кидаючи своїх тварин, а часом і людей, ті, хто заварив цю кашу. Але ті, хто не зрадив Батьківщину, чи можуть зрадити живі істоти? І навіть цей будинок, цей сад, степ, вітер в степу – на кого покинути?

Не покиньте Донбас, закликає Олена, заради самої України: «Подивіться на Україну: вона, як метелик, що розправив крила. Схід і Захід – це два крила. Не обривайте їх, не ламайте!».

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

Все будет Украина!

Олена Степова

ВСЕ БУДЕТ УКРАИНА!

(Фейсбук времен АТО)

Источник: https://www.facebook.com/olena.stepova

1 июня 2014 года

Похоже у каждого из нас теперь свой Бог и своя вера. Эта война нас разделила не только по политическим взглядам, а и по воспитанию, духовности, зрелости, вере, религии, человечности. Моя вера и мой Бог дали мне Заповеди, любовь к земле, людям, пример самопожертвования Иисуса Христа, жертвенность и милосердие и доброту. Вера, сам Бог и есть Любовь. Моя вера прививалась мне с детства моей покойной бабушкой, которая на мой любопытный вопрос о Боге, мне пионерке, давала ответ: “Его никто не видел, но если ты живешь честно, делаешь добро людям, не берешь чужих вещей без разрешения, помогаешь младшим, уважаешь старших, то, ты его не увидишь, но поймешь, что он

тебе помогает”.

Дедушка и бабушка прожили в полной гармонии, любви и согласии. Когда бабушка умерла, дедушка так тосковал по ней, что разговаривал с вышитыми нею подушками, рушниками, фотографией. На маленьком участке земли у нас всегда были хорошие урожай. Мы продавали виноград, малину, зелень, чтобы купить уголь, одежду, так как пенсию у бабушки была 24 рубля (она работала в колхозе). Меня крестили по моему самостоятельному решению в 14 лет. Я сама попросила бабушку отвести меня в церковь. Я искала, что еще не понимала, просто искала. У меня была коса ниже пояса, я расплела ее, чтобы священник срезал у меня волосы, но очень боялась, чтобы не обрезали косы, и батюшка меня успокаивал. В церкви меня напугали мрачные и свирепые старухи, черные, угрюмые, ненавидящие, они убивали одним взглядом, корчили лица , постоянно говорили мне злым голосом, куда идти, что делать, обсуждали, что , мол, такое юное создание уже по уши в грехах, если явилось в церковь. Короче впечатления были не очень. Вывод пришел сам: вера и Бог-это личное и потаенное, что даже нельзя нести в церковь, так как это могут у тебя украсть, убить, очернить.

Я почему то всегда была против посредников между мною и Богом, между мною и Верой. Я не понимала, почему я не могу просто разговаривать с Богом, Ангелом сама, для чего нужны ризы, золото, определенные ритуалы. Я спрашивала:”Разве Бог не слышит меня , если я с ним говорю или молюсь?” И бабушка говорила: “Ты что, конечно слышит, даже когда ты молчишь”. Сейчас я читаю сообщения о том, что священники берут в руки оружие, что церковь не объединяет , а разъединяет людей, что за веру могут убить так же, как за политическое инакомыслие, что могут убить даже за то, что ты вежливый, читающий, думающий, интеллигентный, зарабатывающий деньги, любящий Родину, я понимаю. что вера и любовь, милосердие и доброта, воспитание и духовность, они не имеют вероисповедение, они передаются нам с чем-то иным. Нельзя навязать или заставить, или научить БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ религией, обрядами и ризами. Даже те, кто считает себя супер верующими и супер православными и супер правильными, могу бросить в тебя камень, только за то, что ты читаешь не те книги, слушаешь не ту музыку, любишь не ту землю, веришь не в того царя, смотришь те но телевидение, да просто веришь, не так, как они хотят, чтобы ты верил. Сейчас свою точку зрения навязывают автоматом, им же убивают веру.

Кто звонит

Как интересно повернулась жизнь. Как резко изменились приоритеты, желания. Как по разному воспринимается мир, звуки, мысли… Резкий звук воспринимается, как выстрел. Гроза заставляет людей хватать вещи и бежать в подвал. Вопрос по телефону:" Лен, а правда, что наши войска в городе?" развивает скорость мышления до скорости звука и резко повышает IQ. Поскольку за секунду надо понять: кто звонит, за кого он, что до этого говорил, кто "наши" по его мнению, как твой ответ воспримется этим человеком, не является ли это провокацией, какие последствия могут быть после твоего ответа…..и дать правильно-безопасный ответ.

Параллельные миры

Я не хочу сегодня много говорить и что-то комментировать: слишком много боли, страха, безысходности, понимания абсурдности и беззащитности. Слишком. День не должен начинаться со слез. Сегодня Украина сжав зубы оплакивает погибших: молча, ненавидя, не понимая, за что, граждане Украины убили граждан Украины. Два десантника из Донецка, по одному: из Херсона, Одессы, Харькова, Луганск, Кировограда. Остальные 32 человека из Днепропетровской области: Днепр — 10 человек, Кривой Рог- 6, Павлоград- 2, Днепродзержинск — 2, Никополь — 2, Львов — 1.

Сейчас каждый этот город, потерявший своего сына ненавидит жителей Луганской области. Мы стали кровниками для этих городов. Мне не чего сказать в оправдание. Сказать, что воюют российские наемники — так это их сюда позвали жители нашей области. Сказать, что ребят под ПЗРК подставило их руководство, так это мы платим налоги и содержим предателей в генералитете армии.

За что воюет Луганщина? — за то, чтобы стать феодальным государством Януковича-Ефремова-Ахметова? стать укрытием ворам, которым некуда бежать и негде воровать? Я не знаю за что воюет Луганщина. Я — ее дочь, перестала понимать свою малую Родину: ноющую, но получающую приличную зарплату, пользующуюся социальными льготами, занимающуюся бизнесом и получающую прибыль, но ненавидящую Украину, поедающую руку, которая поддерживает, разрушающую фундамент, на котором построен дом. Мне не чего сказать в оправдание, ведь я,

ничего не могу сделать, чтобы образумить ненавидящих и убивающих… Прости меня, Украина! Простите меня, ребята! Вечная память!

* * *

В мире существуют параллельные миры. Это факт. По крайней мере, у меня в городе, точно. Еду в город. Надо работать. Надо. Сжимаюсь от мощного, разноголосого пения клаксонов — что это? Колонна празднично украшенных машин, сигналя дарит всем радость — у нас праздник, любовь, новая семья. ЗАГС. Белоснежная невеста, как-то неестественно бела, замерший возле нее в нелепой позе жених, почерневшие лица гостей, которые боятся выходить из машин, со стеклянными глазами смотрящие почему-то не в сторону невесты…иду по взгляду…на противоположной стороне ЗАГСа Дворец культуры, вереница машин, в которые люди в цивильном грузят автоматы. Счастье и свадьбу и людей, едущих убивать, разделяет полоса асфальта. Дорога- призрачная стена параллельных миров. Шаг вправо: мир и любовь, музыка и поцелую, шаг влево: усталые и злые глаза, сжатые скулы, ненависть и автоматы.

Рынок. Женщина, выбирая копчености, разговаривает по телефону, обыденно так, просто, легко спрашивает у собеседника или собеседницы, куда лучше поехать на шашлыки, на каком ставке не стреляют.

Параллельные миры существуют. Утро ударило холодом и горем. Глаза застилают слезы, горло сдавлено от рвущегося крика: погибли 49 невинных душ, Небесное войско, призвало к себе на службу ангелов. Где-то смерть, боль, война, выстрелы, а на улице солнце, в саду цветут розы, а спешащие по делам люди, не видят и не чувствуют надвигающегося холода войны. Это хорошо. Это успокаивает.

Люди видят военных на базах и летних детских лагерях области, а власть отрицает это. Террористы кричат, что их поддержало 80% населения, а у меня на улице только трое истерят по поводу фильтрационных лагерей и спят в подвале, боясь «правосеков». Городская самооборона безапелляционно заявила о том, что все жители города ненавидят укров, Украину, и хотят жить в России — но это там, в их параллельном мире, а в нашем настоящем на столбах города ночью появились нарисованные флаги Украины! Это потому, что мы живем в одном городе, но в параллельных мирах. Каждый в своем.

Утки-сепаратисты

Из разговора соседок. Заборы у нас (при хороших соседях, на забор особо не тратятся) из сетки рабицы. Все друг с другом разговаривают, черешнями делятся, вкусняшками разными через забор угощают, у кого хозяйство, тому отдают, что на корм скотине пойдет. Разговаривают у нас на суржике (русско-украинском)

- Галя, тобі траву куди кинуть?
- Та кинь сепаратистам!
- Кому?
- Та уткам кинь.
- О , а чо сепаратисты?
- Та жрут без меры, серуть, орут, табуном ходят, все позатоптали та перегадили, и все одно резать.

Такой вот, ненавязчивый Донбасский юмор. Черно-колхозный, приземленный.

Очереди

Вы помните что такое очередь? Со времен СССР и лихих 90-х мы забыли что такое очередь. Сейчас на каждом КПП — Червонопартизанск, Должанский, Изварино – Очереди с большой буквы. Очереди испуганных, озлобленны, зомбированных, ненавидящих, надеющихся,просто боящихся, для меня уже бывших граждан Украины (из этого перечня я исключаю тех, кто едет просто к родне, так как негде переждать взрывы). Они торопятся покинуть нашу страну, область, город. Кто-то по причине дезертирства из ЛНР и ДНР, кто-то от страха перед фильтрационными лагерями и соседства с бандерами, кто-то в предвкушении халявы от Путина. У каждого свой мотив. Уезжают семьями, но больше... больше машины, ожидающие своей очереди, забиты мужчинами, почерневшими, загорелыми, уставшими мужчинами. Люди бросают работу, вывозят жен и детей, так как их списки ЛНР и ДНР подали на предприятия, как участников военных действий. Люди бросают все, потому, что им внушили, что укры и нацики будут их перерабатывать на органы и консервы для Америки. Каждый делает свой выбор. Я не осуждаю тех, кто уезжает из под обстрелов, наверное, я даже не осуждаю тех, кто дезертировал из ЛНР и ДНР, разочаровавшись или устав. Я провожаю их. Я желаю им счастья.

Скатертью скатертью дальний путь стелится
И упирается прямо в небосклон
Каждому каждому в лучшее верится
Катится катится голубой вагон.

Действительно голубой — в этот вагон сели все, голосовавшие за ПР, Януковича и КПУ. Они не знают российского законодательства. Каждый из них ставит в миграционной карте отметку “беженец”. Они не знают, что им нельзя имея статус беженца официально трудоустраиваться, они не знают, что их беременные жены, родят россиян и не получат пособия от Украины, они просто ищут новую родину и лучшую жизнь, они бегут от ими же созданной войны в государство, которое лишило их всего и оплатило войну. Они ищут покоя, пытаясь убежать от навязанных им иллюзий и страхов. Страхи и иллюзии скоро рассеются, вернутся ли они в Украину? Нужны ли они Украине?

Танковая национальность

И снова из народного, подслушанного разговора:
- Слышал, к нам танки зашли?
- Чьи?
- А х..й его знает чьи!
- А, русские!

Дороговизна

На рынке все жалуются на дороговизну овощей: зелени, картофеля, кабачков, помидоров, перца, огурцов...А как вы хотели, граждане, голосовавшие за непризнанную, бандитскую республику, цель колорой не работать и кормить вас, а кормиться за вас счет? Овощи везли из Станицы- там бой. Овощи везли из Крыма — “ну им же повезло и они в России”. Овощи (отличного качества) выращивали наши фермеры (братья Елисеевы) — их поля перепаханы взрывами и БТР, дружественной российской армией (которой здесь нет, это нам кажется). Окромя того, “наширебята”, которые защищают нас от хунты, чтобы нас хунта на органы не продала, геями не сделала, в рабство американосам не отдала.... срезали и продали на металлолом фермерские оросительные системы на полях. Что априори делает невозможным выращивание овощей в условиях безводно-степного-засушливого климата Донбасса. А впереди еще отсутствие растительного масла, зерна, фуража, и, естественно, невыплата сельхоз паев, за счет которых живут многие селяне и выкармливают живность. Зато хунта наши органы не съела!

22 июня

Сегодня ночью, думаю, как и многие из вас, не спалось. Черная дата 22 июня обдавала холодом. Вспоминала дедушку и бабушку (Царство им Небесное), их рассказы о войне, плене, НКВД, голоде, работе в колхозе.

Они у меня из Полтавы. Приехали на Донбасс спасаясь от голода. Дедушку после плена (он попал в плен контуженный, из плена освобождали американцы) очень прессовали:допросы, проверки, бросали в подвал на неделю без воды и еды. В колхозе, куда он вернулся после войны и его ждала Маруся (моя бабушка) людям, чтобы не бежали от голода, не выдавали паспорта. Они решились на побег в Донбасс, сюда принимали всех, без паспортов. Так здесь появилась моя семья, родилась мама.

О войне дедушка рассказывал правду, может поэтому у меня другое восприятие истории, не книжное. Какой же у него был шок, когда рядом с нами поселился, сбежавший из соседнего Полтавского села, полицай, который стал начальником участка на шахте. Дедушка пытался добиться справедливости, ведь этот человек расстреливал людей, но... дедушка был бывшим пленным хохлом, освобожденным американцами, а у соседа-полицая были русские корни, родня в Москве.... Помню дедушкины слова: “Нет страшнее предателя, чем хохол, он хочет возвысится, мстит за свое унижение”. Этот так созвучно сейчас с теми, кто здесь за свои пророссийский взгляды, а иногда просто для наживы или чтобы самоутвердится, предает и убивает своих друзей, сослуживцев, кумовьев, близких, знакомых и не знакомых.... украинцев, луганчан.

В любом случае, сегодня, особенно сегодня, это стоит вспоминать. Хотя бы во имя сохранения мира, во имя понимания предательства, во имя сохранения Родины- Родини (укр.) — семьи. Вечная память погибшим от рук фашизма, неонацизма, сталинизма, гитлеризма, НКВДизма, путлеризма, ЛНРизма, ДНРизма, сепаратизма. Сегодня мы молимся за МИР!

23 июня

В городе новая волна беженцев. Пустили слух, что все, кто голосовал и ходил на референдум будут зачищены. Списки ЛНР уже передала в .....украинское СБУ и ПС (!) О как!

Из города уезжали волнами. Не все выезжали по причине любви к России или ненависти у Украине: просто страшно, когда бомбят и стреляют, спасали детей. Эти люди выезжали сдержано, после проверки все вариантов и слухов.

Но... Первые уехали предприниматели, чтобы их не грабили

ЛНР, и люди с очень-очень-очень тонкой психикой (паникеры).

Вторые — (после масштабного АТО) дезертиры сепаратисты и их семьи.

Третьи — пророссийско настроенные граждане.

Четвертые, те, кто попал под бомбежку и артобстрел Панченко, Червонопартизанск, просто уже не выдержали нервы и вывозили детей на ЗНО, из зоны обстрела.

Сейчас вот еще одна волна бегущих в даль, тех, кому рассказали. что из зачистит нацгвардия, так как все списки голосовавших на референдуме, уже в руках ПС.

Причем не все “насспасеттольковеликийПутин” и “насвсехвырежетправыйсектор”, и “насвсехбандерыпродадутврабствоамериканцам” уехали в великую Россию. Вот большинство моих знакомых, которые по ночам ждали насильников из Правого сектора уехали в Винницу, говорят, люди хорошие там и экология, и кормят хорошо. Даже православные прихожане МП, запуганные зверствами бандеровцев поехали в Винницу, Закарпатье, Львов, так как жизнь в России многим не по карману. да и статус беженца не дает право вернуться на Родину в течении года.

Такое гадкое чувство возникает, что все, кто сбежал и сейчас пускает слезу беженца, такие патриоты, такие несчастные, нуждающиеся в любви и защите (особенно дезертиры-сепаратисты, сепаратисты, принимающие участие в военных действиях и их семьи, пророссийски настроенные граждане) всего мира. И вернувшись, будут опять любимы Украиной, а мы, оставшиеся здесь работать, выполнять свой долг, платить налоги, обслуживать, выращивать, лечить, учить, судить и расследовать, добывать уголь, и ремонтировать порывы электросети, ...прямо сепаратисты какие-то

* * *

У нас на поселке есть молодая женщина Люба, которая знает все, абсолютно все, обо всех. Знаток во всех областях политики, науки, психологии, военных действий, экономики... Вот она с первых дней поддерживала сепаратистов, называла их «наши мальчики», носила еду, информацию, сливала всех посельчан, кто выступал против раши, захватов СБУ, поддерживал Украину,бегала вся в колорадских и рашистских ленточках (на голове, сумочке, кофточке).... Вчера она на доме вывесила украинский флаг (!). Оказывается, она патриот Украины. Всегда была за Украину. У нее даже родня бандеры. Итить колотить, наши все же побеждают. Чувствую, что все сепары или рашисты, уничтожавшие нас за это время доносами и травлей, будут в первых рядах, встречающих цветами национальную гвардию.

История повторяется....Ниче не поменялось ....

24 июня

“Все наши, — говорят террористы,- уехали, остались пособники укров (так они называют патриотов Украины), а вас (нас), не жалко. Чем больше вас (нас) выбьют ваши укры, тем больше места нашим людям, когда мы станем Новороссией, останется. Сюда приедут жить и работать достойные граждане Новороссии”.

Сегодня рабочий день. Дети играли на улице. Никого не предупреждали, сирену никто не включал. В 10-00 террористы выставив минометные расчеты в жилых кварталах г. Червонопартизанск, пос. Панченково начали обстрел российской границы и шахты Красный Партизан, сил АТО. Люди боятся, так как понимают, в ответ армия будет бить туда, откуда стреляли — по жилым массивам. Может, это и есть та зачистка и массовые убийства, о которых уже неделю кричат террористы, которые вывезли свои семьи в рашу. Я так понимаю, мирных граждан, пенсионеров, детей, учителей, врачей и своих побратимов Шахтеров им не жалко.

Почему-то особенно целятся в шахту. Горняки в бесплатных отпусках. Угледобыча не ведется.Более того, на предприятия энергетики, например в Днепропетровскую область), куда поставлялся наш уголь с наших шахт, сейчас закрыты поставки и ведется растаможка огромной массы угля с шахт Ахметова (ТОВ ДТЭК), которые находятся в России. Похоже террористы просто помогают Ахметову разбомбить шахты и закрыть их, чтобы не платить шахтерам, не выполнять соцпакет при закрытии и увольнении.

Шахтерам предлагают трудоустроится на предприятиях ТОВ ДТЭК Ахметова в Россию, где, как они говорят в разы меньше зарплата и относятся к ним, как к скоту, там нет профосюза и соцпакета. Нас войной и закрытием шахт гонят в российское рабство Ахметова, — говорят шахтеры. Здесь уже начинают видеть другую сторону войны: закрыть шахты-это нарушить концессионный договор, выплатить пособие, соцпакет, трудоустроить или выплачивать пособие по безработице, да и, навряд ли Украина, пойдет на такие шаги. Ахметову глубокие (1200 м) шахты без госдотаций не нужны, а воровать из бюджета, он понимает, ему больше никто не даст. Вот и террористы, выполняя его заказ обстреливают шахты, призывают огонь на мирные жилые квартала. Это, одна из версий, которую озвучили

мне горняки. Да, и шахтерам говорят, что стреляет нацгвардия. Перемирие, говорите. Где оно? Третий час идет обстрел мирного населения.

25 июня

В городе жутко и страшно, потому, что расползаются и угнетают слухи, которыми выехавшие по телефону пугают оставшихся... 27-го зайдет нацгвардия и всех без разбору (стариков, детей, мужчин и женщин) убьет по приказу Порошенко, так как нас ненавидит Украина и будет буферная зона и мы подлежим зачистке, шахты Ахметова уничтожает Коломойский и его армия...

Устала успокаивать, опровергать, разъяснять. Эти слухи распространяют, как ополченцы, так и названивающие к родне россияне, которые все знают о нашей жизни наперед. А как успокоить людей, если городской голова в отпуске, начальники отделов — в отпуске, директора шахт, начальник участков — в отпуске. Я-то понимаю, что выехали начальники- члены ПР, КПУ, те, кто на предприятиях заставлял идти на референдум, рассказывал неправду о Майдане, пророссийско настроенные, те, кто жил за счет бюджета, откатов, шахтеров. Выехали, конечно и те, кто поддался панике и страшилкам о кровавой дате 27-го июля, те, кто боялся за детей (пули-то свистят, а снаряды рвутся в огородах).

В нашем городе больше 78 000 населения. Все не выедут. Кому не за что, кому не куда, кто говорит — я со своей земли не побегу, и таких большинство — это украинцы. Выехало 30-40%, мы их называем референдумщики (те, кто голосовал на референдуме ЛНР). И, знаете, произошло чудо... на столбах флаги Украины (нарисованные) на остановках “Слава Украине!” написано, а на квартале большими буквами, возле центральной дороги “Путин-хуйло!”. Я снова хожу на работу в вышиванке. Мне улыбаются прохожие.

Народ ругает Президента только за перемирие, готовится терпеть в подвалах зачистку, лишь бы ЛНР убрали. Пенсионеры , шахтеры, которые сегодня получили регресс,пенсию покупают продукты и везут нашим в части. Сегодня пожилой мужчина отказался сесть в такси, так как на такси была колорадская лента. На рынке бабку, которая горланила “шо бачила, як парашутысты у полі сідали”, резко остановили — тссс, это наши, нельзя распространять информацию об армии, “бо ще хлопців наших не дай Боже бандюки побьють”. Болезнь отступила, но не ушла.

Болезнь (боевики) в полях. Окапываются. Оставшиеся в полях лечению не поддаются. Называют всех предателями и надеются на Путина и его войска.

Кто хотел в Рашу

Хочу раскрыть маленькую тайну востока Луганщины: почему же здесь городах не было истеричной поддержки идеи присоединения к раше....

Кто хотел в рашу:

1. В рашу (новороссию) хотели пенсионеры (многие, но не все) , хотя половина из них уже лет 20, как не выезжала за пределы области или Украины. Да и не совсем в рашу, а больше назад в СССР.

2. В рашу (новороссию), федерацию без украинских законов, люстрации очень хотели чиновники, начальники, менты (не милиционеры) по причине “Яныk воровал и нам давал”. Были проплачены должности на таможне, границе, работали копанки, отмывались деньги из бюджета.....

Кто не хотел в рашу и почему:

К нам из раши едут россияне скупиться на рынок, так как у них не такие вкусные продукты (сыр хвалят, конфеты, хлеб, колбасу, водку, пиво), у них все дорого (скупают трусы, носки упаковками).

К нам едут россияне к врачам (частным), так как у них нереально дорого стоматология (делают у нас пломбы, импланты), кардиология, оптика (очки).

И, главное... в 90-е, когда у нас была безработица, голод, шахтерам не платили зарплату, то многие, чтобы прокормить семьи, ехали на заработки в шахты (тогда еще работающие) Гуковугля. Так вот шахтеры на всю жизнь запомнили, что в Гуково они были третий сорт. Они работали на самых тяжелых участках, но за меньшую зарплату, их унижали, обзывали хохлами и салоедами...

Именно поэтому в нашем городе не было тысячных митингов “яхочуврашу”, как власть города не пыталась раскачать население.

Здесь у людей действительно есть обида на беспредел областной, местной власти (тут просто ужас, что творили местные регионалы). Здесь у людей действительно есть обида на Киев, так как все наши жалобы на местных регов возвращались на места, чтобы их рассматривали те, на кого жаловались. Здесь есть много нерешенных социальных проблем...

Плохо и непонятно, почему люди, выступившие против Украины, взявшие в руки оружие, никогда раньше не выступали против беспредела местной власти, ментов, Ахметова, не пытались выгнать из городской власти ворье, навести в городе порядок... Плохо и непонятно, почему люди, выступившие против Украины, взявшие в руки оружие поддались на провокации тех, кто не хотел терять нагретые денежные места.

Да... и на последок... хочу покаяться... грешу третий день... злорадствовать нельзя, но... Звонки из раши от выехавших из города, дают повод только для ехидной улыбки:

- в Гуково все русские оборзели, относятся к нам (беженцам) по-хамски, цены на жилье от 3 000 до 5 000 грн (на украинские) в месяц. Жилье сдают при условии на 3 месяца. Еда дорогая. Курс 1 грн к 1 рублю, что делает наших миллионеров их нищими. Вот, семья из соседней улицы уехала хвастаясь, что имею на руках 35 000 грн.(собирали на отпуск в Турцию), а оказалось , что это 35 000 рублей. 15 000 отдали за квартиру, остальное еда, вода... Водка дорогая, пиво — дрянь, колбаса дорогая и вонючая, русские хамы, в магазинах хамят.

Уже у многих тоска по родине душу гложет...

Сходка

Вчера вечер на нашей улице закончился сходкой жителей. Без паники, обвинений, истерики. Обсудили новости, обговорили варианты. Потом каждый принес план своего дома, где указан подвал. Кто не смог нарисовать, ему помогли. Список жильцов к плану.

Это мы ждали окончания перемирия. Хотя особенно его не видели. Террористы обстреливают наши части и расчеты каждый день (только сегодня 3 раза был обстрел). Готовились на тот случай, если.... Никто не возмущался или скулил — все понимают, чтобы избавиться от террористов, мы просто не должны мешать военным. Все планы поксерили, и они хранятся у всех жильцов улицы. Если кого завалит, то остальные будут знать, где копать.

Проверили подвалы, мужчины дали советы у кого что не так, или не хватало, или лучше сделать, что запасти. У кого плохой подвал, договорились кто к кому бежит, если что... Вот такие у нас предзакатные поседелки с соседями.

У нас вообще улица дружная. Было два сепаратиста, но когда они начали свою пропаганду и нападали на мой дом, то получили сильный отпор (сейчас они сбежали, мы теперь их собак кормим,

жалко). Есть одна “раша-тв”. В ее присутствии замолкают, и с ней не разговаривают. Удивительно, но сплотились еще сильнее. Роднее стали. Хотя у многих отношения на работе или с родней испортились на фоне “кто за кого”. Мужики заготовили холодное оружие. Неделю проводили укрепление улицы с тыла (вбивали на заборы гвозди и раскручивали по заборам колючку). На улице установили систему оповещения (сирену), установили график дежурств. В городе в отпусках все руководство, на шахтах тоже, поэтому решили, каждая улица, готовится к защите и спасению самостоятельно. Улицы, где жили приверженцы рускього мира опустели. Теперь еще одна головная боль-мародеры. Те улицы, где проукраинское население-одна большая, сплоченная боевая единица — с вилами, топорами, коктейлями Молотова...Готовы к обороне своей земли.

Приграничнo-огородная история

Раньше хозяйки нашего приграничного поселка хвалились своим огородом: глянь какая клубничка, огурчики, помидорчики....

Сейчас: с той стороны огорода у нас снайперы сидят, там у нас минное поле, там у Петровны в кабачках мина лежит. Прилетела и лежит. Ходили ругались к сепаратистам, чтобы забрали, они, гады не забирают. Так и лежит...

Стоим с кумой на краю огорода (огороды выходят к полям, в полях бедлам). Кукуруза зеленая, пушистая, высокая... Хороша!

Я говорю:

- Мне кажется или она на меня смотрит? Тяпать не пойду. Черт его знает кто в ней там.....

Кума:

-Та же фигня. Выйду в огород, то пули летят, то мины падают. И кукуруза наглая такая, разрослась и шуршит подозрительно... Дожились. Кукурузу подозреваем.

Приграничнo-политически-сексуальная история

Тетя Галя (соседка) уже стала любимицей фейсбука благодаря своим уткам-сепаратистам. Но тетя Галя у нас супер-соседка. История с подтекстом, подтекст разъяснять не буду.

- Утром просыпаюсь, — рассказывает тетя Галя, — а у мого, Путин готов к вторжению. Боже ж ты мой! От это событие. Я границу открыла, порядок навела. Жду! А он, собака, сходил в

ООН, все... вторжение отменяется... ну не москаль, га?

История погранично-разведывательная

Последняя улица нашего поселка огородами выходит к посадке (так называют зеленый массив из лиственных деревьев) и железнодорожной насыпи (они у нас очень крутые). За насыпью (по слухам) стоят чьи-то танки. Народ долго нервничал и решил создать разведывательный отряд, в который вошли: тетя Света, тетя Маша, тетя Катя и дядя Гриша.

О разведгруппе. Дядя Гриша всю жизнь со скотиной, своих семь коров, бычки, да и соседских берет на выпас. Поэтому его любимая (сколько его помню) одежда — камуфляж. На рынке она у нас продается в рыбацких ларьках. Тетя Света, тетя Маша, тетя Катя — примерный возраст от 45 до 60, примерный вес от 170 до .... ну пушистые они у нас, пухленькие, очень.

Разведгруппа выдвинулась в разведку. Огороды прошли нормально (картошка, кабачки) , ушли с поля зрения в кукурузу (ее у нас сажают в конце огорода).

Теперь по воспоминаниям самого разведотряда. Пока крались по кукурузе их понесло в киношные воспоминания о войне — нужна маскировка! Дошли (тихо и аккуратно) до железнодорожной насыпи, решили маскироваться. Наломали веток, лопухов. Распихали все это кто куда мог, натыкали в голову, обвязались ветками. Ну, как вам объяснить:представьте себе 3 скирды сена, только с руками и ногами. Дядя Гриша не маскировался, он в камуфляже.

Полезли на насыпь. Пыхтели долго (возраст, вес). Залезли. Стоят три скирды сена на насыпи и один камуфляжный (зеленый человечек), оглядываются. Впереди посадка, в ней кто-то затаился. Я не знаю что увиделось людям в посадке, но от туда прозвучали автоматные очереди (слава Богу в воздух). Разведчики рухнули на рельсы. Дядя Гриша крикнул: “Та ну на х... ползем, постреляют, б...ть!” До него, как он пояснил позже, дошло, что он в камуфляже, а значит, типа военный, он расстегнул ширинку и извиваясь на рельсах стал выползать из штанов. Бабы ползти не смогли, просто кубарем скатились с насыпи, так как она крутая, набрали скорость и побежали. Дядя Гриша командовал: “Снимай камуфляж, б...ть, застрелят!”

А теперь возврат разведгруппы глазами ожидающих их посельчан: зелень кукурузы, автоматные очереди, крики, по кукурузе катятся волны, все трещит и шатается... Из кукурузы вылетают разведчицы (вес от 170 и до...) , которые с грацией и

скоростью лани, несутся по огороду, оставляя за собой вмятины в земле а ля минометная мина, срывают на ходу с себя одежду, а за ними без штанов, полуголый бежит дядя Гриша и что-то орет...

Да, главное... при разведывательной операции никто из мирного населения не пострадал. Чуть пострадали огороды и кукуруза.

История бомбоубежечно-пищевая

Мы тут привыкли к взрывам, выстрелам, бахам, бухам. Обустраиваем бомбоубежища-подвалы, учимся различать звуки выстрелов. Но это предыстория. История в другом. У нас на поселке остались деревянные дома , их называют “стандарты”. Они двухэтажные. Их строили после войны немецкие пленные. Стены тонкие, удобства во дворе, лестница деревянная, скрипучая. Чтобы ночью не бегать в удобства во дворе, в коридорах (в квартирах) ставят ночные горшки (ведра). Люди в них живут (три подъезда по две квартиры) очень дружно и очень друг друга слышно. На улице возле домов сарайчики, навесики, столики, где по вечерам все собираются играть в карты, пить пиво, угощают друг друга вкусностями.

Две соседки в жару решили покушать окрошки. Рецепт был новый и “ну очень ядреный”. Нарезка, как обычно, а заправка: забродившая молочная сыворотка на изюме, стакан светлого пива, сметана.

Ночью у одной из соседок, поевшей ядреной окрошки, приключилось брожение и срочная потреба в ночной вазе. Ночная ваза — железное ведро. тетя Валя, женщина добротная. Я опишу все тактично и толерантно... После раздавшегося выстрела, сдетонировавшего в железное ведро и разнесшегося эхом по деревянному дому с деревянными перегородками, все 12 семей эвакуировались на улицу. Бомбят! Бежать не куда. Бомбоубежища нет.

Кто-то принял решение и сиганул через забор в соседский огород. Туда сиганули все, кто не перепрыгнул, просто выломали забор. Упали в грядки. Лежат. Ночь. Соседская собака, посмевшая гавкнуть, увидела такое количество прыгнувших через забор, заскулила и забилась в будку.

Через пару минут, отлежавшись, все стали обзванивать знакомых и родню с предупреждением бомбежки. На поселке стал гаснуть свет... Пролежав в огороде полчаса, народ, оценив тишину улиц, решил вернуться в квартиры. Улеглись. И тут... окрошка, сыворотка и пиво, не ужились в организме второй

соседки… Ночная ваза та же. Звук тот же. Реакция жителей та же. Место для укрытия уже привычное. Выбегали из квартир быстрее (уже опыт был). Но… У тети Оли был муж, который понял ситуацию, но сказать стеснялся. Пока лежали в соседском огороде, поселок был поднят по тревоге. Свет погас даже в отдаленных окнах. Тишина…

От стресса окрошка в организме обеих покушавших, решила все же выйти погулять. К уличному удобству через забор и кусты обе соседки бежали дружно. После того, как у всех отлегло на сердце и в желудке, было проведено ночное совещание (все равно все не спали), и решено: до окончания АТО запретить в доме к употреблению квас, пиво, сыворотку, молоко, огурцы, и (после признания еще одной соседки) красную свеклу.

Утром, отоспавшись, мужчины починили соседский забор, и, скинувшись деньгами, решили построить бомбоубежище: вырыли подвал, забетонировали, поставили скамейки, провели свет. Никто из мирного населения не пострадал. Чуть пострадали соседский забор и огород, но собака уже отошла от стресса и даже начала гавкать.

Медово-военная история

У моего друга есть пасека под Антрацитом. Туда наведались военные камуфлированные люди с оранжево-черными и триколоровыми ленточками на рукавах. Стали требовать мед. Сторожа говорят, — мед не качали, в ульях берите.

Военные, открыли 5 ульев и стали грубо доставать рамки. Пчелы были против. Результат: военные бежали по полю и из автоматов отстреливались от роя пчел. На выстрелы, из посадки, не разобравшись в ситуации, прибежали другие военные, спасать тех военных.

Пчелам было пофиг, сколько военных укусить. Те, кого уже укусили, особенно не видели куда стреляли, поэтому перевернули еще несколько ульев, убили и ранили тех военных, которые прибежали спасать своих военных.

Пасеку потом срочно перевезли на другое место. Никто из сторожей не пострадал. Да, и друг уточнил, что пчелы по иронии судьбы, оказались породы “карпатская”. Короче, западенцы-”бандеровцы” провели АТО на Донбассе. Визитки Яроша правда не нашли, но улики были желто-голубые. Поэтому, если Киселев в рашатв объявит о новом секретном оружии право-пасеко-секов, мы с пчелобандеровцами, походу, попалились.

Возле поселкового магазина «Светлана» бабы заметили приземистого, чернявого, не местного мужичонку, который вступал в диалог с местными мужиками, что-то записывал в тетрадку, покупал мужикам пиво. Все занервничали. В наше время нужно быть бдительным, враг вокруг. При чем, у каждого свой: кто правосеков осиновым крестом изгоняет, кто сексуальных маньяков, кто еще с оранжевой революцией не до конца разобрался, и апельсины не ест, кто федерастов да педерастов опасается, особо не отличая онных. Короче жизнь стала полна тревог и опасностей. А сейчас говорят, еще и геи объявились. Сепаратисты всех пугают, говорят, нынче власть такова, всех геями делать будут, закон, мол, новый вышел.

Бабы решили мужика проверить. Мало для каких целей он поселковых мужиков в тетрадку записывает. О так, раз — и в геи.

Для разведцелей наняли одноногого Ваньку (ему на железной дороге, ногу отдавило). Решили, что он, как разведчик, полностью подходит. Пообещали чекушку, и… взяли чесслово не пить с пришлым (мало ли какую порченную или наговоренную водку наливает).

Оказалось, бабы волновались (вот что значит женская интуиция) не напрасно. Мужик записывал местных в ополчение, обещал зарплату в долларах и прощение царем Путиным всех кредитов в банке взятых (даже, если мильен).

Едрить-колотить, шпион, однозначно, шпион, решил мужиков известь, — решили бабы. Обзвонили полпоселка и в бой.

Страшнее нет разъяренной бабы, у которого мужика уводят, и ей, глубоко пох… куда и кто и в каких целях. Короче, собралась бойбаббригада за углом магазина, решили, мужика брать живым, тетрадку изъять, мужиков спасти. Для выполнения целей захвата в магазине было приобретено ведро, скотч и веревка.

Не успел пришлый ойкнуть, как был примотан скотчем к ближайшему ясеню, с ведром на голове (чтобы не опознал нападавших).

В пакете мужика был обнаружен бронежилет (итить, факт шпион), тетрадка с записями фамилий, телефонов и адресов посельчан мужского пола и …пистолет.

Было решено звать участкового. Офигевший от вылитой ему в уши информации участковый сообщил, что, мол, это дело СБУ, это государственное преступление, и это не по его части, и швырнул трубку. На второй звонок, телефон уже вежливо сообщил, что, мол, абонент не абонент, и находится в не зоне досягаемости. Ага, щас. А то мы не знаем, где наш участковый

живет. Заподозрив участкового в сговоре со шпионом, бабы докупили еще одно ведро, скотч и веревку. Через полчаса участковый давал показания рядом с террористом. На том же ясене.

Террорист-шпион, изрядно описавшись, дал признательные показания, что, мол, действительно, записывал мужиков в армию ополчения, воевать за русь-матушку, Путина-батюшку, независимую республику Луганскую, сулил горы золотые и избавление от кредитов. За что сразу получил по ведру, и куды еще бабы дотянулись. Тетрадка оказалась сложным решением. С одной стороны — улика. С другой — там же их мужики записаны, а вдруг загребут не разобравшись. Перечитав тетрадку, решили, вырвать листы, где были поселковые, а там, где неизвестные фамилии, передать в руки правоохранительных органов. А вот пистолет решили обезвредить. К нему привязали скотчем камень и утопили в уличном туалете.

Там же решили утопить и террориста (все равно власти нет), но тогда оставался живой свидетель-участковый. Его убивать никто не хотел, он же, собака, хоть и помощник сепаратистов, но местный, и жену, Светку жалко. Тем более она прибежала сразу после захвата участкового, хотела отбить мужа. Но получив важные сведения, оказалась стойкой гражданской позиции, и с криком: «Ах, ты ж кобель, проклятый, куда влип, зараза»! помогла женщинам заставить участкового выполнить свой профессиональный долг — вызвать наряд милиции.

Прибывшие по вызову милиционеры и сотрудник СБУ, выслушав и записав показания, держались , на удивление, мужественно (просто молча рыдали), отматывая от дерева участкового, террориста, слушая бабские показания. Их крупные, скупые, мужские слезы, бабы приняли, как высшую награду за спасение поселка.

Владелица магазина, оказалась тоже проукраинской позиции, вернула бабам затраченные на поимку преступника деньги, и выдала 10 бутылок шампанского, как награду за захват преступника и снятие стресса. Бабам понравилось обезвреживать шпионов, и теперь они внимательно вглядываются в незнакомые лица. Даже дежурство организовали в пивнушке и около магазина. Ну, пришлые, любители чужих мужиков, заходи.

День Конституции

Сегодня День Конституции. Праздник, но какой-то грустный. Правда, тихий. У нас не стреляли. Сейчас это позитив. Вы знаете,

все в нашей Конституции прекрасно: и душа украинская, и размах полей, и сила народа... Поэтому хочу пожелать в этот день всем нам, чтобы наконец-то власть действительно стала принадлежать народу, чтобы народ наконец-то избавился от потребительского отношения к себе, стране и власти, и начал управлять страной сам. Чтобы мы не ждали,что придет Юля, Петя, Витя... и сделает нашу жизнь лучше, богаче, веселее. Чтобы мы не критиковали, а делали, чтобы не лайкали предложения и законопроекты, а шли, писали, заставляли слушать и принимать. Чтобы, мы, народ, не видели в нардепах что-то недоторканно-небесное, а только слуг в упряжке законов.

Я хочу быть властью в этой стране, потому что я — гражданин Украины, я — народ, я — жительница маленького приграничного шахтерского города, больше не хочу ждать милости от царя, потому что в моей стране и в моей Конституции нет выше власти, чем мой народ, а значит и я. Я хочу, чтобы Президент слышал не нардепов и министров, а нас, граждан. Я хочу, чтобы при Президенте был создан Общественный Совет Областей, в который бы вошли не продажные, виляющие хвостом лоббисты, а шахтеры и строители, предприниматели и журналисты, общественники, юристы, адвокаты, научные деятели... Я хочу, чтобы мы приняли законы, позволяющие действительно контролировать чиновников: закон о аудите местных и областных бюджетов, и , чтобы люстрация действительно состоялась.

Я хочу, чтобы каждая из статей Конституции работала на меня, на тебя, на нас, на нашу страну. Чтобы предприятия не только загрязняли, но и вкладывали в защиту окружающей среды, чтобы образование и медицина были бесплатными (без взяточными) не только на бумаге, я хочу защищенную старость и обнадеживающую молодость. Я хочу, чтобы слово война, больше никогда не входило в наши дома. Я хочу, чтобы во имя всех погибших в этой террористической войне, было возбуждено уголовное дело за пособничество терроризму и разжигание межнациональной вражды в отношении Ахметова, Ефремова, Царева, Симоненко и других тварей, предавших Украину. Я хочу, чтобы быть шахтером, милиционером, судьей и прокурором, сталеваром и комбайнером, писателем и столяром, врачом и учителем, было престижно и высокооплачиваемо. И еще я хочу, чтобы мы каждый день напоминали избранным нами управленцам о том, что мы, народ, единственная власть в Украине. И я верю, что так будет. Поэтому всех с Днем Конституции Украины! Слава Украине!

История диверсионно-подрывная

У нас край терриконов. Это такие огромные горы породы, которая остается после добычи угля. Самый высокий террикон был 85 метров. Половина из них горит, выделяя кучи серы (возле горящих терриконов легко представить, что такое ад), половина уже потухла и потихоньку обрастает зеленью. На поселке, который выходит в поля к границе, таких терриконов в поле целых семь.

На прошлой недели три дня в полях возле поселка канонада (минометы, пушки, что-то еще тяжело-ухающее). Пардон, я человек не военный, взрывы различаю по типу “ух-ух”, “бах-бах”, “та-та-та”, и “бу-бух”.

Когда армагеддон закончился, мы поехали за сеном. На улице летний вечер, прохладно, кузнечики, слава Богу, а не автоматы, стрекочут, и деды (как я их называю, пенсия) сидят — домино, рассказы, газеты, приемник старенький… вечерний промоушен. Подойти, поздороваться, святая обязанность и уважение. Опять же, зная меня, ждут новостей, новых газет из города (специально покупаю и привожу в поселок), распечаток статей из Интернета. Сидим чинно, обсуждаем политику. Вдруг опять : бах-бах-бах…Я бледнеть и орать на близких по причине срочной эвакуации.

Пенсия:

- Сиди, це не в нашу сторону, це вони по терикону шпурляють. Сюди не будуть бити. Вони туди вже третий день стріляють (смеются). На блесну б’ють!

Прошу пояснить, куда бьют, кто стреляет, почему никто не убегает, не прячется в подвал…

Пояснения укладывают на месте. Да, и у нас разговаривают на суржике.

- Та це эти, сепаратисти. Хай стріляють, шо вони тобі мешают. Ну бахкає, та бахкає. Вони раз снайпера на терриконе заметили, окуляр светився. Хлопця ледь витягли, свої отбили, коли бой був. Нормально все. А потім ми тут смикнули, а хай стреляют. Може патрони кончаться, та поедут отседа, к ебени матери. Ми на терікони з пацанами, вудки з блеснами поставили. Вітер мотиляє, блесни блищать, ці шмаляють. Та щось патронів у них багатенько. Це погано. Бо лазить страшно, пустоти розкурочили (пустоты остаются в терриконе после прогара породы).

Диверсионная пенсия, дети войны, пенсионеры-шахтеры… Они блесны террористам, а правительство им Решение Конституционного суда о снижении выплат. Не хорошо…

Жизнь до АТО

Жизнь до ЛНР, АТО и другой аббревиатуры у нас на поселке была, правда не такая шумная и нервная, но была. Такая же веселая, разнообразная, правда, это как-то не так остро воспринималось. Сейчас, любой позитив, как шанс на жизнь. Раньше, ну случилось да и случилось. ...

А случилось в одной шахтерской семье такое обыденное действо, как профосмотр. Шахтеры его проходят каждый год, для допуска на работу под землей. Так как у шахтеров здоровье не очень, то давление скачет, то сердце пошаливает, а работать надо, то выкручиваются, кто как может. Врачи у нас жутко принципиальные, меньше 3 000 гривен за положительный (здоровый анализ) не берут, поэтому, тут, кто на что горазд.

Сосед мой с деньгами решил не расставаться, пошел в бой сам. Напился успокоительных, сердечных, антидепрессантов... и на обследование. А он уж очень нервный и мнительный. Чуть занервничал, давление подскакивает, а с давлением в шахту нини. Пока посидел в очереди, наслушался, кто чем болеет, кого ободрали медики, кого на увольнение,других шахтерских страшилок... У него скакануло давление. Зашел к врачу, опа, попадос. Он нашел выход из ситуации, карточку в руки и говорит:

- Это у вас тонометр накрученный, коррупция. Я посижу в коридоре, а потом еще раз проверю через несколько человек.

Сделал грозный вид и вышел. И деру из больницы. Врач от наглости опешила, медсестра догонять. Но кто работать хочет, там медицина бессильна.

А профосмотр проходить надо. Он в истерике. Так попалиться, нахамить... Ну, наши женщины, это наши женщины. Они найдут выход из любой ситуации. Жена предложила его покрасить (он блондин) в более темный. Покрасили. Получился брюнет.

Ночь... Любофф.. А у жены приступ смехоистерики в самый ответственный момент, больше того, говорит, чувствую, мужик в постели чужой...прям, говорит, чувствую разницу... чувствую, говорит, изменяю....

Профосмотр муж прошел. И тут на работу идти. Ну на работе, вроде пронесло, все грязные, черные, а вот в бане, чуть не случился конфуз с разоблачением (низ-то не поменялся). А для шахтера попасть в разряд разноцветных личностей, это хуже профосмотра, затюкают, засмеют. Дома решили, красить надо везде... чтобы не попалится. Покрасили. И тут понеслась любофф с новой силой. Жена поржет и пристает. Опять поржет и опять пристает. Говорит, интересно, муж-то новый, везде....

Через неделю попал таки сосед в больницу с давлением. Но не от шахты, от любви. А это чуть-чуть приятней. Но теперь думают, как следующий профосмотр проходить будут. Фантазеры, блин.

История погранично- политическо- лексическо-лингвинистическая

Нынешняя непростая, скажем, политическо-террористическая ситуация существенно обогатила лексикон жителей Луганщины. А так как народная мудрость и юмор здесь такие же бескрайние, как и наши полынно-ковыльные степи, то из буйной народной фантазии рождаются удивительные образы, обороты, сравнения и герои.

С утра буйствует пьяный сосед моей кумы. Ну еще бы, до первого июля шахты не работают, а тут День конституции, День молодежи... столько поводов не просыхать... Ну и , естественно, шум на всю улицу, ибо пить, так с размахом, чтобы и соседи не унывали...

Кума жалуется по телефону, замахала, мол, эта пьянь упитая,шуму много, ругани, угроз.

Спрашиваю:

- Сепаратист, наверное?

- Не, хуже, — отвечает, — федераст.

Федераст -это теперь самое страшное ругательство на поселке. Ну, это, как п…с, только страшнее. Никто особо значения объяснить не может, но применяют, как ругательство.

В ругательные перешли — федераст, сепаратист, путинка, лугандон. А так же исторический термин «махновщина», теперь применим, как определение лиц, захвативших власть.

Не жалуют правительство и политиков.

- Марковна, ну ты сегодня прямо Юля Тимошенко, куды вырядилась?

-Да в пенсионный еду!

-Ох ты ,туды ж ты, яка краля, а мы думали в Раду…

Бывает и хуже. У нас дед Дзюба антикоммунист. У него что ни кабан, то Симоненин.

Режу, — говорит, — сердце радуется, ибо на одного коммуниста меньше.

А его сосед ярый коммунист. Даже флаг хранит. Так тот на деда до сих пор доносы пишет, что, мол, вчера Дзюба М.Л.убил Симоненко и обозначив свинью фамилией члена правительства унизив тем самым его честь и достоинство.

* * *

- Миколаївна (это меня так называют на поселка, это уважительно), подь сюди. Это хто? — показывают на фото Болотова в газете.

Разъясняю, что этот человек глава ЛНР, тот, кто захватил СБУ, создал Армию, ну, член правительства непризнанной республики. Стараюсь быть тактичной.

- А, оно как, так это он нас у своє болото тягне? …

Или так…

-А хто у нас власть зараз?

- Та махновці.

- О так, що знову? А шо їх ще не перестреляли з 17-го?

- Тю, дура, ці свежие!

- Ага, а ті, шо , по твоїму, протухлые были?

А бывает и так...

-Слышала, Витька, в армию пошел.

- Ты, дура, ему ж 45, яка нахер армия, здуріла.

- Та , в эту ж, армию ополчения, до Болотова.

- Ой, итить его в бок, опять, як не в п,янку, так у болото вліз, лучше б робити пішов.

И о местной власти...

- А за кого у нас мэр?

- За анектот.

- Здуріла, за який анекдот. Я тебе за власть питаю.

- За рибку и член.

- А, знову на двух стуллях сидить. І вашим і нашим, значить. От федераст.

Путают люди и некоторые понятия.

- Ой, у Марковні онучка така молодец, в Москве робить путаною.

- Та ты шо? У самого Путина? Молодець!

Убирает тётя Света мусор возле магазина и орет на мужиков, что мимо урны стаканчики от пива побросали: «Развели здесь Лугандонию!»

Соседки , осуждающе, по отношению к пьющей, многодетной мамаше, которая опять на сносях:

- Вы б хоча б, этого, предохранялись, лугандоны в аптеці ж є!

А вот все громкое и ломательно- разрушательное называют

АТО. Дрова рубать АТО, гусей,утей рубать,сарай разбирать — АТО. А уж если мужу прочуханки дать, так это СуперАТО.

Орет жена на мужа, а он ей: «Чего взвыла как сирена, сейчас люди услышат эвакуироваться начнут!»...

Перестрелку называют перепискою. Снаряды – смсками.

Работают соседи в огороде. Вдруг, бабах! Подняли головы, переглянулись. Соседка:

- СМСка пошла! Пошли в дом, бо щас прочитають , отвечать будуть!

Вторая ей:

- Не! Не пойду. Це в Россию стрельнули, вони отвечать не будуть, они ж по нашему читать не умеют! (это сепаратисты обстреливают территорию России, население уже видит от куда и куда летят снаряды).

Так и живем!

История о беженцах

Сидят на скамейке соседки. Одна вернулась из бегов по Таганрогу, где скрывалась от кровавой хунты целых две недели. Рассказывает, о гостеприимстве русских, как хорошо, как здорово, как упоительно, дороги, сервис… Мужики, отдельно в доме, делятся впечатлениями…

Выходит из ворот ее муж с соседом. В одной руке мужа-беженца кусок черного хлеба кетчупом, колбасой, зеленью (размер впечатляет размахом), в другой кусок черного хлеба салом. Рот в кетчупе, щеки набиты, жует, нервно сглатывает…

- Господи, хоть пожру, нормальной еды… ам-ам (жует) сало, сало, сало… Господи, соседка, борщ у тебя (показывает) О! вне конкуренции.

Соседка, круглые глаза:

- Дык не грела, вчерашний, ты б сказал, я б нагрела хоча б…

Сосед-беженец, своей половине:

- А ты все п…шь. Я тебе по…дю, Россию, ей, б…ть, подавай. Ни еды нормальной, ни зарплаты, пиво — моча, водка — ху…ня, колбаса — шо памперс использованный, люди-говно. Завтра на коленях, б…ть к начальнику поползешь, шоб на работу взял….

Уходят. Он нервно жуя, откусывая по очереди с двух бутербродов, она — потупя глаза и краснея.

Муж соседки:

- Первый раз вижу, шоб мужик холодный борщ ополонником ел. В гробу я видел ихнюю Россию. Мы — за Украину (показывая жене кулак), поняла…

Беженцы и патриоты

Куме звонит подруга-беженка:

- Ну, как ты? Жива? Сидишь небось в подвале? Я ж тебе говорила, уезжай, хунта в живых никого не оставит. Хоть бы детей пожалела, (нравоучительно) раз сама думать не хочешь! Голод, небось, жрать у вас там не чего (с сарказмом). А у нас конфеты, печенье и пепси-кола для беженцев даром.

Кума:

- Жива! Здорова! Чего и всем желаю! Щавель закрыла, огурцы купорю. Дети: старшая уток пасет, младшая, в песочнице с соседскими играет. Серега, на работе. Хунта пришла и выгнала всех бандитов, на селе все спокойно, уже неделю не стреляют. Сейчас Сергей с работы придет, я пива с рыбкой взяла, пойдем до кумы День молодежи отмечать. Кума шашлыки маринует. Тютины нарвала, да вишен, сейчас варенников наварим, со сметанкой. Соседи уже гуляют, тебе привет передают. А ты как? Дом новый дали, хороший, большой?

Беженка:

- Да, нормально все. Сидим в палатке под Донецком (Россия. Там тоже Донецк есть). Ждем распределения. Конфеты, говорю, и пепси-кола у нас даром.

Кума:

- Ебическая сила. Это ты дом бросила, щоб в палатке, в поле, конфет на халяву пожрать??!!!! Не, ну его нах такие конфеты. Мы, тут, с хунтой, лучше шашлычков поедим…

Парковое АТО

- Лена, тебе молодняк кролям нужен, — звонят утром с другой стороны поселка.

Молодняк — это молодая паросль с деревьев.

- Приезжай, забирай у нас сосед АТО в парке проводит, тут все берут, кто кролям, кто козам.

Уточняю причины террора в отношении деревьев, в чем, мол, вина, есть ли доказательства вины. Парк наш поселковый старый,заросший и неухоженный уже лет пять, а был когда-то любимым местом отдыха посельчан. За ним ухаживала шахта,в

центре парка , расположен стадион, где когда-то проводили шахтные соревнования и уроки физкультуры для ближайшей школы. Но шахту давно закрыли, после чего закрыли поселковую библиотеку, клуб, а потом и школу.

Парк остался ничейный. Заставить посельчан там убрать, дело бесполезное, так как привыкли, что делать должен кто-то, но не они. Поэтому парк медленно и уверенно заростая, превратился в угрюмую, пугающу население, мусорно-парковую заросль. Вечером мимо него страшно было ходить, а через него и подавно.

Причины проведения АТО оказались просты. Павел Иванович, чей дом упирается в парк, боясь, что пышную зелень облюбуют диверсанты-террористы, взялся за пилу и топор. И пошел в бой с зарослью.

Соседи сначала смеялись. На что он ответил: «Щас, мол, зеленка, самое место для террориста и танка. И если кому-то хочется в соседи стадо невменяемых,рыщущих по полям и ищущих убежища бандюков,то вот лично ему они нах не нужны».

- А ежели они в парке обживутся, мы же живым щитом станем,-пояснил наиболее непонимающим Иваныч.

На уборку парка вышли все ближайшие улицы. Нет,нет… наши старые и красивые клены не пострадали. Вырубили поросль, старые деревья, ветви, мусор, чтобы парк просматривался.

А кто не работал и ехидно спрашивал, типа, а нахера оно вам надо, то работающие, сразу подозрительно интересовались, а не сепаратист ли не работающий.

В парке чистота и красота, мусора нет. Для пущей острастки , вокруг парка таблички на деревьях –«Заминировано». Креативщики, блин.

История сельская-патриотическая, теплая

Еще мой дедушка, Царство ему Небесное, говорил, — если любишь землю, она тебе в сто раз большей любовью отплатит.

Так и получается, сейчас. Те, кто остался, работает и любит землю, получает больше, еже ли те, кто уехал.

Наш город не имеет района, все разбросанные по степям вдоль границы поселки, села, относятся к городу. Многие поселки, села, хутора — это вообще одна или две улицы в степи. Возникли они на месте когда-то больших и сильных колхозных бригад. Их официальных названий никто в городе не помнит, называют, как принято в народе. Стоит один из таких хуторов у нас в степи, на границе с Россией, связь – Мегафон или Билайн. Жили там были, люди важные — начальство дома под дачи

держало, да под хозяйство (экология хорошая). Первыми в хутор нагрянули чеченцы, потом казаки. Но что-то не понравились они хуторянам, хотя те, кто из начальства, очень уж поддерживали Россию-матушку, в ее желаниях оттяпать землицы Донбасской (даже флаг на хуторе триколористый подняли). Не понравились черные, угрюмые лица, не русский говор, да и планы, озвученные посельчанам (нам сказали, брать, что хотим и сколько хотим) любителям руського мира.

Поэтому поселок опустел. Все выехали в Россию, получили статус «беженца» Осталось живущими 3 хаты: Маришка с мужем, дед Павел да дед Иван со своими, как они смеются, бабками – не от слова «бабушка», а от слова «деньги». Это после случая, когда пришлые спросили, — дед, бабки есть, курить хочется. Дед Павел ответил, да, есть, вон, козу доит, но она не курит.

И теперь, смеется Маришка, что она — Хозяйка медной горы, Царица степная и пограничная, владелица Хутора, его губернатор и председатель. Оставшиеся жители, не возражают и поддерживают. Те, кто уехал, оставили им свою скотину, и коров, и мебель, и технику, и огороды, котов и собак…

Пока стреляли и нельзя было выехать торговать молоком, Маришка говорит, — у меня даже утки молоко пили. Сейчас, она с мужем дружно управляются с огромным, доставшимся ей от «убеженцЕв», хозяйством, зарабатывает на продаже молока, овощей и мяса, кормит, обездоленных кошек и собак, оставшихся на хуторе. Помогает старикам, завезла в хутор лекарства, вспомнила о когда-то полученном медсестринском образовании. И молит Бога, чтобы все, на кого она работала за копейки, никогда не вернулись из России.

А еще ей не скучно и не страшно, у нее появилось много друзей (38 шумных расчетов), которым она с удовольствием готовит, поит молоком, печет пирожки. А они, в перерывах между охраной государственной границы Украины, рубят хуторянам дрова на зиму. Городские, испытывают прелести сельской жизни, а сельские, вспоминают о доме, и даже, в перерывах между службой и боями, помогают доить коров.

Так, что, хоть в одном хуторе у нас каждое утро начинается с поднятия государственного флага, текут молочные реки и несут службу сытые военные.

Любите свою землю, даже, когда война, даже, когда страшно, даже, когда враг… Враг уйдет, земля стряхнет его, как что-то лишнее и не нужное, а поля расцветут, а земля согреет и отблагодарит.

История телевизионно-актерско-политическая

По “Луганск 24”- это тв Луганды, трансляция вчерашнего шествия “Луганск — против хунты за мир” с выступлением Царева, по РТВ транслируют “Собачье сердце” . Соседка тетя Люба переключала туда-сюда и наткнулась сразу одно за другим… Результат… Крик через забор:

- Лена, а че у нас в Луганде спикером будет тот мужик, которому мозги от собаки в кино пересадили?..

…Господи, верни Шарикова на место, а? Толоконников, конечно, гениально сыграл Шарикова, но кто ж знал, что оно потом родится….

История трагично-счастливая

Стоят бабы в проулке (между улиц, стык так мы называем), кудахчут, руки заламывают, слезы вытирают, номера на телефонах набирают, чтобы сообщить какую-то важную новость (у нас это на раз /два, без особой проверки) Иду мимо, с охапкой травы уткам (ну прям везет мне на креатив), спрашиваю:

- Что за горе, соседи, что за шум? Почему глаза на мокром месте?

Оказывается, пришел домой сосед с работы, не сам, с напарником. Грустные, просто жуть (но выпившие изрядно). Я бы сказала вдробода. Соседка орать, шуметь… А он ей:

- Эх, Галька, ничего ж ты не знаешь, горе-то какое, всех убили. Мы ж не просто пили,мы — поминали, Царство Небесное, всем жителям села Панченко. Всех убили, ну просто всех…

И скупая мужская слеза по щеке.

- Ты не ругайся, — вступился за соседа его напарник, держась за вишню, — убили всех, жалкоооооооо. И людей, и дома, — всех расстреляли. Давай, с нами это помянем.Горе у нас, понимаешь. Что ж, ты жестокая такая, тут стресс.

Тетя Галя, душа простая, стол накрыла, в магазин мотнулась. И пока мужики горе топили, растрезвонила всему проулку:

-А-а-а-а, убивали, прям из пушки, как дадут, вон у мого, шок, всех убили….

Вот на это действо я и попала. Выслушала и спрашиваю:

- А вам, что сегодня молоко не возили?

Бабы:

- Да как не возили, с утра было, и молоко и творог, Ванька со Светкой привозили.

- С того света, молоко, что ли? Они ж на Панченко живут, как они молоко привозили, если их убило? Если б кого убило, они б первые новости рассказали. Он им позвоните и спросите, кого

убило.

Позвонили... телефон молочников есть у всех, они нам молоко на улицы часто возят. Тетя Галя поменялась в лице, выломала вишневую ветку, пошла во двор. Судя по крикам мужиков, у нас снова АТО проводится. Что ж поселок-то такой неспокойный, а?

Ну, очередную панику отменила, очередную “утку” поймала. Вот кому война, а кому...

1 июля

О чем я думаю все это время: как мне удалось победить страх, разочарование, ненависть, панику, дрожь. истерику... как удержать себя, близких, друзей от падения в пустоту отчаяния... как в периоды депрессии и опустошения, находить силы работать и улыбаться, прощать предательство и не поддаваться унынию, бороться с иногда кажущейся непоборимой глупостью, стараться сохранить Родину в себе и себя в Родине...

Теперь я поняла — надо просто любить. Когда вы услышите «Чтобы ты ни делала, я просто буду стоять рядом и подавать патроны», — вы поймете, что можете абсолютно все, а грязь и ненависть останутся вашим врагам. Вам досталась Любовь.

Все, что я делаю, делаю с любовью, к своей земле. Наверное, и мои рассказы получаются теплыми и солнечными, потому что я пишу с любовью. Даже о врагах. И я вижу, что мне удалось передать свою любовь к своей малой Родине вам, и от нас к друг другу стали вдруг тянутся лучики света. И это не смех, не улыбка-это любовь к жизни. Мы вдруг на этой войне стали другими. Оглянулись, возмужали, стали мудрее. Мы увидели в друг друге Украину. Кто-то мне написал, что мне удалось остановить ненависть к Донбассу. Нет, я просто открыла свое сердце и отдала свой свет Вам, а Вы-отдали мне свой. Зло всегда отступает перед светом. Это была не ненависть, а туман. Он рассеялся, когда взошло солнце.

Когда начинался весь этот драмтеатр, с названием ЛНР и Новороссия, когда у нас за огородами стояли русские войска, а стадо полупьяных аборигенов орали в похоронном бюро (у них там был первый штаб) — ура Путину, когда Крым ушел, громко и больно хлопнув дверью, знаете, что было самым страшным — вставать утром и бежать к компу, чтобы узнать в какой стране ты живешь... а потом идти, убеждать, спорить, доказывать, что мы-это Украина, тем, кто ненавидел тебя за это. Было очень страшно потерять Родину. Еще страшнее было ощущение, что ты не нужен

никому. Теперь этого страха нет, есть ощущение единства, есть ощущение Украины.

Когда вы услышите:

- То, что ты сделала, мы подхватим и понесем, даже, если ты устанешь, — вы поймете, что вы — полноправный член стаи, которая подставила крыло.

Я до сих пор не могу понять, как, мы, рожденные в СССР, оказались такими разными по воспитанию и ощущению Родины…Кто-то стал Гражданином Украины, а кто-то застрял там, в СССР. Почему? В этом нам еще разбираться, лечить, вытаскивать…

Когда-то я написала, что Луганда и Дыра должны были быть, чтобы люди осознали что такое свет и что такое тьма, обрели Родину. И это произошло. Когда-то я написала, что чувствую себя здесь, как в фильме про вампиров — всех уже укусили, а меня нет. Похоже вакцина “антираша” начинает действовать, и я все больше встречаю тех, кто был укушено, но выздоравливает, и в его глазах уже не рашатв, а здравый интерес к жизни вне ЛНР. В какой-то момент я не просто перестала бояться, я просто осознала, что я не могу принимать участие в этом театре абсурда. И я стала писать не совсем привычные для себя вещи, и мои просты строки, стали бить по врагу так же больно, как бьет наша украинская армия. Еще раз, спасибо всем, кто помог мне все это понять. Я буду писать, грустные, смешные, откровенные строки, а если перестану или иссякну, пусть кто-то подставит крыло. Нам еще Донбасс отстраивать и Украину делать европейской. Все будет Украина!

Да, а начиналось-то все даже не с уток-сепаратистов, чуть не забыла… я ж Ровенькам за “тему” не проставилась.

История подвально-сохранительная

У нас началась жизнь в подвалах. Ну мы (не подумайте) не ропщем. Мы терпеливо пережидаем и молимся за тех, кто гонит с нашего двора колорадскую заразу. Подвальная жизнь оказалась не такая уже и хмурая, паутинная, холодная и страшная. Ну, это ж мы, посельчане! Нам ли быть в печали!

Делимся опытом.

Совет от тети Гали. В подвале можно щипать уток. У них тоже было АТО. Теперь они тушенка. Быть сепаратистом в наше время скверное дело. Только нельзя чихать при этом деле и когда вылазишь , предупреждать, что это не чудо в перьях, а любимая бабушка. А то внуки, сейчас резвые, могут чем-то и зарядить с

перепугу.

Совет (секретный) от молодят. Если в подвале молодая супружеская пара и больше никого, то есть шанс, через девять месяцев порадовать дедушек и бабушек новыми гражданами Украины. Тока банки с купоркой не перебейте. Осторожность и безопасность — прежде всего!

В подвалах можно вязать, вышивать, читать, играть на приставке, читать рецепты, а потом сожрать, все, что на полках, потому, что после рецептов жрать охота жесть как.

А если в подвале еще и наливочка с настоечкой, да на липке, боярышнике, клубничке, дубовых почках, кедровых орешках, репяшке... а если на цветах акации с медом, то.... Только не переборщить — соседа еще не добудились. Особенно, если это настойка из боярышника, тетя Валя, уже воспринимает бах и бух, как салют на День шахтера, и ей пофиг, что пригорела кабачковая икра.

Можно играть в дартс, для этого заготовьте фото политиков, нардепов (особенно Царева), все только в него и попадают.

Главное, взять больше одеял. Холодно, блин, три часа, даже с наливочкой...

Еще, нужно вывести из подвала проволоку, повыше, чтобы связь брала (это точно не расскажу, мужики химичили).

Если есть такая труба, ну такая, пластмассовая, для канализации (новая, естественно) , если ее положить между дворами, в нее можно дудеть соседям азбукой Морзе, азбукой бубукола или дудукола. Правда, надо предупреждать окружающих, чтобы дудуканье не приняли за завывания домового, и чего нить в трубу не пшикнули (мухотрава какого нибудь).

Не стоит брать в подвал одновременно четырех котов и собаку. Если берете, то берите больше зеленки, лейкопластыря (будет чем заняться).

Не стоит оставлять на столе в клетке, любимую крысу ребенка (песчаную белку, хомяка, свинку, попугая — хто какую живность накупил — полезете спасать, даже если будет полный армагендец.

Не стоит детям брать в подвал ракетку и мячик (хотя, при чем тут брать, следить, чтобы дети не брали), а то будет вам АТО 3 часа.

Если есть нужные и важные советы, выслушаем. Если наберемся опытом, поделимся.

Да, и знаете, что самое прекрасное в подвальной жизни- свет солнца, когда вылазишь и и проезжающий по улице БТР с солнечно-голубым флагом. Ради этого, стоит потерпеть. Все будет

Украина!

3 июля

Ребята, я оставлю здесь на всякий случай. так сказать, для истории. И прокуратуры, Генеральной, ну может быть еще для СБУ, реального. Мало ли что. Если, кто сможет, сохраните у себя. Это фото нашей городской газеты и видео со славными подвигами тех, кто сейчас называет себя Героями, перешел (перебежал) на сторону Нацгвардии, и… всегда был за Украину (его заставили силой взять в руки автомат по незнанию), более того, есть даже те, среди этих героев, кто находился среди террористов, работая под прикрытием, а сейчас вышел из сумрака (вот что АТО очищающее с людьми делает).

Это те, кого мы называли террористами, а власть — ополченцами и самообороной города. Сейчас они называет себя героями. А до этого, они захватывали ДК им. Свердлова и погранзаставу с военкоматом, бегали по городу с оружием и срывали флаги Украины (их в городе нет до сих пор), били ребят на марше за единую Украину, похищали, грабили, угоняли, выводили с заламанными руками под дулами автомата членов ОИК, сорвав выборы Президента и лишив меня голоса, проводили в городе незаконный референдум (аплодируя и принимая решения в исполкоме и горсовете), вырезали предприятия на металлолом, обещали облить меня бензином и поджечь после моего публичного высказывания в отношении Ефремова и Ахметова, выламывали мне забор и выбивали двери, угрожали патриотам Украины, избивали на вышиванки и украинскую речь. Теперь они герои перебежчики… История соседки Любы, в картинках. Ниче не меняется…..

4 июля

Фух! Липистричество дали. Все живы. Настроение, правда, было дрянь, но после кофе, созерцания сада, аромата роз и общения с лилиями, вернулось в прежнее состояние: “Врешь, не возьмешь!”….

Да, война пришла и к нам, обдав наш город своих холодом. Поэтому, начну с не очень приятных, но важных новостей, так как судя по письмам, многих интересует главный вопрос, что у нас происходит.

Хотя, все же нет, начну с главного:

Спасибо, даже нет, низкий поклон, всем, кто молился о нас... МЫ -ЖИВЫ! Сидеть в темноте (свет включать ночью нельзя-стреляют), слышать взрывы, перестрелку, видеть зарево на полнеба — страшно даже отъявленному оптимисту.

Холод войны сковывает мысли, чувства, эмоции, разум. Понимание того, что каждый взрыв, выстрел-это чья -то жизнь, неимоверно тяжело. Я сидела под столом, подсвечивая себе телефоном и чтобы не боятся, разговаривала с теми, кто был тут. Я знала, что те, кто со мной говорил, стуча по клавишам, чувствовали мой страх, страх моего города, поселка.

В какой-то момент, на очередном стуке в личку “Мы молимся за вас!” я почувствовала это. Я поняла — вокруг меня стена: молитв, веры, света, чистоты. Это были вы и ваши молитвы. На другой улице, так же боялась моя кума с двумя детьми (ее муж шахтер был на работе, его не отпустили, пояснив, что все жены в подвалах, а работать надо), а на другом конце соседнего поселка, в самой центре, в аду, в вихре пуль и снарядов, зацепенев от страха в подвале сидела еще одна моя кума (ее муж так же был в шахте).

Я позвонила им, обложилась телефонами, так мы и сидели: они в подвале, я под столом (в подвале нет компа и интернета, и спали дети). Я просто знала, что они должны меня слышать, а я их, так же, как вас. Чтобы была ниточка. Мы разговаривали, молились, пели, я им читала стихи, свои рассказы, мы вместе вспоминали наши смешные истории из отдыха, из той, прошлой, мирной жизни, а потом я начала читать ваши отзывы, письма... Мы смеялись, плакали, мы верили, что все будет хорошо.

Одна моя кума, россиянка, родилась и выросла в Гуково, понимает, но не говорит на украинском, но очень любит Украину, украинские песни, вторая, такая же, как и я, посельчанка. Когда я читала им ваши слова, они говорили, что становилось тепло. Слезы лились уже не от страха, а от счастья. Все мы должны держать эту нить, держать друг друга. Я точно чувствую, что включился генный код украинцев. Верите, но те, кто за Украину, так сплотились, занимаются работой, сосредоточены, жестко принимают решения, не слушают сплетен и слухов. На вопрос почему не бежим, отвечают: “все будет хорошо”, а те, кто в теме — “Все будет Украина!”.

Соседи-команда, все бегут другу друга на помощь. За столько лет я наконец-то узнала имена и телефоны соседей. Утро-перекличка. Один идет в магазин- спрашивает стариков, что принести. Кулак! Единый кулак! Цепь! Канат! Нить из молитв, слез, горечи, боли, надежды и веры! Мы, выходим из подвалов, перезваниваемся, шутим, улыбаемся, потому что верим.

Вот вчера. Стоим на улице, жуткие звуки минометов,стрельба, пытаемся понять, что горит. На столбе старенькое объявление “горящие путевки, туры Египет, Турция...” соседка: “А может нам тоже рекламу дать, мол, экстрим-путешествия, горячие туры в зоны АТО, валидол, в подарок!” Другая соседка, дополняет: “Ага, тур “Инфаркт+”. Сосед: “Вещь, может кто свою тещу к нам захочет отправить, бабы, я в теме”....

У другой соседки, тети Любы зазвонил телефон, спрашивают, жива ли она (ну у нас тут людей особое чувство юмора, за эти дни у меня в телефоне звучал один и тот же вопрос “Елена , а вы еще живы?”), она отвечает: “А тобі как больше треба, щоб була жива чі ні?”...

Летят снаряды через дома, тетя Люба рвет щавель и поет “у любви, как у пташки крылья”..... Ну вот, как, как?! Сами не понимаем. Хотя... крылья... наверное... у нас есть крылья, в душе, у каждого, кто несет в себе веру, есть крылья этой веры. Посмотрите на Украину, она, как бабочка, что расправила крылья. Восток и Запад — это два крыла…не обрывайте их… не ломайте…

Крылья… нашей веры, любви всегда несут нас вперед. Посмотрите вокруг: сколько людей бредет, понурив голову, как тяжело они идут по земле… им сломали крылья…или они их потеряли, не смогли поднять… побоялись летать… и как они не понимают летящих , как их злят парящие .

Может поэтому, те, кто не имеет веры, любит не свою землю, а чужую, угрюмы, постоянно в панике, в сплетнях, смотрят на соседей, как на мясо, чтобы украсть, если разбомбят... Они (скажу толерантно — граждане Украины без гражданства в душе) умирают, вымирающий вид, они это чувствуют, у них нет ни надежды, ни веры, ни любви, злоба к друг другу, они даже злятся на нас за то, что Путин не ввел войска, что у них ничего не получилось, чтобы натравить Запад на Восток.

Они злятся за наш смех, светлые лица, даже за то, что мы продолжаем работать, жить....У них сплочение основано на страхе, даже вера в Бога, на страхе. У нас (я уже различаю, разделяю, хоть это, может быть, и не правильно) сплочение основано на Любви, вера в Бога на любви к Богу. Соседка говорит: “Я молюсь, чтобы был мир, чтобы все жили, чтобы у все все было хорошо, за деток, за страну, за людей” — дома молится, у иконы, старенькая. А на соседней улице прихожанка каждому глаза заплюет, что, мол, она такая верующая, так все знает о Боге. Так она говорит, что молится в церкви, чтобы Путин нас, украинцев, поубивал. Я знаю, что Бог не слышит ее, он слышит тех, кто говорит о Любви и Жизни.

Спасибо Вам за единство, молитвы, нить... за разделенные бессонные ночи, страх, боль... за то, что прогнали безверие, и дали надежду. Те, кто погиб в эти дни, простите, и спасибо, за подаренную жизнь, мы,теперь, проживем ее правильно.

Закончу свой выплеск энергии, ярким примером, того, что внутренние крылья, есть, и они держат, дают силы лететь, а любовь к земле, дает силы жить. Еще одно светлое и сильное крыло моего города — Екатерина Литовченко, ее больше нет с нами, но ее жизнь — это подвиг света, любви и веры.

* * *

Затишье. Тишина. Она у нас сразу пробуждает всех к жизни и движению. Перебежки между залпами. Все уже спецы. Так..первый...второй...третий...все замолчали...у нас минут 15... бежим... это народ в гости ходит от улицы к улице.

Залпы... первые дни кроме ужаса в глазах не было ничего, а сейчас...соседка на огороде огрызается выстрелам: “Да закрый рота, от собака скажена”...или так “ага собі б у лоба погатив” или так “а шоб тебе на том свете так бухкалось”. Стреляют. Снаряды летят через дома. Бабушки на скамейке под орехом. Мир привыкает к войне. Жуткое ощущение.

* * *

Послала ребенка за малиной, сама рву траву в огороде. Глянула, а ее уже нет в малиннике. Ох и дети, так и норовят отлынивать от работы. Малина манит. Зашла, рву, ем, наслаждаюсь. Из кустов:

- Так, малинку втихоря хомячим? Руки за голову, рот на замок, ноги развернула и назад в кабачки, раз-два! Ребенок, в поте лица, надрывается, собирает, ведро таскает, себе отказывает,а она пришла и хомячит. Не стыдно?!

На минуту застываю, разглядывая ехидно-счастливое лицо, выглядывающее из куста и продолжаю жевать малину, медленно, наглядно , по ягодке, кладу в рот.

- И не краснеет, а! Не, ну родитель пошел. Бедный ребенок в рабстве, с утра до ночи не приседает. Нет бы ребенку помочь, малинку в ведерко собрать, а она, трескает так, что кузнечики обзавидовались. Все, забастовка! Революцию в малинник!

Философски погружаясь в себя ем дальше, а что делать, смена растет. Каков слог, а?

5 июля

Только наши женщины разговаривая ночью по телефону, сидя под столом, эмоционально и со знанием дела, могут спорить о

том, к какому разряду (виду) оружия относятся “та-та-та” и “ата-ата-та”, пересказывать друг другу где, кто , из чего и куда долетело, спорить о том, что “бууум”-это выстрел, а “бабах” — это попадание, интересоваться, у кого слышно “бах-бах” и “бух-бух”, и определять на слух миномет, зенитку, ПЗРК и АКМ. Да, раньше просто рецептами делились!

История погранично-анатомическая

Я писала, что у нас на поселке есть веселая бабенка Люба, как ее называют “Любка-сарафанное радио”, которая знает все и является знатоком во все областях жизни, а так же в начале становления Лугантропии, носилась по поселку с колорадскими ленточками. Так как поселок маленький то о политических вкусах каждого, здесь узнают быстро. Тем более рекламу “нашимребятам” у которых “нашидедывоевали” она сделала достаточно быстро, выкрасив в цвета нашараша свой забор, и в свои 45 украсила свою прелестную головку, прической из двух хвостиков “а ля первоклашка”, используя вместо бантов, колорадские ленты. Когда заговорили, что на подступах к городу видели побеждающих “нашихребят” бандеровцев, Люба резко сменила политическую ориентацию, заплела косу и перекрасила забор в нейтрально зеленый. Ну вот скрыть то, что ее благоверный служил в ополчении, особо не получалось. И вот на очередной бабьей сходке, возник политический конфликт на почве резкой смены политической ориентации и конфуза мужа Любы со службой в рядах вражеской армии. Люба все отрицала. Спорила. Доказывала. Перебирала всевозможные доводы….

- Та вы шо бабы, с ума сошли, мы ж только за Украину. Я и смски за армию шлю, вот все деньги прослала… Да вы шо, кажите. Он ни-ни, никогда, Да ни в жизсть… Да вы на Витька гляньте, какая армия, какое ополчение?! — он больной, печень у него и желчный, и на желудок слабый, он же криворукий, ничего по дому сделать не может, он же косой на один глаз, у него одна нога меньше другой…

Друга посельчанка:

- Люба, та не стоны, мы вже пойнялы, шо твой полный инвалид: и член у нього кривой, и яйца разные….

Третья подхватывает:

- Ой, да не скажи, туда тока криворуких да кривочленных и беруть, она скока беды наделали.

Четвертая:

- Она шо, а я то думаю, шо он у тебя рожу разъел, а ни дня не

работал. А у вас горе. А инвалидность по кривочлению платят нонче?

Короче, бабы завелись, ибо восприимчивые мы сильно к чужому горю.

Интересно, как Витек пиво теперь с мужиками пить будет?! Это ж наши, поселковые, завтра не то, что поселок, вся область знать будет.

Счастливая баба Ганна

Самый счастливый человек на поселке баба Ганна (Аня). Все в подвалах сидят. Эвакуируются. Валидол в аптеке весь съели, карвалол выпили… А она дом побелила (у нас есть дома мазанки, глиняные, их белят известью), целый день в огороде, коз пасет.

Вчера. Идет бой. Снаряды над головами. Поселок в подвале. Баба Ганна на огороде….

Соседка (из своего двора):

- Аня, Аня.. Ганна… Ганяяяяяяя! Да шоб тебя! Уйды з городу!

Баба Ганна даже не повернулась.

Соседка перебежками доползла/добежала…Хватает ту за плечо:

- Ганя!

Баба Ганна (вздрагивая):

- Тю на тебе, перелякала, так же можна з переляку померты… Ты мене, що, вбыты хочешь?

Соседка, тянет за руку бабу с огорода:

- Твою дивизию, ты чого тут робышь? Стреляют! Бижим!

Баба Галя:

- Шо?

- Стриляють, кажу!

- Шо? Та ти здурила, хто? Де?

Баба Ганна, всю жизнь проработала на шахтном конвейере на сбойке, там такой грохот стоит постоянно. Она у нас глухая…

Затащила ее соседка в дом, ругает ее, объясняет.

Баба Ганна:

- Отаке. А я вчора сиджу на скамейке, чую, бахкае. Та думаю, то ж у полицая (так у нас называют соседа, который работает в налоговой милиции) день рождения, салют пускають. Воны ж, как напьются, потом всегда салют пускають. Та бахкае, хай соби бахкае. А хто ж стреляе? Опьять понапывалыся?

Соседка поясняет, мол, война, бандиты, власть делят. Дальше неописуемая каша из фашистов, бандитов, Ахметова, Россия,

деньги, власть, бизнес…. (совмещенный перевод украинско-российских новостей в местном понимании). Заканчивается так:

-.и ото теперя стреляют, бо у кожной хати автомат, деньги вымагают, еду, пенсии забирают, шахтеров на войну забрали, дороги разбитые, уси фашисты теперя, за власть бьются та за шахты …

Баба Ганна:

- Не, ну ти дывы, оце так события, Шмальц на Ахметова напав, що ж йому, скотыни, мало денег в городе було, то вин теперя щей войну объявив. А я, ще тоди, коли выбыралы, казала-фашист.

…Соседка, махнула рукой, взяла чесслово, что та в огород без нее ни-ни, что, мол, ей, объяснять, 70 лет уже, пенсия, мол, глухая…….

Поясняю глубокомыслие народной интерпретации на тему фашизма…. Шмальц — это наш мэр, говорят, чистокровный немец, регионал… А в голове у людей каша из новостей СМИ и разъяснений соседей…

А баба Ганна почему счастливая? Да потому что не слышит всей этой канонады… и новостей…

Дождь – это свобода

Дождь — это больше не осадки, не спасение от жары, не хмурое небо, не прохлада в жаркий день, и даже, не “ура, поливать не нужно”. Теперь это момент тишины от взрывов, очищение города от уставших, голодных и злых лиц с автоматами. Теперь это возможность сбегать в магазин. Возможность просто постоять на улице, не вздрагивая от взрывов и звуков летящих снарядов, а спокойно и свободно стоять, вдыхая прохладу и подставляя лицо каплям. Дождь — это свобода. В магазин все идут без зонта. Счастливо мокнут. Счастливо обговаривают освобождение Славянска. Победоносно смотрят на тех, кто все еще говорит о хунте, но уже полушёпотом, боясь попасть под раздачу.

Для меня поход в магазин это еще и возможность общения, впитывания информации. Удивляюсь количеству перебинтованных, перевязанных, загипсованных мужиков: головы, руки, ноги….. Сердце сжимается, неужели они все, с поля боя? Не может быть! Ведь мы общались, говорили об Украине, о городе и они были против сепаратистов. И вот, теперь… Как же так? Где же они воевали, на чьей стороне?

Сердце падает, сжимается, дождь становится невыносимо

холодным и злым. Осторожно подхожу, ведь заметили, улыбаются, здороваются. Начинают делится новостям, радуются за победы наших. Мозг разрывается, чувствуя подвох и необъяснимость ситуации. Осторожно уточняю причины повышенного травматизма: осколки, ранения, шахтные травмы, эпидемия...

Тихо отводят в сторону и поясняют... эти у... (я опущу описание “нашихребят” на шахтерском лексиконе, чтобы не травмировать читателей, красочными оборотами речи) начали ходить по домам, записывая и приглашая в поредевшие ряды.

Первого поймали Ваську. За пивом. Он выкрутился, мол, всегда за вас, но надобно домой, вещи взять, деньги и еду, курицу там, сало, колбасу.... На еде и поймал. Пришли к нему. Вышла жена Раиса (женщина весьма крупной кости, с весьма тяжелой рукой и тяжелым характером), которой бойцы счастливо сообщили о призыве любимого в их ряды. Раиса, молча взглянула на бойцов, молча взяла, что под руку попалось (поговаривают, что обрезок трубы 50-ки или даже 100-ки) и, так же молча, но художественно, произвела пояснения того, что она думает о призыве, ополчении, войне, и, особенно, об участии супруга в подобных действах. Заодно (для профилактики), пригрела и любимого, чтобы неповадно было, и, приобняв за ворот, повела в дом, грозно лязгнув воротиной.

Ваське, пришлось мазать зеленкой места внушения идей пацифизма. О происшествии быстро узнали. На бабьем совете поселка, обговорив угрозу мужскому населению, пришли к мнению, что травмированный мужик, к службе негоден. Скупили в аптеке бинт, зеленку и гипс, и...пошли спасать мужиков. Не переживайте, окромя Васьки, больше мужское население поселка не пострадало. Фильм о “бриллиантовой руке” смотрели все.

Хлеб купила. Дождь теплый....

* * *

Кума звонила. Говорит, кукуRUза-сволочь, договариваться не хочет, все так же шуршит зеленкой и, без прополки, угрожает распространением сорняков, поэтому (для безопасности огорода) решили не ждать созревания качанов, а провести АТО и зачистить границу прямо завтра... Спрашивала, могут ли кабачки быть в касках, и ползают ли патиссоны. Узнавала погоду на завтра, будет ли у нас град и уточняла: штормовое предупреждение и штурмовое в наше время одно и тоже или все же разные вещи. Думает завтра перенести в подвал мебель и начать клеить там обои, так как большую часть времени она проводит там, называет подвал- вилла на Майами Бич. Говорит, что вчера не успела на свою виллу, пришлось пережидать отправку СМСок у соседки на

Кипре. Начинаю волноваться за 2-х человеков:за куму (2 недели под стрельбой в осаде) и за того парня, который, возможно, сидит в эфире. За него особенно, мосх может поплыть от такой шифровки.

* * *

Дождь... Мы, привыкшие спать по несколько часов в перерывах между перестрелками, прислонившись лбом к стене подвала, чесслово, просто обалдели от такого количества тишины. Защитники отечества дают всего один выстрел каждые три часа, как напоминание о величии Лугандона. Мы тут быстренько выспались, переделали кучу дел, и тут на тебе... ночь... дождь... И можно спать дальше, ан нет, организм уже втянулся, требует общения и выражения чувств.

Я всегда говорила: земля защитит, спасет, поможет...и вот...на уставший город второй день подряд падает спасительная влага.

Дождь оказался патриотом и дожде-бандеровцем (хотя тучи и пришли с России, но, чувствую, что и там назревает путиниада (проводы Путина в ад-перевод автора), так как он (дождь) заставил убраться с огородов все, что полосатое,ползает и в каске.

После дожде-бандеровца (Рашатв уже сообщила, что капли дождя содержали светлое “Львовское”, которое попадая на “нашихребят” вызывало ожоги и помутнение разума, а в самых страшных случаях и его просветление) среди членов (в том самом смысле этого слова) великой Армии Лугандонии внезапно началась страшная паника... в их рядах предатели.

Результаты выяснения, кто кого предал и насколько потрясли наш город и окрестности уже привычными “бах, бух, трах, бабах”. Два дня в полях “наширебята” из казачей сотни мутузились с “наширебятами” из армии Мозгового и “слушайтожэнаширэбята” из чернявой “гуманитарной” помощи соседнего государства, уложив при этом кучу техники и самих “нашихребят” со всех сторон. Это было вызвано просветлением одной из группировок “нашихребят”, которые вдруг вспомнили о том, что они граждане Украины, и даже откопали из криївки паспорт, который хранился в пакете из под Львовского кофе. Результатом просветления стал слив информации по адресам, паролям, явкам не одумавшихся сооополченцев и, естественно, сам мордобой.

Кроме этого, у меня есть подозрения, что все же Ахметов, патриот Украины, и именно его священным гудком (пляской с бубном у ног Золотого Унитаза, заговором на Золотом Батоне) и был вызван дожде-бандеровец со стороны России, давший нам тишину. Поясняю. Патриотически настроенные “наширебята”,

которые решили защищать наш город от хунты, методом ,а не доставайся ж ты ни кому (разбомбив его к едрене фене) установили пару зениток на ближайших терриконах. Но не учли, что терриконы у нас горящие и, в момент дождя, выделяют клубы горячего пара, гари и сероводорода обеспечивая стойкое привыкание организма к атмосфере ада. А так как терриконы , как и все, что связано с угольной отраслью города, относится к сфере РинАда Ахметова, то, я больше чем уверена, он их (терриконы) не тушил и не вкладывал деньги в экологию специально, ожидая именно этого момента, чтобы призвав на помощь Священным гудком дожде-бандеровца избавиться от назойливых требователей зарплаты. Тем более, что еще один великий Царьйок Новороссии, тоже оказался казачком засланным (а может тоже под дожде-бандеровца попал) и, попросту стырил, причитающиеся Новороссии деньги.

Сходка молчания

Сегодня сходка улиц была молчаливой. Просто пришли, потому что уже привыкли,что вечером сбор, отчет, новости, сводки... Но говорить было не чего, да и не хотелось. Сегодня вечером на проселочной дороге за поселком погиб молодой 30-летний парень, тракторист, который ехал с уборочной домой на тракторе и... подорвался на мине.

Ее установили местные, знающие проселочные дороги ополченцы, террористы, вернее, просто дебилы, которые продолжают уничтожать соседей, город, поселок, воюя с иллюзорным врагом и надеясь на помощь иллюзорного друга.

Они бежали с места преступления (их видели люди), понурив головы и опустив глаза. В глазах был страх и тупость. Они понимали. что убили своего, поселкового, поэтому бежали, как нашкодившие псы. Ждавшая их во дворах машина — тоже с местными номерами. Рашатв для картинки о зверствах хунты не успела (приехали, их бы порвали на месте), так как взрыв был фактически в огородах, на глазах у людей.

Люди, увидев трагедию, вызвали скорую помощь. В милицию дозвониться невозможно, вероятнее всего, она в другой стране или галактике. Так как в городских газетах вместо милиции печатают телефоны местного ополчения (читай террористов), как единственных защитников города, то люди позвонили и туда, их выслушали, пообещали разобраться с кровавой хунтой, рассказали страшную историю об органах, и посоветовали следить, чтобы их не украли у умершего.

Слов нет. Парень не пьющий, трудяга, селянин, работал на уборочной. Подорвался не доехав одной улицы домой. В моей мирной стране, моем мирном городе… созрели хлеба… пропитались кровью…

Все будет Украина

Сегодня дети устроили дома революцию. С работы я теперь приезжаю рано, но работы при этом не убавляется. А дети, требуя внимания, обвинили меня в измене семье с ФБ, и, угрожали отключить интернет, если я не съем блинчики (младшая учится готовить) и не посмотрю с ними кино. Фильм для семейного просмотра, почему-то выбрали “Алиса в стране чудес”… На какой-то минуте фильма, поймала себя, что уже не смотрю, мысли бегут по своим делам. Смотря сквозь экран анализирую день…

…На работе раздарила девчонкам свои лилии (у меня огромный цветник). Просто так. За их слезы, нервы, поддержку, звонки с вопросом “ну, как ты там”, “давай ко мне, тут тише”. За то, что я Мисс Оптимизм, а теперь еще и Мисс “Все будет Украина!” перепугала их своим бледно-серым видом лица, в первый день обстрела. Как пояснили мне сегодня, в тот день, я стояла на работе абсолютно белая, с огромными черными от ужаса глазами, каменной улыбкой на лице,и повторяла “без паники, все будет хорошо”.

Тогда они еще не знали, что мне позвонила кума, начался обстрел поселка, а я в городе, а мои дети дома, в подвале.

На работе мне говорят: “Если ты улыбаешься, нам спокойно”! Я отвечаю: “Мысли — материальны, никогда не допускай к себе тех вариантов, которых ты не хочешь и все будет Украина”. Опять и снова поражаюсь единению тех, кто сейчас живет нервом страны и друг друга.

Когда-то я написала “Луганда и Дыра должны быть. Хоть на полгода/год, но должны. Именно здесь, на Донбассе. Чтобы вылечить тех, кто утянул нас всех в болото и открыл двери ада. Чтобы каждый человек прошел свой эволюционный путь. Чтобы люди заслужили право быть гражданами Украины” . И хотя это принесло потери, горе и слезу, но… мы наконец-то осознали единство со страной и друг другом, включили свой генный код, нашли себя в Украине, а Украину в себе. Мы стали страной и государством. Гражданами. Ощутили боль потери и страх быть потерянным.

Еще не давно мы не знали соседей по фамилиям, а сегодня, помогаем им, звоним и заботимся. Да, мир разделился на своих и

чужих. И тех, чужих, еще придется лечить, пытаясь спасти своих. Но, мы нашли в себе Украину. Все вдруг стало таким разным, будто появилась грань между и между. Вот, например, едем в машине, муж четко говорит “вата”, вата”,”вата”, “сепары поехали”, спрашиваю, как ты их определяешь, а он мне говорит, по культуре вождения. Начинаю присматриваться: визг тормозов, обгон по тротуару… да… это их стадо, это лугантропы…

Сегодня в магазине молодой мужчина с тортиком, шампанским… очередь уставшая, испуганная, посеревшая, а он такой озабоченный. Я не удержалась, улыбнулась ему, он улыбнулся мне. Спрашиваю:

- Праздник?

- Нет, говорит, — просто жена такая уставшая от всего этого, вот, захотел просто так ей праздник устроить, не знаете, где мягкую игрушку купить, спать боится, вот, думаю, может поможет, как в детстве.

- А почему не уехали, в Россию, беженцами?

- Вы что? (смеется) какая Россия, кому мы там нужны, мы верим, что все будет хорошо, мы же на своей земле…

Выходим, я набираю подругу, она свою подругу, через полчаса ему привезли прямо под магазин огромного мишку. Тепло! Это наши, живые люди.

На работе куча звонков, посетителей, консультация однотипная: “права беженцев в России”. Верите, разъясняю торжественно, с душевным подъемом. Заходит шахтер, глаза светятся, слышал в очереди, о чем консультируются. Говорит, — ты их так консультируй, чтобы не вернулись, я тебе сам заплачу! На Украине, говорит, должны жить те, кто ее любит, а не чужую плошку хвалит.Это наши, живые люди.

Возле хлебного в городе сбор адептов рашатв. Ну, конечно, что же еще, сегодня топ-тема — органы. Их вырезают у всех, идет огромная армия врачей, и всех вырезает на органы…. на лицах печень, почки, сердце, поджелудочная, так и хочется сказать — ваши органы даже мои кошки есть не будут, чтобы не отравиться… Это лугантропы. Сколько от них гари и серы, как от горящих терриконов. Терриконы можно потушить и озеленить, но можно ли вылечить совковость организма?

Во все дни торжества Луганды я очень боялась потерять свою светлую Луганщину, с юмором, песнями, пысанками Тани Коновал, Бирюковской “Криниченькой”, Веней Дыркиным, Екатериной Литовченко, Порфирием Ивановым. Я боялась, что из-за внезапно поразившей нас ватной болезни, от нас избавятся, как от чумной заразы, не заметив нашей украинской души.

Сегодня звонят из Бирюково, спрашивают как дела, зовут к

себе, в село, беженкой. Говорят, — а вы в городе как мы делайте. Мы, говорят, объявили селом войну Правому сектору и хунте, и сразу сдались в плен. У нас тихо, мирно, село разминировали, хлеба косить начали. Хунта пришла с Правым Сектором и защитников отечества , как ветром сдуло. Хорошо! Это наши, живые, теплые, люди.

...Из размышлений выдергивает голос мужа: “Офигеть, поставили сказку, да тут сплошная политика и Лугандон”!- это он так про “Алису в стране чудес”. Пытаюсь выяснить и поймать мысль... карточная армия идет в бой... но вы всего лишь карты, восклицает Алиса... Лугандон...фейковая страна, с людьми, которую кукловоды тасуют, как игральную колоду карт, фейковая армия изгадившая и засорившая мой мир своим мусором...вата, возомнившая себя империей... Реконструкторы, Деды Морозы, вертухаи, которые назвали себя генералами ...Вы всего лишь карты... кышь, кышь...

Расписание выстрелов

У нас тут “наширебята” развлекались тем, что несколько дней кряду стреляли по поселкам. Днем три выстрела каждые три часа. Ночью один выстрел каждые 3 часа. Называется это в народе “биг-бен ЛНР”. Типа, напоминают они нам и хунте, что они власть в городе, сидят высоко, видят далеко. Народ втянулся, обвыкся, и приловчился жить под ритмы выстрелов. Вчера ночью стрельнули в 11 ч. и все... в 2 часа ночи у меня звонит телефон. Соседка:

- Лена, я в окно вижу, шо у тебя свет. Не спышь? (да, с конспирацией на поселке туго). Ты там глянь в интернете, стрелять будут чи ни, шото время, а они мовчать. Я заснуть не могу. Спытай, ложиться чи ни...

И так звонков двадцать к ряду... полпоселка позвонило, плюс два ближайших, до которых долетают снаряды... Креативные мои, посельчане... Ну вот как объяснить, что в интернете есть все, окромя расписания выстрелов, подачи снарядов и дебилизма ЛНР. Чувствую себя штабом АТО и сепаратистов одновременно.

...Утро, на работу пришли все невыспанные, оказывается полгорода не спало, ждали выстрелов... офигеть... вот это привычки у людей вырабатываются. Причина тишины в городе банальна: погода и день зарплаты. Вымытые и выбритые, члены ополчения и самообороны, достав паспорта граждан Украины, идут на почту и в банки, получать пенсии и зарплаты. “Приват” лежит (в Луганске захватили центральный офис их более

удачливые товарищи), банкоматы других банков приватовские карточки не принимают.

В очередях рассказы о хунте, ее зверствах, торговле органов, хотя уже слышится тоска по родным лавам и штрекам, ополченцы узнают у работающих, как там разбитые ими предприятия, переживают о задержке страховых регрессных выплат и пенсии... График выстрелов и ведения боя не вывесили, надо бабам сказать, чтобы применили пытки. Сегодня все чаще вспоминаю Тарковского, Стругацких — “Сталкер” и Льюис Кэрролл с бессмертной Алисой. Они вышли из сумрака....материализовались за материальным и снова уйдут в сумрак... Но это уже другая история....

Куховарение

О хорошем. У нас достаточно тихо. По сравнению с часовыми перепалками и на фоне Луганска — у нас вообще тихо. Близкой стрельбы нет, а на дальние взрывы уже никто не обращает внимания.

В городе даже людно, даже пробки, даже мамочки с колясками, даже мужики с пивом, даже стайки молодежи (что вообще стало редкостью). А вот моему ребенку дома скучно. Улица — запретное место. К друзьям нельзя, да и друзей мало, все уехали. Близкий выстрел- все в укрытие. Все уже отработано на автопилоте. От дома отходить нельзя.

Дети, привыкшие к свободе, полю, степи, поездкам на природу и путешествиям, обожающие свежий ветер и запускание воздушного змея, чувствуют себя узниками. Так как знакомы с моей работой и судебной практикой, уже ехидно интересуются, будет ли у них статус “дети войны”, и дадут ли медаль за обнаружение летящего самолета, со стороны угрожающего дружбой государства.

Как развлечение младшая выбрала куховарение — учится готовить. Теперь в доме бардак, везде журналы с рецептами, мука, поостоянно влипаешь в что-то липкое, и рискуешь быть закормленным чем-то странным, что-то булькает, взбивается, пригорает, хотя все же, чаще вкусно пахнет, и отвлекает от работы. Так как она никого не подпускает к процессу, то это бывает достаточно опасно. Попыталась проникнуть на кухню, сразу крик: “Немедленно покинуть зону АТО!” ...Фронтовой юмор “детей войны”, дело серьезное... А характер у ребенка жуткий... может применить пытки и тяжелое оружие в виде кулинарной книги ...сидим в эвакуации...

Сталкер Алиса

Ловлю себя на мыслях, глупых, настороженных, иду по ним, как по минному полю: чем сильнее страх, тем глубже и мудрее философия жизни.

Меня спрашивают, как мы вообще здесь живем во времена Луганды и Дыры...

Я наконец-то поняла как ... Я — сталкер Алиса иду по сумрачной зоне... Я живу в нескольких измерениях и знаю все, о перемещении в параллельные миры...

Я разговариваю с компьютером, и он мне отвечает...он живет... дышит... и я чувствую его сердце... я прикладываю ладонь к монитору... и чувствую другую руку... я делаю шаг ...и меня подхватывают руки во Львове и Каменец-Подольском, Виннице и Сумах, Киеве и Черновцах, даже в Москве...

Я перестала удивляться чудесам... Кролик в шляпе? — фигня, вот материализация из ниоткуда республики в здании СБУ- это да! Я живу в мире, где свои у каждого свои, так же, как и чужие. Здесь у каждого свой арсенал страхов и убеждений, который может материализоваться в любой момент...

Улица может в часы, секунды стать государством, а область - страной... Я живу в мире, где вышедший из сумрака Дед Мороз может стать Главой Правительства, подписать пару указов, и... превратившись в Деда Мороза... уйти в сумрак...

Вы думаете меня может что-то удивить?! Я вот думаю, что теперь я смогу выжить везде....и не только выжить, но и разогнать сумрак...

История реверсно-беженецкая

У посельчан новый вид бизнеса, так сказать, наконец-то поперло в период застоя. Еще бы. Война, народа нет, работы у таксующей братии тоже, с контрабасом проблемы (так здесь называют контрабанду), а тут на тебе...

Из хлебосольного заграничья вдруг потянулась на родину стая беженцев, пардон, возвращенцев. Сердитые на родню, соседей, сослуживцев, которые, распространяя РАШАТВ-фантаст-новости “спасли” всех, криком:”Бегите... бегите!”

Все побежали: бросили дома, потеряли работу, хватая самое необходимое, оставляя дорогое, бросая друзей, предавая собак...

Причем, в тот момент массовой истерии в городе не было ни одного выстрела, и даже намека на войну. Но бежали, под впечатлением халявы, поверив обещаниям богатства и широты

души русской, онемев от ужаса и пав ниц перед навязанным страхом укро-нацизма-бандеро-съедения.

Прибежали…Отдышались… поменяли гривны на рубли по курсу 1:1… офигели… сходили в магазин… просто офигели… взяли в аренду квартиру… обалдели от братского народа и его умения обобрать по-братски (цены на квартиры гуковчане увеличили в три раза)… еще раз в магазин… приуныли… узнали о перспективах проживания в Магадане (льгота для беженцев)… стали скучать за Родиной… снова сходили в магазин, поели… тоска по Украине стала душить душу: и щи не борщ, и каша из топора. А тут еще и оставшиеся, расправили плечи, и зажили на зло беженцам, используя брошенные огороды, машины, квартиры, заняли рабочие места.

Тоска по Родине сковала горло завистью, да и деньги закончились… Беженцы плюнули на рашасериал “Страсти по-хунте”, и поехали домой. А не тут то было. КПП не работает. Дружелюбное государство так просто не отпускает, продолжает угрожающе любить, даже, как-то нервно придушивать любовью: то печати о выезде нет, то штампа о въезде, то прививки не отпрививили, то глаза у вас что-то болезненные, то фотография в паспорте не улыбается при виде русского флага…

Короче, выезд из России беженцам запретили. Потом разрешили, но пешком и без машины, ее надо оставлять, так как она пересекла границу незаконно. То бишь, платить за любовь все таки пришлось. Так как многие боялись до последнего рубля, то возвращались без копейки денег, без машины, без… и начала тянутся через степь вереница угрюмых, матюгательных, разочарованных.

В степи весело… то армия с черно-красно-синим флагом промчится, то чечены проскачут, то казаки проулюлюкают. Пограничники братского любвиобильного народа, вежливые и предупредительные: идите аккуратно, там мины, растяжки, слева из ГРАДа могут стрельнуть, справа из миномета шарахнуть, но вы не бойтесь, главное, чтобы повязка белая была. Так как это все КПП от города в нескольких километрах, то белая повязка вызывала сумбурную реакцию возвращенцев. Но нашего человека мчащегося к цели, остановить невозможно.

В ход пошло все, что могло сойти за белое и повязка: бинты (это самое безобидное), майки, блузки (вообще интеллигентно), трусы, лифчики (сюр, ну жить хочется больше). Так и бегут, кто в бинтах, как зомби перемотанный, кто с трусами на голове, кто лифчиком (пардон) размахивает. А тут еще таксисты, которые по совместительству “наширебята”, прочуяли такое дело, и естественно, а как иначе, подняв цену до… договорились со

степными и лесными “нашимиребатами”, чтобы те при виде возвращенцев шарахали для острастки и поднятия тарифа на перевозку…

Бегут возвращенцы, “наширебата” из посадки шмаляют, таксисты подбадривают… русские погранцы заботливо предупреждают, отбирают машины на стоянку и с любовью смотрят вслед… Какая любовь и жизнеутверждающая братская забота читается в их взглядах. Что ни говори, а Россия наш стратегический партнер. Правда любовь у нее дороговата и стратегия, так себе… плагиат.

Ваши комментарии

Я не писатель, не литератор. Живу в маленьком поселке, сельско-шахтерская местность, город на окраине мира…степи, огороды, хозяйство, работа, семья. дети…Раньше писала стихи, статьи о политике, о людях, последние лет семь- иски в суд, заявления в милицию, жалобы в прокуратуру….Я не пишу рассказы, я разговариваю. Просто как-то, когда было уже ВСЕ(!!!), когда земля уходила из под ног, а валидол запивался корвалолом, и елся)), как конфеты, когда уже было темно не только в глазах, а и в душе… внутри что-то разорвалось…я вдруг представила, что будет, если победит Луганда — не будет студии пысанкарства, народного хора “Надвечір,я”, фестиваля “Криниченька”, “Веничкиной радуги”, Провальских степей, реп-фестивалей, Украины…

Я чувствовала боль тех, кто наш, родной, украинский, остался в Крыму, и как им было терять Родину (в тот момент в СМИ нагнеталась обстановка, что Донбасс — это край тупых люмпенов, рабов, никчемных, ненужных людей), я поняла, что я не смогу жить в ЛНР и не смогу простить потерю Донбасса. Мне стало страшно. Это, как потеряться в лесу. Кричишь, а в ответ только сосны шумят. Здесь трудно найти с кем поговорить, обняться, заплакать (кроме семьи). Столько обрашенных. Вроде бы с образованием, положением в обществе, но, таких закомплексованных, зашуганных, ждущих только плохого.

Я начала писать из-за страха остаться одной и потерять дом, из-за страха, что меня кто-то там, в любимом мною Львове считает сепаратистом. Я, правда, не писатель. Мне просто захотелось закричать, поговорить и вот… наговорила. Теперь не могу остановится. И теперь еще больше люблю свою землю. Если вы ее смогли увидеть и полюбить с моих слов, разглядеть в Домбасе Донбасс, как же мне ее предать и не любить.

Все, что здесь происходит страшный, зомбосюр, как будто все страшные, нелепые. фантастические моменты фильмов, вдруг ожили и материализовались. Но у меня появилось глубокое чувство единения и уверенности, если кто-то решит предать Донбасс и вырезать его из сердца Украины, сломать восточное крыло Украины, Майдан покажется ему Раем. Все кричали — услышать Донбасс! Мне кажется, что никто не пытался заговорить, кричать — да, орать — да, требовать — да, заговорить — нет!

Я — разговариваю, и мне отвечает уже не Украина, мир. Я не знаю, как это получилось. Я писала, что мне читали меня... но это не все... кроме моих рассказов, люди читают ваши коменты, перепечатывают их. Больше читают именно коменты... Соседи просят читать не то, что я пишу -" ой, Лена, мы ж ничого не понимаем, ты красиво… ото напиши ще й ..." — "просят почитаты, що люди пишуть, що кажуть, чи буде Украина". "Они молятся за нас...они переживают...они плачут...они страдают"- говорят те, кто читает мою страницу (даже враги). Они, это о нас (вас), украинцах.

Как нас разделили политики, а? Как резали по живому, разделяя на львовян и донетчан, на восток и запад. Живем в одной стране, и не верим, что ОНИ за нас молятся. Не мои рассказы стали открытием и нагоняют страх на власть, чиновников, и зараженных путинской пропагандой, а ващи комменты к ним. Донбасс и схидняков любят! — это страшнее бомбы рвет мозг тем, кто хотел уничтожить наше единство. Коменты перечитывают и перепечатывают, читают на работе, тайно... Она пишет о нас!!! — каждый поселок нашего района спорит за право быть узнанным, и надеется, что я живу именно на их поселке, и, надеется, что вы молитесь именно за них.

Пересказывают именно комменты, смотрят, откуда написали, из какого города, фигеют от лжи, которую им навязывали, злятся на себя, на власть, на меня, на вас ...за правду! Это, наверное, как говорить с человеком, который в коме...в шоке...как держать за руку больного ребенка, уговаривая сделать укол. Пусть пока так, но говорите с нами. Пусть пока так, но чувствуйте нас! Политики предают, играют, заигрываются и...уходят в забытье...а мы, люди, остаемся! Надо просто понять, осознать, что Украина-не политики, а мы-люди. И тогда остановится война, грабеж, вранье и ... ВСЕ БУДЕТ УКРАИНА!

12 июля: сводка

Вчера и сегодня Луганщина, как черная полоса перечеркнула карту Украины, судьбы, семьи, жизни, надежды....Вчера Червонопартизанск, КПП “Должанский”. Сегодня — Зеленополье. А еще Луганск... Вчера и сегодня слились в один день и длились слишком долго. Есть дни, которые разбиты не на секунды, минуты, часы, а на вечность. Вечность — это когда идет бой, летают снаряды, звонок телефона вызывает ужас, так как может нести не очень утешительные или жуткие новости, когда ты молишься за себя и семью, за тех, кто рядом с тобой и за тех, кто в бою, когда, каждый снаряд или выстрел — это может быть чей-то остановленный день. Нас снова делают кровниками друг друга. На Луганской земле пролилась кровь ребят из Западной Украины (24-я моторизованная бригада Яворовщина, Львовская обл.), поставленных в чистом поле, под удар ГРАДов за пару км от границы с Россией... Мне нечего сказать Украине...

...Вчера наши поселковые шахты 63, пос. Александровка, пос. Васильевский, село Панченково, город Червонопартизанск, село Зимовники, сел. Зеленополье, пос Дьяково, сел. Бирюково и КПП “Должанский” Луганской области подверглись массированной атаке со стороны террористов. Применялись крупнокалиберные пулеметы, минометы, ГРАДы.

Результаты “защиты населения от хунты” Свердловский район — более 50 раненных (жители г. Червонопартизанск, Александровка, Зимовники, Бирюково), погибших — 19 человек. Пятеро — шахтеры, в автобус которых попал снаряд. Пострадавших много, так как не было сирен, обстрел велся из не вызывающей подозрения техники (не военной). Разрушены газораспределительная станция, линии электропередач, снаряд попал в школу-интернат для детей с нарушением слуха (в школе никого не было) — Червонопартизанск. Разрушены дома поселка Бирюково, который просто обстреляли, целясь по домам жителей (в поселке стоят украинские войска).

В больницы поступает много раненных, так что количество, еще не установлено полностью. Во время обстрела (который был просто огневым прикрытием) на территорию Украины зашла большая колонна военной техники из России.

Террористы использовали обстрел территории городов для отвлекающего маневра захода техники. Могут ли так поступать те, кто родился и вырос в этом городе, на этих улицах? — да, если они ненавидят соседей так же, как и свою страну. Могут ли так поступать те, кто никогда не жил в этом городе? — да, так как они получают за это деньги в банках России.

Местное население подрывается на минах. Люди мирные, привыкли работать в поле, косить... не привыкнуть, что поля —

минные ловушки: селяне подорвались на мине. Сегодня целый день слезы, шахтеры и просто люди, сдают кровь, разбирают завалы.

Мне нечего сказать Украине. Кроме того, что делали это те, кто ни разу не заскулил, не обвинял, ни показывал свою политическую грамотность и всезнайство. Те, кто обвинял и все знал, кто и в чем виноват и как делать, просто глазели и комментировали. Это уже даже не Граждане, это уже даже не Человеки, а так, людь ...Человеки и Граждане стояли в очереди в больницу, и сдав кровь, сцепив зубы шли на смену за тех, кто погиб. Над КПП “Червонопартизанский” український прапор, над городами — нет. В отделе ЧС на звонки жителей — куда бежать и где бомбоубежище отвечали — не знаем, спросите у тех, кто бомбит, они же власть. Да, и мэр Свердловска, если что, в отпуске, на всякий случай. О помощи пострадавшим и восстановлении домов, власть, ехидно, посылает к хунте. А люди уже говорят, что это не сепаратизм, не терроризм, а война. Простите, что быстро не могу писать или отвечать на коменты, письма, по банальной причине — координация работы чередуется с отсидкой в подвалах, слезами и оцепенением... Остальное скажут сводки.

Боль

Словно наплывающая магма, каменея, боль застывает в душе или сама душа застывает от боли, не знаю. Разницы в этом нет. Боль имеет свойство каменеть. Она наплывает волнами и застывает, превращаясь в камень. И тогда, душа становится похожей, на застывшие каменные волны. Думаю, что в разрезе душа, каждого из нас похожа на годичные кольца дерева, только на дереве кольца от возраста, а на душе — застывшие волны от боли, предательства, страха, потерь. А теперь еще и от войны.

Раньше у каждого из нас были свои зарубки, свои кольца памяти, личные. Вот это — от предательства близкого человека, это — от подлости друга, это — любовь прогулялась, вымучив и заставив сжаться… да мало ли какие зазубринки оставляла жизнь.

Теперь у нас общие волны окаменевшей боли, оставившие зазубринки на нашей душе, истории, памяти, нации. Они отпечатались глубоко, на нашем генном коде, спаяв нас в единую базальтовую глыбу. Теперь нет личного, есть боль народа, страны, теряющей сыновей, есть боль людей, теряющих дом. Вряд ли мы когда нибудь забудем Небесную Сотню, Ил-76, Зеленополье, Волноваху, Славянск, Луганск, Донецк… и еще десятки изуродованных заботой “нашихребят” городов, вряд ли мы забудем предательство политиков, предательство жителей, называвших себя гражданами, предательство соседской страны, называющей себя братским, славянским народом…..

Украина — это открытая, светлая, как вышитый рушничок душа, веселая, мирная, хлебосольная, песенная, приветливая, солнечная… Сделают ли эти волны, окаменевшей боли ее жестче, вряд ли. Сильнее, да!

Боль впечатывает каждого из нас в монолитный кулак, загибает нас в этот кулак, как пальцы, но не сгибает, сплетает, как лозы, но не ломает. Мы просто не умели воевать. Мы умели любить, петь, сеять, добывать уголь, плавить металл, но не умели убивать. У нас не было врага и не было необходимости сжимать кулак. Нас ударили в спину, предав, и мы, развернувшись, глядя в глаза предающим, подставляли под очередной удар щеки, уговаривая и пытаясь образумить.

Боль не пройдет и не утихнет, она отрезвит нас, заставит наконец-то увидеть черное и белое, а не смешанное серое, даст самоосознание и самоопределение, сошьет нас накрепко в один неразрывный узор судьбы. Когда закончиться война, мы обязательно вышьем на рушнике нашего единства имя каждого

Героя, чтобы больше никто и никогда не смог разорвать возникшую между всеми нами связь, мы впечатаем ее в себя.

Мы не могли воевать, не могли защищаться от беспредела чиновников и зарвавшихся мажоров, поскольку у нас не было единения. Столько лет политики сеяли зерна ненависти между нами, и они взошли, как чертополох, между золотыми колосьями жита. Это хорошо, что мы увидели эти сорняки, засоряющие нашу землю: и во власти, и среди людей... мы их прополем, все вместе, уберем с земли и жито будет колосится на зло врагу и во славу Украины, небо будет голубеть, ведь там столько ангелов, оберегающих нас. А боль, пусть и отступит, уступив место счастью, но останется кольцами памяти в нашей душе. Мы должны помнить...

Мне часто говорят, что мои рассказы полный сюрреализм. Рассказы ли? — нет, скорее всего, это монолог, уставшего и заблудившегося в параллельных мирах человека, пытающегося скрыть свой страх от происходящего и разобраться в происходящем. Даже не разобраться, а просто понять не понимаемое: как нас могло выбросить из Украины в ЛНР; как люди за столько лет жизни скопили в себе столько ненависти к своей земле; как можно хотеть вернуться в мир СССР, которого больше не существует и где ты был рабом-марионеткой; как люди, кричащие, что они ненавидят олигархов, подчиняются их приказам...

Жизнь в ЛНР — это сюрреализм, причем полный. Просто раньше не было такой грани между и между и многие поступки, действия не воспринимались как жизнь на грани. Мы привычно привычно жили в своих маленьких мирах, привычно считали, что это “что-то там” и “где-то там” к нам не относится, привычно отмахивались от политики и общества (вернее не воспринимали себя, как часть чего-то целого), привычно считали, что все решат за нас....Теперь мы здесь все — нерв. Теперь жизнь здесь — абсурд. Теперь выживание здесь — лишь в единстве подобных. Теперь здесь каждая история- смех, боль, страх, сюрреализм на грани... нервов, фантастики, абсурда, помешательства...

Сюрреализм по-лугански

Сюрреализм по-лугански:

- это когда молодая девушка, мать малыша, отказывается покидать зону АТО, потому что из окна ее квартиры видна дорога, по которой идут колонны российской техники, потому, что она не хочет, чтобы ее ребенок жил в ЛНР.

- это когда люди работают под пулями, потому что “а кто будет это делать, если не мы”, а другие люди, бегут из городов, где ни разу не прозвучал выстрел, только потому что страшно и “хунта” .

- это когда половина жителей улицы пляшут и пьют водку, радуясь победам армии фейкового государства, а другая половина, оплакивает погибших украинской армии.

-это когда старушка идет в церковь и плача, молится за упокой неизвестных ей украинских сыновей, погибших в полях, тогда, как батюшка в проповеди призывает убивать тех, кто не любит Россию и Путина.

- это когда слово “наши” вызывает опасение и требует изучения собеседника, так как “наши” у всех разные.

- это когда боишься жить, говорить, то что думаешь на своей земле, а уже привык к свободе, и отвыкать не хочешь.

- это когда чиновник, получающий зарплату и льготы от государства, выступает против этого государства.

- это когда в 2014 году, ты все знаешь о доносах, пытках, СМЕРШе, КГБ, концлагерях, и это не история, а реальность.

- это когда ты заново открываешь для себя родных, друзей, вообще неизвестных себе людей, только по одной их реакции на украинскую символику, без слов.

- это когда люди смеются в тот момент, когда хочется плакать, презирая врага, которого надо боятся.

- это когда два человека, держа в руках паспорт одного государства, испытывают противоположные чувства по отношению к нему.

- это когда голосовавшие за независимую республику женщины, спасают тех, кого они боялись и называли “хунтой”, потому, что они просто чьи-то дети.

- это когда захватившие СБУ люди, угрожающие автоматами, смеются и говорят, что они не против Украины, это просто такая тактика, чтобы их услышали, но отказываются что-либо говорить.

- это когда люди, молящиеся на Россию, и мечтающие попасть в русский Рай, возвращаются в ненавидимый ими украинский Ад, так как в Раю они не нашли ни места, ни богатства, ни счастья.

- это когда родившаяся в России женщина, не знающая украинский язык, но живущая на Украине, назло Путину учит Гимн Украины, и кричит соседке “Слава Украине!”, а родившиеся в Украине, проклинают ее.

- это когда у людей при виде украинского флага начинается истерика, но у одних от счастья освобождения и предчувствия Родины, а у других от ненависти и страха перед нею же.

Это круче, чем картины Дали. Все это, еще предстоит понять, осознать, ощутить, пережить...я просто изучаю этот новый и непознанный мир, пытаюсь выделить то ли формулу вируса, который поразил его, то ли формулу иммунитета, найти, в конце концов формулу вакцины от этого вируса...я стараюсь прожить, прочувствовать каждую историю, написать ее, пусть даже самую нелепую и сюрреалистическую..разобрать ее на чувства и молекулы...я еще не знаю для чего...

Страхи нашего города

История .....ну просто жуть.. Страхи нашего города .. (детям до ... а так же лицам с неопределившейся психикой и гражданством, читать запрещается).

Возле магазина толпа. Вот попала, так попала....Очередные бабьи сборы. Хуже этого, только прессуха в ЛэНэРэ. Посреди бабьего круга наша поселковая “рашатв” тетя Оля. Шум!!!!!!!!!!!!!! Су-25, тракторная бригада, и отбойный молоток наших дорожноремонтательных рабочих, нервно курят в сторонке. Еще чуть-чуть и будет, и АТО, и ОМОН, и кардиология.

“Рашатв” в лице т. Ольги вещает:

- Ага, а я говорила, я предупреждала. Вы же меня не слушали. а вот едут, вот едут и режут! Всех, кого поймают, все-зарезали и продали. Кого на Америку, кого немцам. Но больше в Америку. Там же гены, там же все модирфицированное. Из-за этого, у них гены портятся. Поэтому они наши органы себе покупают. У нас же гены хорошие. От так нас и продали, всех. Поэтому сюда едут рефрижераторы, чтобы замораживать. И детей, и мужиков. А дома заберут бандеровцам. Вон, Танька, которая за Мишкой, ну, та, которая Сашку бросила и с Ванькой загуляла, ну ее еще Катька лупила. Так вот она-медсестра. Говорит, дали секретное задание, собирать информацию о всех, а потом по этой информации, будут выбирать, кого первого резать, кого на потом. Запасным. Вдруг тот , первый, не приживется.

Бабы слушают, ойкают, кто спорит, кто поддакивает. Кто дополняет. Кто пальцем у виска крутит. Кто доказывает, как очевидец, а кто, уже, как пострадавшая сторона. Ругаются....

Господи, пошли молнию в этот гребанный телецентр, вышку, шнур, микрофон, журналистов, сценаристов, дружественного, соседнего, не совсем дружащего с головой государства. У нас с телевидением плохо, ой, совсем плохо. Мы же на границе живем, у нас руськие телеканалы даже на гвоздь показывают. Лучше бы его не было. Жилы бы себе спокойно, не знали что такое гены,

мордифицированые продукты, и продажа органов сельских жителей. Нет, ну крутили бы сериалы, там “Менты-убийцы”, “Улицы обстрелянных фонарей”... Нет... каждые 15 минут новости. Тексты журналистам пишут патологоанатомы-маньяки. Нормальные люди новости делают позитивные, патриотические, с настроем, а эти... Короче, видать не доедает сценарист, все время о мясе думает. Но речь не о компетентности и профессионализме пишуще-снимающей братии государства-бензоколонки с комплексом недолюбившего маньяка, речь о восприятии новостей.

За время кудахтанья одна Марковна (пожилая женщина, лет 65) не произнесла ни одного слова. Только пристально так, оценивающе- взвешивающее смотрела на Ольгу. Та не выдержала:

- Ты чего уставилась, а? Не веришь?

- Ды че не верить-то, сын в больнице, хирургом работает. Он этих органов навынимал, нарезал....

Вот, — взорвалась Ольга, — вот, видите, даже в Киеве об этом знают. Тогда чего смотришь, как первый раз увидела? Да если бы не я, вы б так и сидели, ждали, когда карателя за вами придут.

- Да я не тока смотрю, я оцениваю, — выдала Марковна.

- Чего оцениваешь? — занервничала Ольга.

- Дык за скоко тебя карателям продать можно, если говна откинуть. Може за границу на старости съездию, да, он, бабам гостинцев привезу, или вообще, все маханем у Париж.

Бабам про Париж идея сразу понравилась.

Ольга бледнеет, краснеет, синеет... и взрывается нечленораздельным визгом... Бабы, кто ржать, кто плеваться...

- Хотя... какие с тебя органы, — продолжает добивать Ольгу Марковна,- так, ливер. Человеку ж, если тебя пересадить, он же скурвится сразу.

Ольга, плюнув под ноги, ретировалась.

- Даааааа,- протянула Марковна, — такой бизнес, а продать некого, с нашими болячками, мы одна радость для Светки-аптекорши.

Книги

Подвально-подстольная напольная-прятально-эвакуационная жизнь прифронтового приграничья в разы увеличила количество читающего населения! Народ, пересиживающий перестрелки в подвалах, дабы не тратить время в пустую, читает. Запоем! Все, что может найти...Спрашивает у кого, что есть, покупает, меняется... Старается заглушить страх, свист пуль и уханье

взрывов фантастикой и романтизмом, детективами и непознанным. Вышибить, так сказать, наступающую тьму лугантропии Пелевиным, Беляниным, Коэльо, Маркесом….и более приземленно-бульварным Донцовой, Марининой, Грэхем Линн, Макнот Джудит…

Когда-то на нашем поселке была шикарная библиотека. О, это был наш Рай, наша Святыня, наша земля обетованная. В библиотеку посельчане шли намарафетившись, приодевшись, во всем лучшем. Библиотекарь Надежда, сама по себе красавица, коса до пояса, с уникальным чувством юмора и одесским говорком, была самым важным человеком поселка. К ней шли за советом, пожаловаться, спросить, узнать, рассказать секреты. Именно она узнавала наши девичьи ахи и вздохи, о первой любви, вытирала нам первые амурные слезы. Она наставляла на путь истинный зарвавшихся мужиков, выслушивала их признания и раскаяния в очередных залетах.

Я знала, где находится каждая книга. Помогала (в этом была какая-то магия и священнодействие) их подклеивать и расставлять. Там я прочитала свое первое стихотворение, краснея и заикаясь. Там, в подшивке местных газет, была и моя первая публикация — стихи о городе.

Этот неповторимый запах книг, запах вечности! Их шершавые странички, как судьбы, раскрывали мне тайны. Возле библиотеки был дивный парк, со скамейками, кленами. Да, да, тот самый, в котором недавно проходило парковое АТО. В тени и прохладе кленов было что-то ахматовское и блоковское, пушкинское и бунинское… Там мне подарили первые хризантемы на первом свидании. Там мы прощались с классом после выпускного. Там собирались посельчане, прогуляться, посидеть, чинно поговорить о жизни, политике партии, узнать о том, сколько добыто, намолочено, надоенно… Брали в библиотеке подшивку “Правды” , читали вслух. А журнал “Человек и закон”… наверное, это он дал толчок моим желаниям добиваться справедливости.

80-е, размеренный спокойный совок. Потом 90-е, детективы, рэкет, перестрелки, новости из газет о необычайно интересных вещах, происходивших стране. Перестройка. Она как! Ты дыви, а!- возгласы читающих газеты, испытывающих , переживающих революцию мысли и духа. Да, и у нас в библиотеке на краю земли было много украинской литературы. Не только классика, просто рассказы, сказки, повести, юморески, газеты ….Полно! И читали… “Конотопские ведьмы”, Остапа Вишню, Гончара… Не заморачивались на языке. Разговаривали — нет, больше на смешанном. А понимали или знали, почти все.

Потом пришла беда.. Закрыли шахту, библиотеку не кому

было содержать. И руководство города, приняло решение... библиотеку закрыть... часть книг забрали в другие библиотеки, что поновее, посовременнее, по моднее растащили... Остальное решили сжечь... Сказать, что я плакала, не сказать ничего. Надежда Николаевна, махнула рукой, эх, под суд так под суд, и... разрешила разобрать все, что хотели посельчане. Была зима. Книги лежали просто на снегу, замерзшие и никому не нужные, иней оседал на их страницах. Мы с мамой тащили их домой на старых санках, все, что я могла утащить, не разбираясь в авторах. Жадничая и ненавидя, что мало могу унести. Сваливали их на пол и шли назад к этой нахохлившейся, испуганной, сжавшейся куче бумаги.

Так поступали многие на поселке. Кто выбирал техническую литературу, кто детскую, кто детективы, кто о природе, кто брал потому , что халява. Остальное просто бросили в грузовик и увезли сжигать. Так у меня на чердаке оказалась огромная библиотека. Со временем она перебиралась, дарилась, отдавалась. А вот сейчас она стала маленьким спасательным кругом от войны.

- Лен, у тебя есть, что почитать? — каждый день радует меня вопрос. И стоило дать книги жителям своей улицы, как понеслось... посельчане....

- Берите, читайте...

Берут, подклеивают, разглаживают...

- О, глянь, фотка между страниц найшлась. Та це ж Петька, з Урицкої, коли з Афгана прийшов...

- Лена, глянь, у книжци купоны булы, помнишь, ото, скатерти булы, купоны. Куды отдать?

- Лена, про любовь есть что-то? Я у соседки усю любов вычитала. Не про войну не хочу, ну ее. Про любов давай.

- Лена, а этот автор еще есть? А детские? О, Барто, нифига себе, я ж читала. Давай, давай!

- Лен, прикинь, малой Маугли прочитала, она говорит, мам, я не знала, что про мультик книжку написали.

- Ты давай, а я внука заставлю. Шо ото сидеть та боятся, бахнет не бахнет. Тока давай про шото хорошее.

- Слушай, а помнишь нашу библиотеку? Эх, такую библиотеку испоганили. Да, а ведь хорошо, как было… придешь, возьмешь, почитаешь... Слушай, вот если бы не сидели в подвале, так я уже забыла, когда читала. В сериал втупишься, телевизора насмотришься, голову забьешь...а потом сидишь, боишься... чего, не знаешь, но боишься.

Хотя звонят и за таким:

- Лен, а какие ты сайты читаешь, чтобы правильные, с

новостями и без брехни?

- Лена, а где в интернете про наш город и шахтеров, которых тогда в Луганске сожгли, ну ты рассказывала. На работе хочу показать, поругалась опять с этими...

Чувствую, пропал во мне библиотекарь.

На рынке тоже бум. С банкоматами проблемы, деньги снять проблемы. А люди покупают не только продукты. Покупают книги.

Живут... книги... люди... живут... А значит будем жить! Наладим,отстроим, создадим...и обязательно подумаем, как вернуть людей от телевизора, от "рашатвпропаганды", от зла к созиданию, Украине, Шевченко и Гончару, Франко и Вишне, и к Ахматовой, и к Бунину, и Пастернаку, и Маяковскому, и Солженицину... откроем Луганщине Жадана и Дереша, Костенко и Забужко....а миру Низового и Голобородько..И....все будет Украина!

История пугательно-бизнесово-колхозно-зарабатывательная

А шо делать, ночь....за окном АТО делает плохим мальчикам атата и бабах. Поэтому расскажу я вам на ночь о наших поселковых ужасах.

У нас, с Божьей помощью и помощью сил АТО, в приграничной зоне восстанавливается порядок и государственность. Со скрипом, метр за метром, оставляя за собой выжженную и почерневшую землю, тьма Луганды отступает с моей земли. И хотя тьма, еще пытается бороться, рвет жизни и души, взрывает землю, свет постепенно возвращается к нам, оживляя ждущих его и вводя в зомбиоз боящихся света.

Но это лирика. Реальность хуже...Массовый психоз, переходит, в частичный психодуркоз. Психодуркоз-это информационно-волновое-вирусное заболевание, которое передается только адептам руського мира. После появления в рашаТВ очередного истерико-маниакального сериала "всех убили каратели", по поселку поползли слухи.... В Бирюково вместе с Нацгвардией приехал на черном-черном танке с черно-красным флагом черный-черный рефрижератор , на капоте которого сам.... (ну политиков пиарить не буду) народный депутат...., с флагом и скальпелем. И все...Всех забирают...Здесь варианты... так как юмор у наших поселковых, а так же фантазия бьет фонтаном, хотя, иногда просто бьет, чем ни попадя (об органах вы уже знаете, повторятся не буду). Из остальных вариантов остались:

- расстрел за свинарником;

- фильтрационный лагерь;

- приковали цепью к танку и тягали по поселку;

- забрали в рабство всю семью..

Естественно, все звонившие свидетели/пострадавшие/ участники или их дальние родственники, соседи сослуживцы...Прибегает соседка с такой историей к моей куме. Но это же, моя кума. АТО! Плохих не держим. Кума- это не должность, не звание, это- кровь, это- нерв один на двоих, это- фактически мой мозг и ехидство. Выслушивает все ужасы нашего (вернее соседнего) поселка без достаточно-ожидаемой реакции, чем глубоко ранит нежные маниакально-пугательные чувства соседки. Та разошлась описывая ужасы, применила весь рашатвный словарный запас, и тут , на тебе, спокойствие Карслона, застуканного в постели с Фрекен Бок и банкой варенья...

- Тебе чего ,не страшно?- вопрошает соседка.

- Нет!- выдает кума, используя стойкую моральную позицию Штирлица, смотрящего в глаза Бормана.

- Почему?- сдается соседка.

- А я пароль знаю,-выдает, воспитанная не одним застольем, и многолетним общением со мной, жительница поселка, который под 3-м обстрелом, ползает в огород за кабачками и загоняет их на икру, орет на уток-сепаратистов и имеет данные о всех передвижениях войск, еще до того, как они приняли решение вообще куда-то двигаться.

- Какой? — аж присела соседка.

- Ну, когда к тебе придут каратели, надо стать ровно, положить руку, правую, на левое сердце и петь гимн Украины. Тогда тебя из списка вычеркивают. Если ты в списке “а”. Если ты в списке “б” — тебя ведут к рефрижератору, не бойся, на нем замок, он реагирует только на пароль. Пароль не скажу, только для своих и по блату, — выдала кума и грациозно свалила в сад, собирать улиток для уток.

У нас утка избалованная, сепаратисты они такие, жрать что попадя не жрет. Из деликатесов предпочитает садовую или виноградную улитку, которой в дождливый год, в посадках, как грязи. А так, как в посадке страшновато, — АТО, то с улиткой напряг.

Соседка ушла в осадок. Мосх совершал невозможное- оценивал и переваривал информацию.

Она догнала куму.

- Говори, что знаешь. Я вспомнила, у тебя кума, политическая (это обо мне), она тебе секрет сказала, говори, Христом Богом прошу, детей пожалей, каратели в поле.

Долго в подробностях объяснять не буду. Кума предложила бартер. Пароль в обмен на ведро улиток. Соседка мотнулась, и каратель ей не помешал, в посадку, и насобирала ведро живности.

Кума вальяжно вынесла из дома визитку того самого... тссс... того, что на капоте... главного карателя... (с выборов осталось, а она у меня, хозяйственная) и вручила со словами:

- Смотри, никому. Это — тайна для своих! Говорить надо “Смерть Лэнэру! Путин-ху@ло” или “Бей москалей, спасай Рассею!”

Соседка никому не сказала. Через два дня у кумы уток воротило от улиток, трава возле двора была покошена, дрова нарубаны, старый тополь спилен, распилен, сложен, скамейка покрашена. А в посадке разноголосых хор посельчанок, занятых сбором живности , два дня выводил “Ще не вмерла України, ні слава, ні воля...” Визитки быстро закончились. Кума пришла ко мне сдаваться и... узнать, “а не осталось ли у меня чего-нить с выборов, политического, а то ей еще уголь пересеять надо, бурак выкопать и огород перекопать с навозом”. Мечтательно интересовалась, не могут ли нам, в качестве благотворительной помощи, подогнать визиток Яроша, пока там АТО, каратели , хунта, рефрижераторы с кодом, мы тут на Мерсах огород пахать будем. Ну вот, что мне с ними делать, а? — ЛЮБИТЬ!

Тревожно-животная история

Вчера в городе расплавились телефоны. Все предупреждали друг друга. Все! Именно этой ночью в 12 часов ровно на город скинут бомбы с газо-хлоро.... чем-то там. Там, на верху, решили- все мы здесь ЛэНэРом мазаны, а значит, чего мелочится. Кому-то позвонили из Киева, кому-то прямо из штаба армии, кому-то батюшка в церкви сказал, кто-то на шахте объявление читал....

Но... если закрыть все окна, выключить свет, намочить полотенца, поставить возле себя два (почему-то это было обязательным условием) ведра воды и спать с открытым холодильником (?!), то можно уцелеть. Город погрузился в темень, и водно-полотенечные процедуры.

Нет, ну вот чего ржете, а? Мы, маленький поселок на краю мира. У нас в городском штабе ЧС на вопрос: “Где, ближайшее бомбоубежище?”, отвечают коротко... а х..Путин его знает... Поэтому, какие страхи, такие и меры спасения.

Зато, я снова открыла для себя Людей, которые, хотя и не верили, в это новое-пугательно-карательно-информационное шоу,

но...заносили в дом животных: собак и кошек. Даже не породистых, дворняжек. Пусть мы смешные и пугливые, но не бросаем друзей, как смелые и воинственные любители России. Количество бездомных животных, оставленных беженцами катастрофично растет. И так приятно наблюдать человечность, даже в мелочи.

Да, и ...врешь не возьмешь... в 12- 15 половина города вышла на балконы, улицы, дворы посмотреть, были ли бомбы и...ехидно спросить у соседа...ну, и какой козел это выдумал, вот, ты повелся, а я нет. АТО!

Полоскание земли

Слово «АТО» не достаточно раскрывает всю суть происходящего сейчас. Это война. Война России против Украины. И чем раньше правительство это признает, чем раньше это признает мир, тем больше жизней наших солдат будет сохранено.

Большинства из тех, кто начинал под зданием Луганского СБУ, так сказать, первопроходцев этой движухи, уже нет. Многие полевые командиры или погибли или свалили в Россию. В нашем сумрачном приграничье, из тех, кто стоял на блок-постах, захаживал в горсовет за советом мэра, захватывал и угрожал осталось человек 50. Остальные, как их тут называют “гуманитарная помощь” соседнего, не дружащего с головой и угрожающего любовью государства, как и техника, разносящая наши города и уносящая жизни, — все это от лукавого Пу.

Удивительно сменилась риторика тех, кого принято называть “сепаратистами”. В первые дни/месяц захвата Луганска и ЛэНэРовщины, они гордо говорили: “Да мы не против Украины, нас не слышат, не понимают, мы просто хотим, чтобы нас, как Майдан, услышали, что, мол, мы хуже”, потом “Только союз с Россией, Россия наше все” потом”Ну Россия, конечно, наше все, но ЛНР настолько крута, что имеет все, даже Россию” и теперь “Да кто же знал, что так получится, мы же не этого хотели. Нас предали, обманули, помощь Путина стала грабить и убивать, все не просто берут оружие и воюют за идею ЛНР, а идут грабить”...

Наши местные блок-постовцы уже давно “беженцы” в России, в Украине, но “беженцы”. Из города уехало больше 50% граждан, и это не только мамы, боящиеся за жизнь детей, основная масса уехавших, сторонники русского мира и боящиеся хунты, воевавшие или помогавшие. Кто же здесь воюет? Кто эти мирные защитники русского мира и русских братьев? Где эти магазины со скидкой, где продают русскую форму, тушенку, пайки, ГРАДы,

гаубицы, танки, БТР, БМП, ПЗРК… Где? Мне вот очень нужно для дачи один маленький такой БТРчик.

Сепаратизма здесь больше нет, его заменили на другие понятия, других людей. Те, кто стоял у истоков и раскачивал лодку Украины: Ефремов, Ахметов, Симоненко сами стали разменной монетой, кормом для голодных наёмников. Основная задача всей этой движухи не отделение Донбасса: спросите у любого из оставшихся в наших шахтерских городах, и вам скажут, да мы нах.. не нужны раше; не создание сумрачной зоны “а-ля Приднестровье”. Основная задача — это уничтожение украинских патриотов, чтобы некому было поднимать людей, развал экономики Украины и медленное ее поглощение, ее ресурса, ее воли русским братом. России (Путину) простили Крым, Беслам, Грузию, Чечню, Абхазию, Осетию, “Норд-Ост”, “Курск”… Возвеличив ненависть к нам, он уменьшил ненависть к себе.

Народу нужен враг, любой, иначе он будет искать врага внутри страны. Народу нужные иллюзорные проблемы, иначе он увидит проблемы истинные. Истинная проблема Пу — разграбленная и нищая Рассея. Ему нужен враг и война, мы, Украина, всего лишь поле для игры.

Выход?! Не знаю, я не военный человек. А пока… У нас ГРАД и гаубицы. С ночи кошмар. Все в подвалах. Уже не только наш поселок и дальние, те, куда мы ездили отсыпаться. Идет обстрел Изварино и …Должанский, Новоборовицы, Галута… Просто полощут землю… Бои почти постоянно. В разных местах вокруг города, но в основном на границе. В городе джипы со свирепыми людьми (гуманитарка). Дрожь земли. Гул снарядов. Осколками повредило крайние дома поселка (улица, из разведывательной истории) все, слава Богу, живы.

У многодетной семьи сильно побило крышу и два окна, завтра мужики попробуют сделать хоть как-то: латаем, перекрывать бессмысленно. В городе много “гуманитарной помощи”, отобрали больше 20 машин, ограбили магазины…Начинаются перебои с продуктами, медленно пустеют полки…Ходить по улицам страшно и опасно… Единственное, что вечно: тупость и беспредел ментов, ДТЭКа, вранье местной власти и хреновые дороги…

После ГРАДа

Сегодня мой город стал другим: осунулся, постарел, сгорбился. Как тяжело ступают люди, словно несут на своих плечах всю тяжесть мира..или грехов… или войны… или

...созданного, какой-то частью их побратимов, иллюзорного мира, под названием Луганда. Уставшие серые лица, тусклый взгляд, страх, обреченность, безволие, непонимание, злость... Взгляды... взгляды... Почему-то все смотрят под ноги и не поднимают голову. Чувство вины?! Резкий стук, все приседают, взгляд стекленеет, ищут причину звука, смотрят в небо...

Вчера город узнал что такое ГРАД, пока только по пуску его ракет. Но эти ракеты, выпущенные с нашей земли, принесли кому-то горе, потери, разрушение... Они вернутся назад, не ракеты, а боль, и все это понимают.

Вчера еще город не понимал, кто воюет с ним: ругался, рассказывал, негодовал, объясняя, что ополченцы, это мирные шахтеры, жители города без оружия, которые просто стояли на блок-постах, чтобы в город не пришли бандиты и оружие. бандиты приехали с полей, с кордона, привезли оружие...

Блок-постов в городе нет, а все остальное есть. Ополченцы покинули город, уступив место неместным “защитникам”. Город стонет от защиты, сжимаясь, горбясь, молча хороня, скрывая похоронки и горе, даже слезы. Слезы только для своих, а свои, тут у каждого свои.

Накрашенная, вернее, наштукатуренная, выщипобровенная дама в кислотных лосинах и белой кофточке, куря, наслаждается рассказом по телефону:

- Да, взяли летчика, да я бы растерзала его сама, их надо убивать, всех...

Зло источается на весь торговый ряд. На ряду никого. Два вроде бы присматривающихся к кофточке покупателя, резко отпрыгнув, уходят из ряда. Свои тут у каждого свои. Тут даже покупки делают у своих, шепчутся, обнимаются, держатся за руки...

- Мира, вам!

- И вам. Держитесь!

Усталая улыбка... Руки разрывают так, словно бы поглаживая и что-то передавая.

...В очереди дама долго выбирает продукты, с негодованием высказывает продавцу, что, мол, выбор не очень... Очередь взрывается:

- А что ты хотела, на референдум бегала, Россию звала, республики, б..., захотелось, жили плохо...скоро колбасу будешь во сне видеть, привыкай, мы в Луганде, независимые, б....!

Она поворачиваться, чтобы, вероятно, парировать, но… натыкается на острый, рвущийся нерв взгляда и уходит, молча, опустив голову и плечи, что-то шипя себе под ноги. С осознанием ли происходящего, вряд ли.

Бегу. Надо успеть купить лекарства и продукты. Натыкаюсь на взгляд. такой же озадаченный и уставший, но, вдруг взгляд вспыхивает, узнает, тянется..

- Леночка, вы, вы тут, не уехали, Господи, я вас искала, а вас нет, а вот увидела, значит не все потеряно...

Успокаиваю, подбадриваю, узнаю новости, где стреляли, кто заехал. Люди делятся информацией охотно, без опаски, но со злостью.

- Вот, я же говорила соседям, заварили кашу, они со мной поругались, обзывали, теперь уехали, сына повезли в Москву, тут выходили, раненного, и увезли, все бросили, а нам что нам делать?

Что нам делать? — этот вопрос задают себе не те, кто начал войну, а те, кто пожинает ее плоды, не те, кто сбежал, а те, кто остался. Войну начинают политики, а заканчивают люди. Даже нет, не так: войну начинают марионетки, а заканчивают свободные люди. Марионетки, мечтающие о России, пляшущие под чужую дудку, шуты с трехцветными бубенцами, услужливо прыгающие перед троном... Как же так получилось, что они сделали погоду в моей стране? Ах, как же чудно мне сказали сегодня: “Интересно, а почему русские, живущие в Америке, не просят защиты у Путина или присоединения Америки к России?”

Встречаю шахтеров с другого поселка. Радуются, спрашивают, можно ли прийти, просто, поговорить. Вопрос один — шахты. Обесточенные шахты могут погибнуть, людей нет, все начальство в бегах. Погибнут шахты-погибнет город. Вспоминают, как их звали на митинг против хунты, слова городского руководства.

- А ведь они просто все закрутили и бегут, бросили город и бегут, денег наворовали, а чтобы их не посадили, создали вражду между нами, вону. Вон, Иваныч, с Ужгорода. Слышь, ты меня ненавидишь? — Нет! И я его уважаю, а то, что тут на русском, так и шо. Я в Киеве был, дочка, там. Там тоже на русском говорят. Эта война, чтобы народ не спросил сколько украли, где деньги Януковича. Вот, говорят, Донбасс выбрал Януковича, значит виновен. Так мы бы и спросили. Они боятся , что мы с Западом на депутатов та олигархов пойдем. Вот и война. Чтобы нищие мы были и покорные.

Люди тянутся к друг другу, ищут защиты. пытаются разобраться в ситуации, найти соломинку. Потряс еще один вывод: “У Востока, у Донбасса никогда не было лидера и руководителя, любившего Донбасс, жившего Донбассом” ...Так, шуты и марионетки, дерущиеся за колпак...

Как же тяжело идти по уставшему городу, как же тяжело нести груз всеобщего предательства и лжи. Но люди улыбаются,

шутят, живут...

На рынке много брошенных торговых точек. Хозяева, уехали, все бросили. Много брошенных квартир, домов. Рабочих мест. Те, кто еще вчера был рабочим и работал на хозяина, сам начинает работать на себя, становится свободным. Кто не мог трудоустроится, идет работать. Все чаще звучит “да хоть бы не вернулись”, радуются неудачам “беженцев”, верят “заживем”, шутят “может в плен кому сдаться” и...покупают цветы.

Бабулька продает лилии, огромные, как солнце, желтые, прямо светятся. Останавливаюсь.Желтый цвет, мое все. Маньяк. дома, желтые тюльпаны, нарциссы, розы, лилии. Женщина моих лет, тоже выбирает росток (лилии с клубнем).

Бабулька:

- Дивчата, берыть. Я дешово отдам. Война, цветы никому не нужны.

Женщина, улыбаясь, говорит:

- А я возьму, вот войне назло, возьму, чтобы жить!

Мы улыбнулись друг другу и пошли, неся домой желтые, солнечные лилии, чтобы войне назло, чтобы жить!

История пикантная

Аптека. Очередь. Набор один и тот же: “Корвалол”, “Барбовал”, “Валидол”, “Трикардин” или вообще “что-нить от нервов”, “что-нибудь успокоительное”, “хоть что-то, чтобы спать и не слышать этого всего”...АТО! ГРАД! И всякая иная хрень в виде непредвиденного шума и осадков, доводить людей до аптеки. Говорят у нас, самый популярный анекдот такой:

- Девушка дайте мне самый сильный антидепрессант, самое сильное снотворное, самое сильное успокоительное.

- Только по рецепту врача.

- Ага, значит, прописки Луганская область, вам недостаточно!

Так вот. Аптека. Очередь. Продавцы уже вокруг себя, чтобы не бегать, наставили требуемого (популярного) снадобья. Толкучка. Очередная уставшая, с опущенными плечами женщина отходит от кассы, укладывая в сумочку набор для выживания, что-то смутно вспоминает и задерживается. Следом за ней к окошку подходит мужчина, лет эдак за 45 , который .после уже заученного до оскомины набора ,произносит:

- “Корвалол”, “Барбовал”, “Валидол”...презервативы!

Это, наверное, как-то неожиданно прозвучало для обарбованных за дни пальбы и расшатанных нервов аптекарш, что переспросили:

- Что, извините?

- Презервативы, и “Вигор” (это бальзам такой)

Провизор упаковывает товар. Но речь не об этом. Женщина, которая была перед ним, поднимает голову, и застывает, глядя сквозь мужчину, толпу, стены, пространство и время. Ее взгляд то растерян, то задумчив, то сфокусирован, то рассеян. Видно, что она пытается что-то обдумать, вспомнить, решить.

Вдруг резко она поворачивается и возвращается к окошку.

- Да, да, вы правы,-говорит она в никуда. — Нам всем надо успокоится! Можно?!

Мужчина уже расплатился и уступил женщине. Очередь непонимающе стояла. Так же смотря в никуда и пребывая в состоянии “ясамаещенезнаюноужерешила” женщина обращается к аптекарше:

- И мне тоже самое.

- Что, тоже самое? — уточняет аптекарь.

- Презервативы, “Вигор” и, пожалуй, “Виагру”....

Уставшая очередь, как-то выровнялась и посветлела.

- Правыльно, дочка, — заякорил состояние “агулятьтакгулять” сидевший на стуле дедок, — у войну лучше любитысь. Всегда у войну любов лучше була, сильнее.

И никто из очереди не возразил. Вот она, седая мудрость!

История боевая или как две кумы у гости ходили

У нас тут в сумрачном приграничье, чуть испортилась погода: то ГРАД, то гаубицы, то еще какая нить хрень с задолбавшего уже заботой и дружбой государства залетит, шарахнув по нервам и загнав жителей приграничья в подвалье. Четвертый день чувствуем себя больше подвальным населением, чем приграничным, но, так как у нас, большинство люди деятельные, то удержать их взаперти сложно. А тут у Валентины Ильинишны день рождения приключился.

Звонит она своим кумушкам, и, приглашает это дело, так сказать, отполировать. Но... за окном осадки в виде осколков. От кумы до кумы дорога хоть и через улицу, да огородами, но в условиях АТО, оно как-то не то.

Запечалились кумушки, как быть-то? Ильинишна нахваливает разносолы (ииииии, винигретика нарубала мисочку, салатика там, видов 5 по чуть-чуть сделала, селедочка, курочку запекла, наливочку достала, стоит запотевшая, скучаиииииииить), да названивает, а тут вражина дружелюбная шмаляет картечью минометной. Беда! Но.. это же, наши, поселковые. А хрен тебе

сепаратист-клятый, ЛНРовец-дружелюбно-градом-плюющийся. Наших баб, ни чем не пробьешь. Перезвонились, обдумали ситуацию, приняли стратегическое решение: бежать к друг другу, а потом к куме на застолье…

Внимание! Тайная, досель не познанная стратегия нашего поселка! Кумушки Наталья Павловна да Светлана Ивановна, решили, что добежать в гости к куме да застолью, можно укрывшись под старой чугунной ванной… Вид сбоку. Дорога. Сумрак. Редкие звезды и бледнеющий отсвет, поднимающейся над горизонтом луны. Звуки стрельбы во всей красе (пиу, бах, трах, ата-та, бух, бам и даже бабарабах). И, как черепашка-ниндзя, держа над головой ванну, быстро семеня и приседая под каждый бабах, по дороге движется… неопознанный военно-угрожающий объект, матерящийся, виляющий и подпрыгивающий на ямах…

От пивного ларька в сумерках вальяжно отходил, держа стакан прохладного “Ровеньковского”, Семеныч (старый вояка, его тоже особо не проймешь). И тут. В небе иллюминация, бабах. На дороге “итить колотить” движется танк неопознанной породы. Семеныч, не все видать повидавший на своем веку, сделал кульбит через забор, пожертвовав пивом. Танк пронесся мимо. Зато на следующий день, Семеныч был центром вселенной. Пиво лилось рекой и покупалось для Семеныча, как награда за фактически удержанной, в одиночном рукопашном бою, обороны поселка от страшной американской секретной разработки. А вы, Правый Сектор, Правый Сектор, нашли чем народ пугать. Вы у нас на поселке ночью баб с чугунной ванной на голове не видели.

История про огурцы и ГРАД

С утра наш поселковый мужик Михалыч возле магазина был какой-то не такой, взлохмаченный, нервный, курил и переминался с ноги на ногу. Хотя, если честно, то после вчерашнего праздничного фейерверка, которым порадовало уже окончательно задолбавшее заботой и, абсолютно офигевшее от, душащих его мосх, гормонов любви, соседнее государство, посельчане пяти приграничныхпоселков выглядят не очень: постоянно приседают, оглядываются, норовят скакануть в ближайшую канаву от звука удара колеса в выбоину, прислушиваются, трясущимися руками не могут попасть по клавишам телефона…

ГРАД у нас занесло с соседней, невежественной страны. Люди там живут темные, этикету не обученные, они, видать не знают, что любовь и забота это не поля жечь, дома рушить, да людей

стрелять. Оружие они себе понапридумывали, а вот, что к оружию честь, там, ум да совесть прилагается, этого, вот, нет, не заложено в их шипащие дружелюбием гены.Но речь, не об этом, хер-Путин с ними. Речь о Михалыче.

Бабы с подвалов вылезшие, новостями делятся, переговариваются, перезваниваются, ждут наше боевое информсопротивление из самого пекла, молочницу Маришку, а Михалыч, курит, нервно лохматит волосы и нервничает. Бабы уловили запах переживаний в воздухе.

- Шо, Михалыч, Катьку в евакуацию, отправил, и теперь завидной, холостой, ихтить, шо жених.

- Ага, че чуб крутишь, рекламируешься?

- Ой, Михалыч, може, это, завтра ко мне в подвал, будем вместе бомбежку пережидать, а? Не так лячно будет, у меня подвал большой, теплый, 3 литра антистресса...

Короче бабы нашли на ком коготки поточить, да испуг свой выгнать.

- О, гляди, налетели, загалдели, бедного мужика ГРАДОМ не добило, так вы мозг вынесете,-заступилась на Михалыча т. Галя,-шото ты в прям нервный, колись, что случилось.

- Не, ну прям, затюкали мужика, може помощь нужна и вправду, -посуровели бабы, прочувствовались и взяли Михалыча в кольцо дружелюбия и сострадания.

- Мож борща наварить или зашить шо, ты Михалыч не стейняйся, мы ж соседи, чего ты, — завурковали посельчанки.

Эх, их бы, да в соседнее государство, в правительство, чтобы показали, что такое истинные любовь и забота...

Михалыч долго мялся, но раскололся.

Катька, его жена, баба стервозная, если, что, сказала там, или задание дала, попробуй не выполнить, АТО тебе будет по полной и на том свете еще отАТОшится. А так как она уехала к родне в Краснодар на виноградники (раньше в Крым ездили, сейчас в Краснодар), то дала ему задание, значит, огурцы закрыть. Вот и ними-то Михалыч и попал. Он банки крутит, а они надулись и угрожают, словно заграничное поле кукуRUзное, а вчера и во все рванули, все полсотни штук

Говорит, Катька убьет, эт точно. Обои в доме в рассоле, листьях вишневых да корешках хреновых, укропчик на люстре в виде украшения, родная жена, по приезду, явно это не примет, как арт-дизайн.

Бабы, ржать, переживать, рецептами делиться, расспрашивать, как рвануло, запах там, вкус рассола, предлагать варианты спасения. В разгар беседы, Марковна:

- Итьть колотить тебя Михалыч, так это, что мы ,из-за твоих

огурцов в подвалах сидели?! Мы думали бомбят, ГРАД, а он, зараза, огурцами палит, нервы нервирует. Ты б еще, гад ползучий, супчика горохового сварил, шоб наверняка было.

Гогот, хохот, краснеющий Михалыч… Солнце… небо… жизнь… Как и не было страха, взрывов, войны… А может так и нужно, чтобы войне назло, чтобы жить, с песней врагу в лицо, с частушкой, с анекдотом, юмором, чтоб не дрожать, а верить, а верить, значит жить.

Взяли бабы Михалыча под руки, накупили крышек, снесли рецепты, и пошли купорить стратегический запас. Катька, это не АТО, это АТО проходящее, а Катька вечна, не закроет Михалыч огурцов, будет ему така любофф… Так что пошли делать мир и благополучие в виде запасов, спасать рядового Михалыча. А заодно и постирали, и борща наварили, и варениковнаделали,душа-то у нас широкая, степная, любить так любить, заботиться, так заботится. И вот хрен возьмешь нас, на испуг, степных шахтерочек!

Царю

Сегодня так. Может не привычно, не судите строго,но так…

Горит моя земля… поля… самолет… дома… дети… солдаты… сады…шахты… слезы…

Царь, что возомнил себя богом… да будет суд, тебе, земной и вечный.

Царям земным,что царствуют и ныне…
А у нас любовь
от осени к осени.
Вера в Бога, так,
от праздника к празднику,
Что осталось от души — рукой не трогаю,
Все равно ведь упакуют в ящики.
Не для многих приготовят саваны
Бирюзою, жемчугами шитые,
Непокорных, прикроют рваными,
Из стихов да из песен свитыми.
Пред землей мы все равны, помнится,
А пред Богом души встанут в нагости
То, что был земным царем — вспомнят ли?
Ведь мы все плохи умом в старости.
Сто дорог за жизнь пройти сможешь ты,
А сто судеб пережить – спорится.
То, что был земным царем, радует-

Есть ли те, кто за тебя молится?
А земля разделит нас поровну,
Между нами она знак уравнения.
То, что был земным царем, вспомнят ли?-
Нет страшнее ничего, чем забвение.

Мы в норке!

Сегодняшняя загадка, думаю, на всю ночь? Что делать, если один терикон перестреливается с другим терриконом, на них нападает дорога и посадка, как-то подозрительно ведет себя мост и соседняя деревня? ...поэтому просто оставляю сообщение, чтобы не волновались. Мы в норке!

Удивительная вещь это АТО, открывает таланты, излечивает болезни и фобии. Я вот сегодня поймала себя мысли (после ...надцатого упал – дополз – подвал – вылез — отполз – упал – дополз — подвал), что у меня вообще-то клаустрофобия, я так понимаю, была. В подвал я раньше не спускалась ни при каких обстоятельствах. А кума при виде паучка (даже мизерного) падала в обморок. Сейчас, ничего так, паутинку смахнула, в подвал заскочила...

История пенсионная

Я как-то писала, что пенсия, это наше фсе! Это в истории про ловлю на блесну. Так вот, подписываюсь под каждым сказанным словом, пенсия (как обозначение очень пожилых людей), наше фсе, особенно, когда эта пенсия наша, родная, украинская.

У нас тут на поселке и в окрестностях, дни, так сказать, задались. Видно сумрак просто так уходить не хочет, пытается больнее укусить, и дыхнув в душу недельным перегаром, отползая в родной Мордор, отгрызть от нашей земли хоть что-то. Хоть что-то — это остатки предпринимателей на рынке, магазинчики (причем почему-то принадлежащие простым чпешникам, а не элите города, ну там, дитям и женам чиновников, начальников). Видно, сумрак своих не жрет.

Вот и пришла беда и в наш магазинчик. Он у нас и так на поселке, как островок мира. В город-то особо под взрывами не поедешь. Молодежь-то на работу бежит, выхода нет. А старики, утром в магазинчик за хлебом, да Маришку-молочницу встретить. Там и новости узнать, так сказать вести в мирной земли, и с линии фронта (поселков, что дальше нас находятся). Почта-все,

канула в бездну войны, закрыли, как и опорный пункт милиции. А магазинчик семейный,уютный, держит его семейная пара, у них и интернет, и газеты привозят, и новости без садистских наклонностей, и улыбнутся, и в долг дадут.

В городе, чуть бахнуло — все в подполье, да и цены ломить начали, мол, страшно за товаром ездить, а наши, цены держат, под запись до пенсии и зарплаты людям дают, говорят, мы же одна семья, поселок, должны вместе держаться. И тут на днях с утра пораньше, подвалило в наш поселок счастье негаданное, освободительное из полей приграничных набежавшее.

Возле магазина людей, слава Богу, не много было, в основном бабы, да пенсии мужского роду человек пять. Освободители, представители, так сказать, новосамоназначенного государства: в камуфляже с автоматами по деловому зашли в магазин, скрутили продавщиц и провели освобождение магазина от продуктов питания, алкоголя и денег. Продавщиц в качестве трофеев защитники (видать для лучшей защиты) взяв на мушку автомата построили возле УАЗика. Девчонки стояли бледные, но молча, не истерили, сжав губы, слезы тихо капали на землю.

Редких покупателей заботливые мирные военные с мирным триколором мирного государства на рожках мирных автоматов положили в магазине лицом в пол, видать для безопасности защитников. Пенсию в лице пяти дедов не тронули. Деды остались сидеть под ясенем, где у них генштаб -стол и лавки для посиделок. На их лицах вообще ничего не отразилось — камень.

- Слышь, хлопчик, — обратился Петрович к военному, охраняющему женщин и поглядывающего в глубь освобождаемого магазина, — а ты хто?

- Я вас защищать приехал. Мы — армия, которая вас защищает! — четко по форме отрапортовал военный.

- А ото понятно, шо армия, не понятно от кого защита така организувалась? Шо, опять немцы напали?- с прищуром, похожим на взгляд снайпера в прицел снайперской винтовки, продолжил Петрович.

- Мы вас защищаем от укров, нациков и Правого Сектора, которые хотят вас отдать в рабство Америке.

- Тю, сынок, — отозвался второй Петрович, — та яке рабсто, ми ж тоби не рабыня Изаура, мы ж уже все, нагрузка государству, нас Америка даром не возьмет ни в рабство, ни на оте органы. А ты, родненький из видкиля приїхав на защиту отечества? Зовут-то тебя как?

- Ага, — вступился Егор Иванович, — если защитник, чего автоматом машешь, баб пугаешь, давай по форме знакомится, ты ж, засранец, мене у внуки годишься, а автоматом мне машешь

тут.

Деды пошли в наступление. Военный, видать обалдел, почувствовал себя как-то неуютно при виде боевой пенсии, медленно к нему приближающейся.

- Ваня, я, вернее, Иван. У меня тоже дед воевал, — попытался скрыть свою внутреннюю неуютность и нарастающую неуверенность защитник, выставив вперед виртуального геройского деда.

- Оце Иван, правильно, шо деда помнишь, шо дед у тебя геройский был, правильно. Он, Петрович, тот воевал, а мы, не, мы — дитя войны. Я работал на заводе, Иваныч, самый молодой у нас, 43-го года, сиську совав у вийну, но геройсько так, да, Иваныч. От дед, твой, когда Берлин брав, наверно, ему кричали, Иван-освободитель идет, а Вань?

Парень опустив автомат уже в окружении пенсии, забыв за двери магазина, которые он, по-видимому, должен был прикрывать, за врученных ему продавщиц-заложниц, пардон, освобожденных. Что-то пытался парировать пенсии. Ага, щас! У нас, между просим, в генштабе пенсия политически грамотная, подкованная с твердым моральным духом.

- Ну, да, — начал мямлить защитник, — дед, тот ого-го.

- А ты на деда-то похож? — начали допрос военного стратеги, плотнее сжимая кольцо.

- Да, — гордо молвил боец, и даже как-то расправил плечи, — мы с дедом фактически одно лицо, — меня в честь деда называли Иваном.

- А шо ж ты, еханый ты пень, героическую память деда позоришь,-генпенсияштаб пошел в наступление, — ты шо ж с бабами воюешь, а, защитник ты хренов, ты шож на дедов автомат наставил. Да твой, дед щас на том свете, небось за портупеей потянулся. Пекло ему, уже не пече и Рай не светит, як бачить, як його онук баб мордою у асфальт защищае, чи бабы нимецькие? — Не! Наши! Чи бабы Правый Сектор? Не, корово-огородный сектор они! А дед твой, Ванька, тоже магазины грабил? Русских убивал? Може и баб убивал?

Деды пошли на штурм. Оттеснив нервничающего освободителя от продавщиц, деды тихо увели их в сторону, и, прикрыв мощным “а, етить колотить, стреляй и в нас, сходим на тот свет с дедом твоим пообщаемся, про онучка расскажем” — дали возможность девчатам покинуть поле боя.

Берлин пал! Иван, буркнул что-то типа “Россия нас спасет”, “нам есть не чего, укры все отравили” и “вы еще нас благодарить за Путина будете” и залез в УАЗик. Пенсия вернулась в генштаб, ибо к УАЗику подтянулись освободители с освобожденным из рук

украинских предпринимателей товаром. Машина взвизгнула, освободители дали автоматную очередь над головами тех, кого они почему-то решили защищать (или зачищать) до последнего...

Генпенсияштаб как ни в чем не бывало вернулся на место дислокации-на скамейки под ясень. Девчата еще долго плакали в кустах. У многих из нас деды воевали, может просто не все против своей земли...

Над головою — гаубица

На улице снова дождь, мелкий, но успокоительный. Над головою -гаубица. Стоит и смотрит на мир своей черной мордой. Вот теперь полночи жди и думай: гахнет не гахнет.Вторая такая хреновина за 2 км от меня, на другом терриконе. Как сюрр она висит над головою дорогого мне человека, доброго и переживательного — моей кумы, действуя ей на нервы. Вчера они (гаубицы) перестреливались с друг другом, видно о чем-то спорили. Кума звонит и говорит:

- Слышишь, это я на тебя напала. Отвечать будешь?

В небе шуршит снаряд...

- Уже!

В телефоне слышно гулкое бабах.

- Блин, ты где, в подвале?

- В подвале!

- А че напала-то?

- Да это я тебя за огурцами в гости зову.

- А позвонить не могла.

Смеемся. Смеемся с таких вещей, что раньше бы и в голову не пришло. Иногда мы думаем, что мы сошли с ума, но встретишь нормального, из ЛэНэРа или СССР, послушаешь, что говорят, и думаешь, как хорошо быть сумасшедшим. Поэтому смеемся, воспринимаем мир с чувством обостренного оптимизма.

Рассказывает:

- Представляешь, захожу в дом и вдруг прям рядом ...та-та-та-та-та, я аж присела, как рвану к подвалу, мой орет: “Успокойся, это в телевизоре!” Кино про войну смотрел. Вот, гад, ему значит, улицы мало. Я на него наорала, выйди, говорю, гад, залезь на крышу и смотри войнушку, я тебе еще попкорн куплю, шоб полное тебе 3D было...

...Сегодня морды гаубицы молчат. Может, потому что я огурцы у кумы забрала? И это даже не морды, нам кажется, что сам Мордор смотрит на нас своим черным глазом. Из-за этого мы не спим. Така любофф, как говорит моя кума.

Вежливые люди

Сегодня в магазине делали покупки вежливые люди, в камуфляже, без нашивок, шевронов и ленточек, сильно окающие и непривычно зашуганно оглядывающиеся. Наши так себя не ведут. А так как у нас, схiдняков, говор специфический, то многое они переспрашивали. Народ, не смотря на вежливость, проявил пылкую агрессивность. Думаю, любофф к военным — это теперь у нас надолго. Народ после трехдневной жизни под перекрестным огнем ГРАДАов, на телячьи нежности с военными не готов (тем более народ пришел без оружия), так и норовят “за поребрик” отправить. Сначала аккуратно, а потом уж, как на слово лягло, стали выяснять у пришлых, причины их дружественного пребывания в нашем поселке с военным визитом. Спросили по сути:

- Стрелять сегодня будете?

- Нет!

- А че вчера гатили?

- ЧавО?

- Стреляли вчера чего, спрашиваем, тут же русские люди, зачем убиваете?

- Мы по вашим военным стреляли.

- А наши военные такие же русские люди, чего стреляли? Кто вас прислал?

Молчат. Нервничают. В руках “Мивина”, хлеб, минералка, кефир.

- Нам сказали, что вы хотите жить в Новороссии, и все будет, как в Крыму, мы придем, вы проголосуете, и все. Мы стреляем,потому, что вы защищаетесь, — выдал военный, — почему в нас стреляют ваши люди?

Орали все. Даже те, кто ходил на референдум, даже те, кто, что-то там говорил о дружбе народов. Много матом. Много о том, что на референдум ходят с пивом и выходным днем, а не в бронежилете в под пулями. Спорили. Доказывали. Но в основном друг другу. Опять переругались, плюнули, помирились и опять поругались. Военные сдержано молчали.

И тут выдал Михалыч:

- Не, ну хлопци, молодцы, это ж що, фактично получается так: приходышь до дому, а твий сосед твою жинку жарить, а ты його за это дело не бить, а пивка холодненького налыть, чи як?

Военных отпустили. На ступеньках магазина, правда, долго рассказывали о дружбе народов, о том, что разбитую и почти уничтоженную шахту-гигант “Должанскую-Капитальную” строил весь СССР, что здесь живут и те, кто родом с Сибири и

Казахстана, Удмуртии и Львова, Грузии и Молдавии, что Донбасс — это колыбель всех народов, так как строить шахты ехали со всей, тогда еще одной страны, что Крым, такой же наш, украинский, как и Донбасс, так как здравницы в Крыму строили тоже всем миром.

Военные не понимали, но и не спорили, но то, что в их глазах читался полный сбой программы, это факт. И, как сказал Михалыч, подытожив встречу дружески воюющих народов:

-Ты дыви, як нас завели, як ото собак, га. Стоїмо, загривки подняли, зубами скрегочемо, от жаль, не на тех спустили, треба ж було олигархив рвать, а не шахты бомбить да народ убивать.

История о двух магазинах

Раскол по политически-цветовой гамме, идеям и интересам на нашем поселке произошел давно, еще в смутные и веселые времена, бередящих ум и тело наколотых апельсинов. Дебаты, политические дискуссии и, даже, политические бои вспыхивали на каждой улице. Мир, такой тихий и привычный, где, что сказал начальник или мэр, то и верно, приобрел четкие бело-голубые и оранжевые краски. Или-или, третьего не давно.

Люди, заборы, деревья выглядели, как новогодние елки. Креативщики из штабов В.Януковича и В.Ющенко соревновались, кто за ночь больше обгадит деревьев, навязав на них ленточек с цветом своего лидера. Ленточки были везде: на шляпках, в волосах, сумках, рюкзаках, руках. В маршрутках ездили так: в одну маршрутку садятся пассажиры с бело-голубыми нашивками, в другую — с оранжевыми, чтобы за время следования маршрутки народ не поубивал друг друга и шофера.

В городе возросло количество разводов по политическим мотивам. На поселках и в селах коров называли не иначе, как Федорович, Юлька и Витька. Пик политических страстей, конечно же история с апельсинами. Это вынесло мосх надолго. Местные газеты захлебываясь, иногда казалось, что писаки, прямо вываливаются со страниц, с пеной у рта, доказывая, что сами ели, вскрывали и видели след от иглы...

На рынке стояли грустные продавцы фруктов: апельсины покупали мало. Человек, подходивший к прилавку и, нарочисто громко, оглядываясь, как будто оповещая, говорил:”Мне, пожалуйста, 5 кг апельсинов, я смотрю они у вас такие оранжевые, упругие!”- вызывал взрыва мозг у окружающих и фактически превращал торговую точку в поле боя.

С моей подругой не разговаривал подъезд, так как у нее жили

студенты-наблюдатели со Львова. Жиночка устроила истерику, что на рынке ей положили продукты в оранжевый полиэтиленовый пакет, чем, возможно, в умышленных целях, произвели их заражение. Предприниматели, активисты, общественники и просто те, кто верил в перемены, как их тут называли оранжисты (орангутанги, ющенки, бандеровцы) устроили салют и из апельсиновых корочек выложили оранжевое сердце возле главного штаба В.Януковича , тогда еще ГП “….антрацит”, руководство, которого загоняя шахтеров, как скот в теплушки, возило их в Киев…

Люди шли за хлебом, а приходили с подбитым глазом, поскольку в очереди не сошлись политические линии. После очередного трека в СМИ, поселок и город впадал в очередную истерику “все, обнесут колючей проволокой”, “кто будет говорить на русском убьют, а дом заберут”, “если съесть апельсин, то сразу начнешь любить Бандеру и Ющенко”…

Так над нами испытывали могущественное оружие: Слово. Играя подачей информации в пользу того или иного политика, раскачивали лодку всей страны. Информация не должна быть «за» или «против» . Информация не должна настраивать . Она должна быть по факту.

Так, что в далеком 2004 у нас на поселке зарождалось гражданско-политическое общество. Одни, как бабочки, выбирались из коконов совдепии, и, пытались расправить крылья, другие, цементировали кокон изнутри, желая остаться в своей нерушимой, непоколебимой вере в то, что наш, донецкий царь, будет лучший царь в мире. Ах, если бы, мы тогда знали, к чему это приведет… Ах, если бы, вынесли уроки разочарования в политиках и важности единения общества… Ах, если бы…

Разноцветно-политическое противостояние тогда сильно затронуло наш поселок. Два конкурирующих магазина, расположенных друг напротив друга, оказались и политическими конкурентами. Хозяйка одного подняла бело-голубой флаг, хозяйка второго — оранжевый. Продавцы, кто был не согласен, демонстративно уволились, на их место пришли сознательные. И началась монотонная война за умы и души посельчан. Я не буду писать названия, чтобы не привязывать магазины к местности, у нас тут (читать пост ниже), в магазины сейчас не только на танках приезжают за покупками, но и освобождать приходят.

На агитации тоже особо внимание заострять не буду, коротко скажу: оранжевый магазин, улыбался, на хамство отвечал “будь ласка”, “пожалуйста”, “приходите еще”, разложил газеты, листовки с проблемами поселка и путями их решения, листовки с адресами ведомств, телефонами куда нужно жаловаться на

чиновников, как добиваться правды, помогал писать жалобы на ЖКХ, и водоканал, дорожников и газовиков, проводил уборки территории, субботники и концерты.

Голубой магазин сделал скидку на пиво и водку. В оранжевый магазин людей шло мало… Проклинали, плевались больше. Хозяевам было тяжело и морально и материально… Ведь жители поселка, ненавидя друг друга стали делать покупки только у своих… Хозяйка голубого магазина, обалдев от победы над оранжевым конкурентом взвинтила цены… и народ стал возвращаться в ненавидимый им оранжевый магазин и вздыхать, что, мол, вы хоть и политически неправильные, но “спасибо” у вас, и “до свиданье”, и “как здоровье, дедушка” и цены ниже …

Закончились выборы, пришло разочарование, но листовки остались, добрые слова запомнились, дружба стала крепче, доверие больше. Стало традицией приходить сюда на посиделки и за советом. И уже не ругаться с проклятьями, а, поспорив, обращаться к всегда улыбчивой хозяйке, “щоб розсудыла, як умна жинка”. Голубой магазин закрылся, и остался у нас на поселке, как островок, единственный магазин, с улыбкой, пониманием, теперь подпольными листовками, украинской заботливой душой, но большим доверием граждан к информации. И когда пришла другая беда, оказалось, что все сделанное добро и сказанное слово, не исчезло, а осталось в душах. Может поэтому у нас на поселке больше тех, кто за Украину?

Жизнь ломает нас, вносит политические коррективы, политики играют словами и, чаще всего, заигрываются. Забываются политические цвета, втаптываются в пыль истории политические флаги, уходят с игровой доски политические фигуры, остаемся мы… моя кума, тетя Галя с утками, тетя Оля с рашатв, Михалыч да Петровичи, Раиса с железным кулаком и 30-летним стажем на выборке, тетя Люба да сотня других посельчан… Сейчас по политическим мотивам уже не разводятся, а разъезжаются. Опустел наш поселок. Удивительно, но первыми уехали самые отъявленные митинговальщики и ненавидельщики, стратеги и вояки, бояльщики попасть на органы и быть захваченными в плен бандеровцами. Они бросили все:престарелых родителей, иногда даже мужей (жен), дома, собак, скотину, работу, шахту…

Не все гладко у нас в политической тусовке поселка, еще ругаются, еще ищут виновных, хотя больше плачут за погибшими украинскими мальчишками “бо це ж наши диты”, и “чому отта собака, з 30 дому у Россию втекла, заварила оце все, а хлипци прыїхалы нас видбывати, и померлы”, больше жмутся к друг другу, больше помогают друг другу…Объединяет Любовь и Горе,

разъединяют Ненависть и Зависть. Те, кто ненавидит Украину, он сожрал, себя, изнутри пересказывая истории про апельсины и органы. Их пожирает страх и гонит с нашей земли. Те, кто любит свою землю и Родину, заботятся о соседях, и спасают шахты, не для себя, для Украины, так как верят, что теперь-то шахты будут государственные и будут давать прибыль стране.

К чему я это все: я не пишу рассказы, я — не писатель. Я веду диалог, я рассказываю нашу жизнь, вскрываю нарывы, ищу зачатки болезни, исследую противоядие, хотя бы потому, что мне страшно. Говоря со своими, уже родными, ФБ друзьями, я анализирую, вспоминаю, заново открываю истины себе, нам. Может быть помогаю себе, нам не забыть, покаяться, простить, заново начать любить, не разделяя на Восток и Запад, а любить всю страну. А что было бы, если бы посадили с конфискацией имущества всех заводил и участников съезда в Северодонецке? может быть не было бы этой войны? — простили, забыли?! Только мы, жители Донбасса, или забыли мы все? Нет разделения в боли, в предательстве, обмане, манипуляциях и лжи. Мы слишком много прожили, но каждый раз прощали, велись на манипуляции, не искали правды, не делали выводов, не сжимались в кулак, не чувствовали единения. Теперь вот так, с кровью, с хрипом, со страхом, через смерти и подвалы, через страх потери Родины, мы становимся гражданами. Те, кто уехал, пусть, нам не жалко, мы не скучаем, мы принесем лекарство их матерям, покормим их собак...

Мы делаем зарубки на душе...чтобы помнить...чтобы жить, без крови и войны, без стравливаний и манипуляций, чтобы управлять страной, а не чтобы управляли нами...потому что, все должно быть Украина.

Любовь Луганщины

В огнедышащем Луганске так много любви, настоящей, искренней. Здесь остались пары, один (или одна) из которых имели возможность уехать, но выбрали быть со своими любимыми — “в горе, и в радости”.

Здесь остались взрослые дети, поддерживающие своих тяжело больных родителей — “мы с тобой, держись, только держись!”.

Здесь остались старики, готовые зубами вгрызаться в родную землю, и если и умирать - то только здесь, где самый лучший рассвет, и самый лучший закат...

Здесь остались влюбленные в свое дело чудаки, не мыслящие себя в ином месте и на ином поприще.

Никого не призываю повторять этот опыт. Он иррационален. Просто знайте — в этом городе много любви. Любовь теперь проверяется так — “я с тобой, навсегда, даже если война постучала в двери, не брошу и не предам”.

“С любимыми не расставайтесь”. Мира нам всем. Мира этим влюбленным. Мира Луганску, Донецку, всей Украине, и всей Земле. статус — Яна Ярошук. Начало поста- это не мои строки. Это статус-Яны Ярощук. Это Луганск. Он плачет, я плачу с ним. Мы любим и плачем вместе! Я хочу, чтобы вы увидели ЛЮБОВЬ Луганщины!

* * *

Когда закончится война, мы выпустим много книг о событиях этих дней: в них будет горечь правды и щемящее чувство предательства, жесткие факты и нервы обнажившие чувства, но, главным, звенящим, ликующим и спасающим в этих книгах будет Любовь! В них будет моя Луганщина! Мой Донбасс! Где-то чуть дальше от меня, горят Луганск, Лисичанск,Рубежное, Северодонецк, Попасная, Донецк, горит моя земля, то ли умирая, то ли очищаясь.Мы платим по счетам не за свое предательство. И мы горим и страдаем вместе с ней! Прикипев душой, полюбив, разглядев в нашем крае шелковистость ковылей и шершавость земли, не принимая разумом, тот чуждый нам сумрак, что заполз на нашу землю, мы держим свой край, себя, Украину любовью! Я верю, что Украина, как птица Феникс воспрянет из пепла, станет крепче, спасется в огне, и , я верю, победит Любовь, к Родине, Земле, Богу, Человеку! И те, кто пройдет это очищение, сможет изменить мир! Потому, что они познали Любовь!

Сводки из зоны АТО. 22.07. 2014-23.07. 2014 г.

Начну с главного: все живы. Долго не было интернета, свет и связь, явления временные. И еще, наших людей (жителей сумрачного приграничья прилегающих сел и поселков по линии границы Изварино — Бирюково) в Аду можно будет узнать по абсолютно спокойным лицам, нашим людям там будет не интересно. Вчера начался бой. Его мы называем — ближний. Военные эксперты, разтуды ж. Это значит, что работают автоматы, пулеметы, минометы, в зоне прямой видимости (ближайшие посадки на 2-5 км).

Бой шел в линии поселков Александровка, Ананьевка, ш. им. Свердлова поля к станции Должанская. Т.е. по поселковому “у мене в городи щось бигае та стрыляють”. В 19-00 услышали гул колонны со стороны Краснодона, сразу поняли смысл

надвигающейся попы и приняли стартовое положение “земля-подвал”. В около 22-00 с неба выглянула мордашка дьявола, открыла пасть и дыхнула: 12 залпов с ГРАДА. Они просто полосовали нашу границу. Город не затронут. Поселки не знаю. Связи нет. Это был ад.

Ночь: красно-черное небо и зарево над Бирюково и Должанским. Что-то горело в на Калининском , Хмельницком. Били с 3 или 4-х мест. Били интересно: сначала один залп с нашей территории (район Должанского плодо-питомника) ГРАДом из России. Через час просто шквал огня по КПП Червонопартизанский и просто залпы шли по линии границы до КПП Должанский, по поселкам, шахтам. Просто линия огня. Что-то взрывалось, горело, небо, как колонны , подпирали столбы черного дыма. Связь умерла так же быстро, как и интернет. Те, кто успели дозвониться, не только сообщали о ситуации, а просто прощались, так, на всякий случай.

В некоторых подвалах, которые обложенные кирпичом, кирпич выбивало из земли. Многие вышли из подвалов, особенно, люди проживающие в Червонопартизанске, они говорили, лучше видеть смерть,и принять ее сразу, чем быть заваленным в подвале. Мы не знаем, какие и где расположения наших войск, мы их еще не видели, после того, как отступили от Изварино и Червонопартизанска.

Мы видим армию Мордора, которая кружит вокруг нас, как стая хищников: машины из Краснодона (ГРАДы) приезжают к нам, потом едут в Ровеньки, возвращаются... Иногда бывает такое чувство, что они просто обстреливают город меняя места дислокации. Почему правительство не признает , что это война????? Это не АТО. Это война!

Не хочу сглазить, но... наш поселок цел и невредим. Мы даже стояли ночью на улице и смотрели, как со стороны пос Васецкого РФ вылетают залпы огня (он не напротив нашего поселка, а чуть левее, в поле), там, возле ставка, живет еще одна наша родная душа, которая вчера успела дозвонится своей дочери, которая живет здесь, и сказать: “Дочка, у нас наперли “Катюш” , они смотрят на вас”. Люди не знают как описать ГРАДы и сравнивают их с Катюшами... Ночь была душно и жаркой... Мы боялись, но знали, над нами Молитвенный Щит, и Вы молитесь о нас. Небо над нами закрывали Ваши руки. Спасибо!

21 июля 2014 года наш город посетил Бэтмэн. Прибыл красиво. Прямо в центр города. Это к нам на заправки приехала гуманитарно “заправляться” (по причине отсутствия в ближайших городах топлива) армия (судя по флагу) Бэтмэна. Заодно отжали у граждан с десяток машин. Почему-то на официальном сайте

органа власти написано “экспроприировали”, я думаю, что местные журналисты начитались раннего Ленина и Маркса. Экспроприировать у шахтеров, пенсионеров и предпринимателей, у маршрутчиков и даже у двух женщин, выкинув их из-за руля, как-то не вяжется с доктриной “забрать у богатых и отдать бедным”.

Я, извиняюсь, если что неправильно разобрала , так как в военной аббревиатуре слаба. Но черно-красный флаг с кругом, в котором летучая мышь, вызвал у нас тупик...

Если Бэтмэн все-таки существует, можно его попросить как-то включать мозг: в суде работают безоружные женщины и стрелять по ним из танка и автомата как-то не по-джентльменски. Все, слава Богу, живы, сильно напуганы, самоотверженно заблокировали дверь, глядя в прорези черной шапки представителя летучих мышей. А прежде чем нападать на два месяца пустующее здание СБУ, можно было узнать у власти города, что там никого нет.

Отдельное “мерси” милиции. Советовать нам обратиться в штаб армии Юго-Востока и ополчение города по причине нападения на суд — это так по-милицейски. В городе — аут полный. Хлеб — фсе! Суд — фсе! Еда — фсе! Вода -фсе! Пенсия — фсе! Банкоматы — фсе! В город не приходят машины с продуктами, так как они не приходят в Луганск. У нас в области, я так понимаю, назревает гуманитарная катастрофа. Назвать это АТО рука не поднимается, это война.

Опять перестреливались два террикона, хотя нацгвардии и ЗСУ в городе нет. Граница по прежнему живет своей собственной жизнью: кто-то приезжает (в основном на легковых авто и джипах), кто-то уезжает (в основном орошая поля и дороги кровью и на чем-то тяжелом и большом), кто-то по ком-то стреляет. И сумрак,похоже, перебирается жить в Гуково, там он отдыхает, кушает, тратит заработанные в поле боя, русские рубли, общается с семьей, а тут, приезжает пострелять, убивает, грабит и воюет. Раньше боялись татарских набегов, сейчас русских. Мир перевернулся вверх тормашками.

Звонок от родни

Звонок от родни застал в огороде. Так как работа фсе, то больше времени на солнышке, воздухе, с абрикосками и яблочками, тем более, предвидя, что зима будет суровой во всех смыслах, думаем о победе, мире, и делаем запасы, пока тихо.

Стрелять у нас взяли моду к вечеру. Родня в Подмосковье. На

этом можно было бы рассказ и закончить. Так как моих нервов хватает на все, кроме общения с любимой и, несмотря ни на что, не перестающей быть любимой, тетушкой… Мамина сестра лет с 30-ти живет после замужества в Подмосковье. Рожденная в Украине с полтавско-донбасскими корнями, вышивающая когда-то ….цатью видами крестика, бывшая шахтерочка (работала в шахте на откатке вагонов, лесогоном, на выборке породы, имеет производственные шахтные травмы ног), тетя Валя, добрая, старенькая, молится там за нас, но… Это “но” становится запятой в общении. В телефоне опять рыдания, тема та же — “всех убили, бегите к нам, я молюсь за вас, что вас скорее Россия к себе забрала”.

Останавливаю…

- Тетя Валя, у нас все хорошо. Да, идет война, да, стреляют, никого не убило. Я дома, мама здорова, дети здоровы. Мы живем в Украине, мы не хотим в Россию.

Пытаюсь перевести тему на урожай грибов, здоровье и женатость/ неженатость племянника, короче увожу, как могу от политики, какое там:

-Лена, там же фашисты, они всех убивают. Терпите, мы скоро вас спасем…

- У нас нет фашистов, нас убивают русские солдаты, стреляют из России, лучше угомоните Путина.

- Нет, у вас американские наемники, фашисты, они приехали вас убивать. А наши солдаты вас спасают.

- Тетя Валя, вас обманывают, у нас нет американцев.

- Нет, вы их не видите, у вас фашисты и американцы, они вас захватывают…

И тут в разговор вмешался гусь. Я подошла близко к загону, тут же была поднята тревога… либо давай травы, либо проваливай с территории. Судя по всему тетка услышала дикий вопль в телефоне.

- Что это, американцы? Лена, уходи, прячься, тебя убьют, — дикий крик с истеричными слезами в трубке.

Пытаюсь, давясь от смеха, докричаться:

- Стоп, стоп, тетя Валя, да это гусь. Гусь орет!

Я думала, что согнуть меня не сможет ничего, но истерический крик из телефона: “Чей гусь?!! Американский?!!!!!”, как говорится, сделал мой день. Вытирая слезы и заглушая смех, я отползла в тыл дома, передала трубку маме,и ушла рыдать от смеха и дослушивать перебранку: “Шо ты орешь? Какие органы, кого на органы, гуся, не, рубать не буду, до осени хай ходит, та причем тута наши органы, вам там, шо в России жрать нечего, шо вы к органам причепились, я тебе говорю, гуся резать не буду,

пока”...

История шпиЕнская.Облучательная

В поселке вирус шпиЕнизма. Все следят за всеми, так, на всякий случай. Мы приграничье, мало ли кто, куды и за чем. Времена нынче смутные, сосед по приграничью совсем разбаловался, то градом стрелконет, то минометом погыркивает. В общем, с соседом у нас совсем проблемы. Не дай Бог, кому такого дружелюбия. У нас в приграничье из-за этой заботы да дружбы соседской, уже коров совсем не осталось. Гыркнет соседушка ГРАДом, у коров на этой почве разрыв сердца приключается, не выдерживает скотина такого дружелюбного общения. А ту скотину, что нервами покрепче, хоть в хате держи: как набежит из степей волна гикающих перегаром, дружбою да братскою любовью соседей, все, пиши пропало, скотинку упрут и “спасибо” не скажут.

Как говорят у нас в приграничье: не выбирай хату, а выбирай соседа. Тем более, что хищения и другие проблемы поселка, так и не были до конца разгаданы. Так как полпоселка свято верило, что набеги совершают американские запроданцы, пришедшие за нашими душами и жратвой из голодной Америки, а вторая половина, все же грешили на соседей-завоевателей, тьху ты, освободителей, то, чтобы разоблачить вредителя, мужики организовали ночной дозор, чтобы с набегами, хоть как-то справляться.

Не, мы конечно соседей любим, мы вообще ко всем с душой степной да открытой, но когда картошку в поле копают, скотину тырят, да машины експроприируют (народное), тут у народа, реально к дружбе и братству отношение поменялось. Выпить совместно, песни поорать, там, к друг дружке в гости съездить на рыбалку там или за грибами, ну морду слегка, любя, так, по-соседски после баньки набить, вот это дело дружелюбно-соседское, и приятное, а вот урон соседям наносить — это, извините, как-то не по-марксистки-ленински. Поэтому было решено: все, трындец соседу, американцу или какому, другому вредителю.

Для этого достали из сундуков бездонных бинокли, подзорные трубы, и другую, отжатую у степных и лесных братьев, на картофельных полях пойманных, оптику. Залегли. Кто на сеновале, кто на чердаке, кто на крыше, а те, кто помоложе (у нас тут есть пенсия молодая, еще ого-го, пятидесятилетняя) так так на водонапорную башню полезли.

Иван Семеныч тоже на чердаке обустроил наблюдательный пункт. Наталья, тоже свет Семеновна, жена его, прониклась к такой государственно-важной службе мужа всеми чувствами: рюмочку налила, огурчика нарезала, помидорку солькою притрусила. Все, как говорится, для несения патрульно-пограничной службы, приготовила. И, прикрыв для соблюдения секретности дверь на чердак, убежала хозяйственными делами заниматься, так сказать, блюсти быт пограничника. А вот бутылочку, чуть отлитую забыла, как и мобильник.

Солнце, жара и оставленная бутылочка сделала свое дело. Семеныч разомлел и заснул. А тут мобильнику приспичило разрядиться, и он “пи..пи..пи..пи..пиииииииииииии” пискнул и умер. Семеныч услышав непонятный звук подскочил, к биноклю припал и что-то узрел. Это что-то светило лучом над домом главы поссовета, а потом методично, нагло и планомерно стало перемещаться от дому к дому и замирая на пару секунд, словно ощупывая крышу, двигалось дальше.

Вот оно! Этого момента Семеныч ждал всю жизнь! Он читал, он помнил о том, какой может коварный план быть у оснащенного по последнему слову технике американского врага, так как свято верил, что вся стреляюще-нападающе-ворующая проблема, исключительно американского, шпионского происхождения. Он помнил, он даже когда-то читал. Немедля был собран сбор домашних. Щас, будет он всем рассказывать такую тайну. На войне, оно каждый сам за себя. И закрыв окна, двери и занавески Семеныч поведал страшную тайну увиденного: над поселком летает американский спутник и зомбирует население, вот почему пол поселка так свято верит в то, что коров угнали в хутор Васецкий РФ, из которого опять же набеги чернявых братьев не очень славянской внешности да мынамето-градо-погыркивание. Их, бедолашных, зомбируют.

Было решено, в данную тему посвятить тех, кто ...не будем выдавать тайну, она у председателя поссовета в сейфе лежит, называется “список проголосовавших на референдуме “за” ЛНР” . Утром следующего дня к магазину пошли посельчане, которые выглядели. как ...ну, слов я особо подобрать здесь не могу... На головах у них была, хоть кусочек, хоть как-то приделанная, хоть ободочком, хоть заколочкой (а у некоторых, прям, с душой, шляпкою)... пищевая фольга, которая хозяйками используется для запекания. Так как у нас в хлебно-скупательном ажиотаже в шесть утра у магазина чуть ли не весь поселок, то, зрелище, я вам скажу, не для слабонервных.

Те, кто не в теме, ржали так... собаки неделю гавкнуть боялись. Мужики, обнявшись, рыдали друг другу в плечи, просто

сползая на землю от гогота, а бабы, растерявшись от такого прет-а-порте просто шушукались. Долго не буду пересказывать возникшую перебранку, дошедшую до уровня политического прения а-ля ВРУ. Ну, как обычно, одна сторона считала себя абсолютно умнее другой.

И тут в спор и крик вмешался Анатолий:

- Стоп, мужики, погодь! Семеныч, а ну еще раз расскажи, как американцы облучали улицу.

- Красный луч ощупывал прямо весь дом. Каждый дом на улице, а возле председателя аж задержался. Видать его больше зомбировали. Он же власть. Слушали, небось, суки американские о чем вы там говорите, а потом мигали, типа, да, да, все слышим, все записываем. Зомбируют! Вот вы здесь все кричите “Россия плохая, сепаратисты, бандиты, зачем город грабите!” — это у вас мозг американские слова выдает, от зомбирования.

Анатолий хмыкнул, гыкнул и ....провел над толпой красным лучом, вызвав при этом небывалую панику с приседаниями, кричаниями, матюганием и осенением крестным знаменем под “ебическая сила”.

- Вот идиоты, а,- сплюнув сказал Анатолий,-это же, указка лазерная. Господи, двадцать первый век на дворе, интернет, телевизор, война настоящая, а они голову фольгой клеют. Это мы с мужиками на водонапорной башне сидели и дыры в крышах считали, а чтобы удобнее, я указкой водил. Вы б еще рога на голову приклеили,чтобы ваша рашатв лучше показывала. Семеныч, твою же дивизию, у тебя же средне-техническое образование, и ты туда же, зомбируют... У вас проблем нет? — коров увели, стреляют каждый день, крыши в дырках, хлеба нет, война, какие шпионы, какие американцы? — да из-за вашей совковости и тупости все проблемы! Да,- гыркнув на присевшую толпу, заявил грозно Анатолий,- у меня еще американская газонокосилка есть, смотрите, чтобы я ее не запустил. Не, ну идиоты, — забыв купить положенную буханку хлеба, Анатолий пошел по улице,- мир загубят своим дебилизмом, как же тут жить.

История панично-фосфорная

В магазин на поселке теперь ходят по привычке, или просто поговорить, пообщаться, так как продуктов по причине военных действий, паники да ажиотажа, в магазине нет. Причем не только на нашем маленьком поселке. Продукты исчезли в целом городе. Чтобы хоть как-то наладить хлебное снабжение хозяйка магазина

заключила договор с частной пекарней и привозит хлеб по буханке на жителя, ну чуть больше. Поэтому утром весь поселок в очереди за хлебом.

Наслушаешься, насмотришься… “Голодные игры” отдыхают. Такое впечатление, что до этого дня ели только один хлеб. Вчера Любаня-”всезнаю” устроила истерику, что ей нужно именно две булки хлеба, так как ее муж, который в армию не гожь по причине физического недуга, описанного мною в истории ниже, недоедывает, что очередь, вздохнув, решила — ну не голодать же кривочленному калеке, и дали ей еще одну буханку.

В очереди что только не услышишь (описать рука не поднимается, чтобы не испортить чуткое отношение ФБучных друзей к разумной части нашего поселка), и, что главное, все паникеры, истерички, скандалисты — это приверженцы русской весны и русского мира, вернувшиеся из дальних странствий, перенесшие все тягости беженцев, и приехавшие на поселок, видно, выматывать и так испорченные нервы окружающим. Так и стоим, стайками, друг против друга. Одни молчат и ждут очереди, тихо переговариваясь. Другие орут, толкаются, понося друг друга весьма колоритными оборотами и желая скорейшей погибели всему роду.

Как же страшно, как страшно понимать видеть, что мы не только разные, но еще и разумные, стали заложниками хамствующих. И тут внимание оруще-кричательной части очереди привлек гул самолета.

Началась паника — летят бомбить. Правда, мужики из обоих враждующих лагерей сразу прекратили бабский визг, объяснив, что гул далеко, по гулу — транспортник, поэтому велели закрыть рот. Видать, устав от часового визга, мужская часть стала более толерантна и солидарна в позиции “купить хлеба и валить домой”. Но тут приключилась оказия.

Возле транспортника нарисовался, сопровождающий его военный реактивный самолет, который, во избежание казуса со сбиванием (он же на мирно-оккупированной жителями ЛНРа территории, могут и шандарахнуть, не разбираясь) сбросил тепловые ловушки. Бабы присели секунд на…

Так как жарко и вся очередь находилась на улице, а в магазин заходили (он у нас небольшой) по нескольку человек, визжа и истеря бабы ломанули в магазин. А двери в нем узкие, железные и две дамы весом от 200 и окружностью до размеров бочки, застряли в проеме. Такого дурдома, не видели даже постоянные клиенты и врачи местной психиатрической лечебницы в период полнолуния и парада планет.

- Фосфорные бомбы!!! — этот леденящий душу крик, наших

поселковых паникерш, знатоков военного дела, поднял ворон с ближайших посадок в районе двух километров, как минимум. Помните по физике броуновское движение частиц? Вот мы это и наблюдали. Отбежав в сторону, прикрыв уши, чтобы не оглохнуть, мы стояли и смотрели, как можно погибнуть в фактически безопасном месте во время массовой истерики, без единого выстрела. Делали выводы.

- Вы че, е.....ь все, это же просто тепловые ракеты, — сказала спокойным, уравновешенным голосом генерал-майора (внимание!) Наташа, штукатур-маляр по образованию.

- Да, бабская истерика — это оружие массового поражения, — подтвердили моментально перебежавшие на сторону проукраинских, мужики из политически враждебного лагеря, — а вы че не орете? — на всякий случай, поинтересовались они.

- Так не нас же фосфорными бомбами убивать будут, — ехидно ответила Ирина.

- Ну да, это ж, наши, каратели, наши по своим не бьют, — успокоили мы мужиков. поддержав тему.

Застрявших баб с прохода доставали долго, они, как молекулы зла или сумрака, притянулись к друг другу и заплевав в ненависти друг другу глаза, не хотели отлипать.

Я бы их не доставала. Пусть бы и стояли, как памятник тупости и ватизму. Но в магазине был хлеб. По буханке на жителя. Как в войну, паек, по карточке. Если бы не эта, липнувшая в рукам, телу, стране, душащая наш мир вата, хлеба хватило бы всем, как и продуктов, которые скупили просто в целях паники и набивания холодильника. Жара. Пять выдранных из рук сотоварища и вряд ли сожранных за день булок хлеба ведь все равно понесут на помойку. Чувствуем себя как жители необитаемого острова, которым дан приказ выжить в джунглях. Радует, что нас больше, мы стая, уже сплоченная. еще затюканная, меньше весящая, но стая.

Сегодня хозяйка магазина поставила два стола и два лотка с хлебом. На одном было написано — для ЛНР, на другом — ничего. Каждый выбирал сам, в какой он очереди. Граждане, покупающие хлеб в ЛНР, толкались, устраивали потасовки, возмущались тем, что нет льгот, и скидок, жаловались на отравление фосфором. В другой очереди, просто здоровались, покупали хлеб и желали друг другу здоровья и мира. Как же я хочу в такую страну, где просто — здоровья и мира, с улыбкой.

Вечерняя самоубийца

Я думаю, что у каждого в его профессии бывают дни, клиенты, заказы, которые, как острый осколок, режут душу или наоборот, как живая влага, питают ее. О таких моментах не хочешь забывать, не можешь. Они возвращаются, теребя, напоминая, убаюкивая, возвышая или же наоборот, заставляя сжать зубы. Когда-то, сто лет назад, в другой , мирной, солнечной, наполненной хлопотами о маникюре, море, вкуснюшках-печенюшках для близких и себя, жизни, я, собирала на столе документы, готовясь закрыть офис. Вошла женщина, серая, неуютная, печальная, как сломленная вьюгой ветка. От нее подуло зыбкостью и страхом. На развод, — подумала я, уже научившись определять, кто и с чем, по виду клиента.

Она вдруг увидев, что я стою с документами, обрадовалась:

- Вы уходите? Я пойду!- и , теребя сумочку, собралась выйти. — Хотя нет, вы мне скажите, и все, и я пойду, можно?

- Да, я не спешу, — жестом пригласила ее за стол, — вы садитесь, рассказывайте, что у вас.

- Я вот шла, купила лекарство, — она открыла сумочку заполненную какими-то упаковками, — и вот иду, и вы открыты, все закрыты, а вы открыты. И я подумала, что вот, вы последний человек, который мне скажет “да” или “нет” и я пойду.

Она говорила сумбурно, тихо, потупив глаза, постоянно теребя сумочку. Я не могла ухватить мысль.

- Что именно, вам нужно услышать, какая нужна консультация?

- Нет, я не консультироваться, вы мне скажите, я... я... вот хочу покончить с жизнью, я таблетки купила, мне это нужно или нет, — прошептала она, глядя в стол.

Я села, в прямом и переносном смысле слова. За стол. Душа — под стол. Положила документы и, поняла, что попала. Я — не психолог, я, ну , в общем моя профессия связана с законом, но не психологией. А рядом сидит, дрожит, боится, не плачет, значит, все плохо. И это, как в рулетке, опять же, русской, как крутанешь барабан, как выдашь слово.

- С чего это вдруг? — ошарашила я ее и себя, начав диалог.

- Я больше не могу, — выдал прутик.

Я почему-то поняла, что она обязана заплакать, если я ее доломаю, и она расплачется, все будет хорошо. Я — садист.И по отношению к себе, к работе, и, я так уже понимала, к людям.

Дальше даже не диалог, очереди, резких слов, выстрелов, припечатывающих ее к столу:

- Муж?

- Да!

- Бьет?

- Да!
- Развод?
- Мне страшно его потерять!
- Дети?
- Дочь!
- Возраст?
- 21 год!
- Квартира?
- У меня своя и у него своя есть.
- Защищайся!
- Вы что, я не могу!

И тут, как говорится, Остапа понесло, я не знаю, что на меня нашло, но я ей высказала все...

Я фактически орала, что она хранительница очага, но очаг должен поддерживать муж, а если муж тряпка, то нафиг он ей нужен, что мужчина, бьет по причине своих комплексов, что женщина, как корабль, стала на воду, подняла паруса, и пошла, и это пушки с пристани должны палить, то ли прося вернуться, то ли во славу кораблю, но он, не обращает на них внимания, даже если ядра летят, он Фрегат, он Алые Паруса, он Ассоль несущий Любовь, и, если у недоросля страдающего скудоумием, не могущего себя реализовать, есть повод ей завидовать, то нафиг его, там впереди Фрегат ждет Принц, он ищет Ассоль, то ли на берегу, то ли сам, бросился в волны, и плывет, борясь с невзгодами...

Я уже особенно и не помню, что я несла, но в итоге она просто отдала мне все содержимое сумочки, твердо пообещала жить, мы составили с ней расписку, где она, на основании Конституции и Закона Украины (сама в шоке) давала мне слово, под присягой (Господи и Гражданский Кодекс, простите мне мои грехи) не совершать самоубийство, стать сильной и счастливой, иначе, я подам на нее в суд. Она рыдала, до икоты. Но ушла она , уже не осенней, истерзанной ветром и дождем сломленной веткой, а, скажем так, поднявшимся из под снега прутиком. Я, влив в себя пару кружек кофе, дала себе обязательство, найти в городе хорошего психолога и его телефон, чтобы... мало ли, город у нас со странностями. Поймала себя на мысли. что не взяла ее телефон, но, почему-то была уверена, что все хорошо. Даже не будет, просто, уже хорошо.

Этот вечер и посетительница за работой и беготней забылись. И вот как-то в офис, вошла, пардон, вплыла, уверенная в себе красавица, с ехидным полублеском кокетства в глазах кошки, любующейся собой в солнечном свете. Я подняла голову. “Либо наследство, либо недвижимость” — определила категорию

посетителя и пригласила присесть.

- Это я, — просто сказала она, — вечерняя самоубийца, помните?

- Да, но я вас не узнала, — улыбнулась я.

Она протянула цветы и пакет, шампанское, вино, виноград, конфеты.

Мы просто обнялись. Она рассказала, что я так завела ее, что она пришла домой, вышвырнула все вещи мужа через балкон, пообещала его убить, и, видимо, ее вид настолько не давал ему надежды, что он молча и по-тихому слинял. На следующий день она уехала к подруге детства, с которой долго не виделась, сменила работу, прическу, гардероб, стиль, и нашла любимого мужчину, пришла , чтобы я оформила ей документы на развод.

- Вы знаете, я просто почувствовала , что у меня есть паруса, такие красивые, я шла, и они светились, я так боялась их уронить, и они привели меня к счастью.

И вот сейчас я оказалась в такой же ситуации. Я, оказавшись в оккупации, в плену гыркающего градом и постреливающего минометом сумрака, в чужой, фейковой стране, созданной Дедом Морозом, вертухаем и реконструктором, ослепленная , летящей в лицо ватой, почти сломалась, а испытав страх, зашла сюда, в интернет, и просто попросила со мной поговорить.

И вся страна сказала мне: “Ты, что, ты же наша, родная, мы стобой, ты не одна, мы молимся о тебе!”

И крылья выросли. И паруса наполнил ветер. И пофиг пушки...они не пугают, а салютуют. И сумрак, рычит, гыркает, постреливает, но отступает, и вата, оказалась всего лишь пухом с тополей, который вызывает всего лишь сезонную аллергию. И там, на небесно-солнечном горизонте, если даже идти через бури, выстрелы, боль и шторм есть наша страна, где улыбаются любящие тебя люди, где у тебя уже большая и дружная семья, которая больше никогда не скажет тебе “ты-Восток, а я-Запад”, не будет ругать за не тот язык или не то произношение, потому, что это не важно для тех, кто тебя любит.

Миром правит любовь. Ведь если ты — свет, то свет найдет тебя и ты вольешься в этот свет, а если ты тьма, то Мордор там, за границей, копошится в своих комплексах и страхах.

Когда-нибудь, успокоив шторм в своей стране, мы, просто поговорим с теми, кто нас боится и ненавидит, как я со своей вечерней самоубийцей. И , я верю, нам на встречу приплывет не гыркающий градом сумрак, а прекрасный и действительно дружелюбный корабль, под белоснежными парусами. И.... никогда никого не оставляйте сам на сам с его даже глупыми, детскими страхами. Эти страхи могут опустить крылья или наполнить

ветром паруса. А это нельзя, ни в коем случае. Надежда, должна быть всегда!

Разговор с Богом

Я никогда не признавала посредников, тем более в разговоре с Тобой. Я благодарна Тебе за Сына Твоего, что показал нам любовь, но и я Твоя дочь, поэтому говорю с Тобой один на один.

Священники учат меня, чтобы я прикрыла голову платком, потупила взор и стала на колени, молясь тебе. Прости, но с отцом, я буду разговаривать с уважением, но глядя в глаза, распустив косы, раскрыв душу ветрам, стоя в степи, глотая слезы любви и раскаяния, вольная, как твоя любовь ко мне, горька, как соль земли нашей.

Я не буду просить у тебя о земном, я не буду просить у тебя о небесном, я буду просить — любви. Мне сейчас, когда кровью пропитана моя ковыльная степь, когда боль и горе превращаются в камень, как никогда нужна любовь.

Ты дал мне много любви: я люблю свою землю, страну, меня любят друзья и родные, сердце мое согрето любовью детей и мужа, земля, чувствуя мою любовь, возвращает свою. Ветер любит меня, солнце, звезды и степь нежит меня любовью, и море, и реки…

Скажи, как мне любить тех, кто пришел убивать меня, как передать им свою любовь? Я смотрю в их глаза, пустые, холодные, умершие души при живом теле: нет в них любви, ни к себе, ни к тебе, ни к детям своим, да и дети отвернулись от них.

Мертвые, мертвые-живые ходят по земле моей, заслоняют солнце мое, ограждают меня от тебя. Вот любят они золото, деньги, яхты, дома, меха, а не берут с собой в вечность этого. Лежат они по степи, питают землю кровью своей, бегут к ним вороны и лисы, волки степные та собаки дикие, а яхты их, дома и меха, сыплются в тлен. Прах к праху.

Как же открыть солнце для них, любовь, как же показать им, что любовь — созидает, а ненависть — разрушает. Вот пришли они на мою землю, забрали жизни моих братьев и сами напитали землю кровью, во имя чего? Кто прислал их? Кто внушил им, что братская любовь пулей передается? Кто сказал им, что во имя любви дом разрушается, дом брата своего?

Мне бы ненавидеть их, мертвых душою, больных телом, слабых разумом, а я любви к ним прошу. Светить хочу! Лучом быть хочу! Ветром! Чтобы выжечь зло из души, светом наполнить, ветром степным вырвать у них мысли, душу отравляющие!

Любовью быть хочу! Плачу, над каждой солью крови, рыдаю, стоя на коленях, я, Ярославна, земли своей, кричу тебе: «Дай любви, чтобы вылечить душу каждого, кто погибает от злобы своей!»

Помнишь, как в детстве, я ездила к тетке в Россию, как обнимала березы, радовалась найденным подберезовикам, как меня ругали за испачканное черникой платье, как мы бегали под дождем с ребятами и искали кувшинчик с золотом на конце радуги. Как любила я эти белоснежные рощи, васильковые поля, земляничные россыпи. Как я, вдыхая запах мудрости, была благодарна земле, родившей Есенина и Высоцкого, Бунина и Гумелева, Солженицина и Новодворскую. Разбуди мою память! Разбуди мою любовь! Скажи мне, как могла такая земля дать семена ненависти, ведь она сама любовь?!

Хочу ненавидеть за братьев своих, за дома разрушенные, за людей обманутых, за ненависть рассеянную, за ложь отравленную, не могу, вспомню березы и голубые глаза Есенина, рубленную удаль Маяковского, переливы Бунинские , горечь Ахматовскую, глубину Цветаевскую …и не могу. Любить хочу! Буду любить! Во имя тех, кто мою жизнь защищал, кто в землю родную украинскую лег! Буду светить! Чтобы глядя на меня слезы, текли у ненавидящих нас, чтобы вдыхая, там, в кремлевской вони, задыхались воздухом полынно-степным, обидящие нас. А ты прости их, как меня прощаешь! А ты люби их, как меня любишь! Ибо любовь — свет и только он тьму разгонит.

Я — меч земли моей! Но не от меня падет мертвец живой, не мною будет разрушена обитель зла. Народ земли своей, увидя , как любим мы землю свою, друг друга, братьев своих, услышат, что говорить с отцом своим можно без злата церковного, стонать будет, принимая свет любви, зубами рвать стены будет, коконы его удерживающие в рабстве, кровью своей запивать будет. Откроет глаза и оживет земля русская, вздрогнет, вздохнет, горлицей вспорхнет и заплачет, березовым соком могилы сыновей своих, окропляя, зарей зардеется, и стыдливо потянется к братьям своим любя и прощая, и мы простим, потому, что мы — свет! Мы — любовь! Мы — ветер! Мы — соль земли!

История референдумная

Еще в начале ЛНР-армагедона, я изучала мнение бегающих и орущих “расея нас спасет”, идущих на референдум, недовольных и ропщущих (мнения опрошенных я выкладывала в где-то в майских постах). Ну вот, неймется мне. Хочется понять всю глубину тупости и мосховитость серости: как шахтер с хорошей

пенсией и зарплатой, может хотеть в расею с закрытыми шахтами, почему женщина 50-летнего возраста, вроде бы еще и ничего даже вида, а хочет УМЕРЕТЬ в России, тогда, как я чуть-чуть 40-летнего, хочу ЖИТЬ в Украине; почему те, кто больше всех воровал, находясь у власти, так выступают против этой власти; почему здесь, на Донбассе, многие были против Януковича, но когда начался Майдан, то стали вдруг ярыми януковолюбцами и правильнорегианальными; почему наши села, розмовляющие українською, стали вдруг антибандеровцами.

Вот захотелось покопаться в этом нарыве, назревшем на теле моей земли, чтобы выявить причины и последствия. Абсурдность происходящего, а так же того, что нес, впитавший в себя пропаганду местных регианальных газетенок и рашатевизма, народ, меня тогда потрясли: голосовали не читая и не вникая, каждый за свое, голосовали “против Майдана” и “против бандер”, чтобы не говорить на украинском и чтобы получать большую пенсию, чтобы жить в России, и, чтобы не было геев...

Информационная блокада, отсутствие региональной информационной политики и антиукраинская власть на местах, так задурили голову населению, что голосовали даже за “новую украинскую республику в составе России”. Короче, полный трандец мосха. Вот захотелось мне новых мазохическо-политических ощущений. Адреналина от бомбежек мне уже , видно, не хватает, так понесло меня на изучение мнения — а как же нам сейчас-то в Лугандонии, все ли устраивает, так сказать , местных политических гурманов.

Решила провести эксперимент. Решение, как и другие глупости, в женской головке проявляются внезапно, особо не советуясь с мозгом. Маршрутка. Маршрут не мой, езжу сюда редко, народ средне-знакомый.

Бабы живо обсуждают пришедший в наш мир хаос: выстрелы, выкопанные ополченцами без разрешения хозяев огороды, вырезанные на кладбище оградки на металлолом, заминированные поля и дороги, отсутствие продуктов, хлеба, сигарет, угнанный, заботолюбивыми соседями из заграницы, скот ну и другие прелести лэнэризма, включая отсутствие бензина и подорожание проезда.

Мужики молчат. Злющий шофер орет, что просил по-хорошему “принесть какую-то белую простынь, чтобы повесить на машину, так как из дому носить не собирается, а нет, так нет, хай стреляют, а не хотят, чтобы стреляли, так хоть сподним машите, мне уже все настопутилось”.

Короче , все на взводе, как ГРАДы в Васецком. И тут, мой организм, предварительно отключив мозг и интуицию, выдал,

сделав глаза безумно-счастливыми, а голос торжественно-приподнятым:

- Ничего, товарищи, зато без бандер, зато независимые от фашисткой Украины, потерпим, отдадим, так сказать, на благо Расеи-матушки, коровенку последнюю, да мужика в ополчение, зато, вот она-свобода, независимость, жизнь в любимой, молодой республики с названием ЛНРа...

Ко мне повернулись все. Разум, зараза, запоздало включил мозг, ум, честь, совесть, интуицию, а, организм, злорадно подхихикивая, насладился адреналином, хлынувшим в кровь.

Сидящий в уголке молодой человек так на меня посмотрел, что фактически вынес мне приговор о расстреле. Но отступать было не куда. Я со счастливым выражением лица, рассказывала о преимуществах жизни вне Украины: пенсия — фсе! шахты — фсе! еда — фсе! свет, газ — фсе! Зато много незнакомых дружелюбно-постреливающих военных и полная путенизация.

С надеждой на спасение, даже мольбой, посмотрела в глаза молодого человека, слава Богу, он уже смотрел на меня с прищуром, как бы изучая и улыбаясь самым кончиком губ. Боже, спасибо тебе за людей, понимающих черный юмор, стеб и держащих себя в руках, короче, культурных. Так как все орали. Передавать крик и шум не буду. Люди тут нервные, на путина послать, им раз плюнуть. Излагаю выводы исследования:

1.Референдум был, но за Украину, тока без Турчинова и Юльки. За это и голосовали, едущие в данном колесно-двигательном транспорте.

2. Нихто в эту кляту расею не собирався, а кто собирався, того постреляли, шоб они там еще раз сдохли.

3.Когда проголосовали на рехферендуме, значит, за Украину, тут эта зараза подставная, шпион Правого Сектора Болотов, всех кинул, и создал свою ЛэНэРу, а в ней нихто жить не хочет и, естественно, за нее, таку заразу, не голосував. И тогда Болотов позвал американцев, шоб они нас захватили и в ЛэНэру насильно сдали. А Россия (тут мнения разошлись, до матерных выражений) по одной версии — защищает нас от американцев, по другой — от Болотова и ПС, по третьей, просто тырит все, пока власти нету на границе (казаки, что скот угоняют, расейские, тут уже не отвертишься).

Меня назвали сепаратистом и чуть не отвезли к Коломойскому. Спасло, наверное, что в городе не работает Приват, и, молодой человек, выдал успокоительное:

- А мы, вот, потом проверим по спискам, кто за что голосовал, тогда и видно будет, кто сепаратист, кто за ЛНР, кто за Россию.

До места назначения нас доехало трое. Остальные, почему-то,

вышли раньше своей остановки.

P.S. Эксперимент в условиях Донбасса, лучше не повторять.

Будущее Лугандонии

Проезжая по приграничью, почему-то вспоминается дорога к морю и надписи на картоне, вывешенные хозяевами на заборчиках и деревьях: “мед”, “горячая кукуруза”, “жилье”, “обеды”. Вот и наше приграничье, уже частично лишенное благ цивилизации, начинает общаться с набегающим к нам братским народом, методом надписей. На покореженных заборах , стали появляться надписи “корову уже забрали”, “мяса нема”, “свитла нема”, а ближайшие к дороге деревья украшают указатели “Росия там!” (в орфографии автора надписи или дерева), “колодезь там”, или кратко “на Гуково туда”.

Из хорошего. Жизнь в ЛНРэ начинает приносить позитивные плоды. На дорогах нет машин. Нет выхлопных газов и пыли. Улучшается экология. Мэру — радость: водители больше не требуют ремонт дороги. А танкам и БРДМ и другой носящейся по приграничью хрени все равно по каким колдоебинам скакать.

Горожане и посельчане, чтобы узнать новости начинают общаться, так как связь, вредное мобильное излучение, вечно звонящих телефонов, интернет и другие блага, уходят в далекое прошлое.

Еще чуть-чуть и люди начнут писать письма, ходить в гости. Так как братский народ, пылающий дружелюбием и активно нас защищающий, сожрал всю скотину в селах , а вернее, спас скотину, укрыв ее на безопасной, по его мнению, территории РФ, то молоко, мясо и другие изыски гастрономии, так же фсе!

Последний скот у людей уводили под дулами танка, так как автоматы на народ не воспроизводят должного страха, и автоматчики по одиночке и даже небольшими группами уже стали пропадать в степи, не доходя до мест своей дислокации.

Шахтные отстойники и штреки они такие. Это сумрачное приграничье, чужих оно не любит.

Бабы не нарадуются на мужиков. Мужиков, правда здесь не много осталось, но никто не пьет, даже запойные.

Грустят работники пивнушек — пусто. Если попасться в пивнушке или на дороге после 18-00, сумрак забирает в свою армию или копать окопы. Все протрезвели, узнали, что живут в ЛНР, некоторые узнали, что был референдум и они даже голосовали (!), загрустили за жратвой, водкой и сигаретами, стали любить Украину и гонять адептов руського мира, с криком

“а ну п....на..х....в свою Россию” (не переводимое на читательный выражение).

Так как понятие любви тут могут выразить разными способами, то все чаще возникают драки, с теми, кто приглашает по-воевать на стороне лэнэра, с теми, кто просто идет на смену.

На смену теперь шахтеры ходят группами, автобус их забирает в заранее оговоренном, тайном месте (остановка общественного транспорта — это место охоты лэнэровцев за живой силой).

Шахтеры передвигаются к месту сбора с монтировкой или куском рельсы, чтобы, если что, показать любовь к родине и что такое “лава садится” или “комбайн задавило”. Автобусы и маршрутки все больше ездят вывесив белый флаг, хотя это не всегда спасает от полудурков с автоматом. Судя по погасшим огням всех заправок, то бензин — фсе! И время попадания на работу, у тех, у кого она еще осталась, увеличивается на часы ходьбы. Но, опять же, экология улучшилась — позитив. Мужики, кстати, не только не пьют, но и не курят. Т.е. жители ЛНР теперь, если выживут в период отсутствия продуктов и обстрелов, будут здоровы, алкогольное отравление и рак легких им не грозит.

Когда-то, еще в начале пути становления этой, никому непонятой, внезапно образовавшейся, молодой страны, я прогнозировала, как будет выглядеть Лугандон, эдак лет через 5:

- сначала исчезнет свет, газ,бензин, интернет и еда;
- потом исчезнут люди;
- потом исчезнут дома;
- потом исчезнут животные;
- потом природа возьмет свое и все быстро зарастет деревьями, лианами и кустарником...

...и в степи, бушующей разнотравьем (ведь никто не косит, не роет копанки, не ездит танками) сидя на кургане, рядом, с вытесанной, чисто для себя, каменной бабой, будет выть, глядя на Луну и вспоминая запах водки и вкус колбасы, заросший и вонючий житель свободной Лугандонии...

Я ошиблась на 4,5 года.

P.S.Думаю, для желающих, и остро нуждающихся в руском мире, нужно сохранить кусочек такого мира Лугандонии, но... за колючей проволокой с электричеством, чтобы возить туда экскурсии. А мы будем жить на Луганщине. Даже нет, не так- ми будемо жити на Луганщині в Україні!

Украинский клей

Когда-то моя малая, еще в неосознанно юном возрасте лет 4-х, баловалась за столом и... расколотила любимую чашку. Слезы градом, но винить-то некого.Сама баловалась, сама не слушалась, сама столкнула. Реветь ушла в гордом одиночестве.

Через некоторое время всхлыпывания утихли, и наступила сопящая полу тишина. Тихий ребенок еще страшнее, чем орущий, пошли проверять. Она сидела за столом, всхлипывая, перемазанная клеем, всеми видами, находящимися в доме и... клеила! Упрямо, со жатыми губами, клеила любимую чашку. Сказать, — давай помогу, — нарваться на еще большие слезы. Такой характер!

Я просто присев рядом тихо начала пояснять, что чашка в жизни не самое главное, но нужное, что не все люди все умеют от рождения: вот я не умею пилить доски, а папа умеет, но я ему помогаю, поддерживаю, а бабушка умеет печь пироги, а ты не умеешь, но приносишь сахар и яйца, а значит-учишься. Мы все всему учимся друг у друга. А значит, нужно все делать вместе, не стесняться признаваться, что ты чего-то не умеешь, или что-то не получилось, или, даже, ты в чем-то виноват. Тогда, все будет делаться быстрее и веселее. Те, кто умеет-научат тех, кто не умеет, и, все получится. Давай вместе, — предложила я.

- И папа? -всхлыпнулось в ответ. — И папа, и бабушка, и сестричка, и кот, и Зорьку (собаку) позовем.

Кружку решили не только склеить, но и придать ей новую форму и жизнь, чтобы, умерев в кружке, она еще нас порадовала вазой. Мы ее склеили. Применили ракушки, песок с моря, какие-то бусинки, блестки, пайетки, нитки. Мы спорили, придумывали, перемазались, улучшали, доделывали. И кружка стала вазой. Туда мы поставили что-то приблизительно цветочное,так как старшая училась бисеромучению. Гордо поставили творение на полку и долго любовались. На следующий день, как заслуженный приз за творчество, купили всем по новой кружке и пили чай, отговаривая ребенка разбить что-нить ненужное, чтобы снова клеить что-нить нужное.

О чем это я! Мы все понимаем, что что-то разбилось в нашей стране. Сначала о власть, потом о Майдан, потом о Крым, потом о нас, Донбасс, разбивались доверие, интересы, отношения (не только в стране, но и среди друзей и родных), а теперь и жизни, что-то, даже отвалилось, вернее, как-то, стырилось, что-то захватилось по причине отторжения, не восприятия и показушной

ненужности. И когда от боли начала плакать большая часть Украины, мы, вдруг поняли, что , что-то разбили, и это что-то, нужно склеить и сохранить вопреки всем врагам и ветрам, потому что, дороже этого, ничего-то и нет.

Может стоит признать, что говорили, перебивая друг друга, поэтому и не слышали, кричали и доказывали, тогда когда, надо было молчать и слушать, обвиняли, когда надо было разбираться и прощать, слушали чужие нравоучения и догмы и не видели своих пророков, искали виноватых и не винили себя, искали тех, кто поможет и все сделает за нас, а сами сидели сложа руки. И это касается не “услышать Донбасс”, “услышать Львов”, “услышать шахтеров, учителей, вахтеров...”, это касается лично себя, внутри. Говорят, что нельзя склеить разбитую чашку, отношения, — врут! Можно! Даже нужно! Даже, если это уже получится не чашка, а что-то абсолютно новое и необычное, главное, вместе, научив друг друга, подхватив, похвалив. И вот я прямо предвкушаю, прямо чувствую, как мы это делаем, и даже я несу свою бисеринку, и у меня на носу клей, и вот кто-то, что еще придумал, и такой азарт, такой полет в душе...И я даже не спрашиваю, я знаю- у нас все получится! А потом, мы будем пить чай, все вместе, в 6 часов вечера, в Киеве, после войны!

Разминирование по-украински

По причине острой необходимости, ездили в соседнее село, которое еще приграничней и сумрачней. Но, там моя дача, моя кума и моя пенсия (из истории про ловлю на блесну, село тоже, герои те же). Там — мрак! Даже не сумрак и морок, а мрак! Ехать от села к селу, ну, скажу так, не для слабонервных. Мост, связывающий село и пригород — заминирован. Все знают, все едут! Дорога одна.

В зеленке (посадке), хуже, чем в кукурузе, никто не знает что там, но всем страшно (до недавнего вреени торчали носы гаубиц и какой-то дряни). По проселочным ездить нельзя — заминированы. В селе почти пусто. Люди хоть как-то держались (скотина, хозяйство), но после братской помощи, которая, посетив село, сожрала хозяйство, основная масса селян приняла решение, валить, куда глаза глядят, пока братская помощь не сожрала и их.

В село везу набор SOS: соль, спички, свечки, цитрамон, анальгин, карамельки дедам, и... информацию (со свежей прессой совсем фсе!) выхожу из ситуации распечаткой из интернета.

Сидят все на своем месте, под яблонями, сурьезные, в домино

играют. Разговоры обычные, сельские: почему Яценюк решил из премьеров уйти, какие санкции будут в отношении России, кого сажать за такой бардак нужно, кого, расстреливать, будет ли пенсия в следующем месяце.

Самая больная тема-шахты. Свет на шахтах вырубили по причине прострела шахтного кабеля кобелями из ЛНР. Шахты тонут. Пенсия — это бывшие шахтеры с 40,и более, -летним стажем. У нас в шахте работают до “сдоху”. И не потому, что не хватает на жизнь, а потому, что многие , как говорится “прикипели”, живут шахтой. И гибель шахт воспринимается, как личная трагедия, как гибель родного.

Успокаиваю, как могу. А что я им скажу, все знают и за “помощь” Ахметова, и то, что на шахтах остались, только преданные работе и бесшабашные шахтеры, которые ходят на работу под обстрелами, сидят в шахте по 2-3 смены, берут с собой пересменку (вторую пару одежды), если будут бомбить, чтобы еще на смену остаться.

Приток воды в шахту несколько тысяч кубов в сутки. Просто здесь, для многих “шахта-это, как жена, один раз женился всю жизнь-тяни” (шахтерская пословица). Но речь не об этом. Раз приехал в село, надо заниматься делом. Разговоры, разговорами, а ими сыт не будешь. Травы накосить надо, забор поправить (хоть простреленный, а жалко), ветки с крыши убрать (блин, пол ореха снесло)...

Тут еще денек тихий выдался, так как степные братья, еще утром отгигикали в направлении соседнего города (надеюсь, у них там кладбище). Но все равно, организм, уже нервно относится ко всем звукам приграничья, и, воспитанный громкоголосьем перебабаха, ведет себя, как заяц в поле, уши, работают лучше любого локатора, любой шорох/бах, уводит организм в безопасное место, прыжком в кусты, мордой в землю. У меня уже ребенок беспокоится, не отрастут ли у нее уши до ослиного размера по причине постоянного прислушивания в звукам. Оглядываюсь, дожевываю валидол, делюсь страхами и впечатлениями. Еще ж и назад ехать. Деды оживились (особенно после карамелек) и карты АТО, распечатанной из Интернета.

- А ты сюда їхала как? Мостом?

- Ну да, а как еще, я по полю боюсь (дорога по полю короче), я и по мосту боюсь, но по полю еще больше боюсь.

- Та не бойся, їзжай. Мы його розминировалы (поле). Правда не все, кусок, як раз на дорози, так шо їхай. Наши уже їздять.

Ступор. Как пожилые люди могли разминировать дорогу? — даже боюсь спрашивать. Но любопытство берет верх.

- Та мы їхние метки, вывчилы, шо они ставлять для себя,

мовляв “заминировано”, «не заминировано”, “туда езжай, “сюда не езжай”. Они ж тут, зараза, месяц товклысь. Шоб їм… Усе вытолкли, падлы. Та як ци поїхали, а потим другие їхние приїхалы, мы митки поменяли на двух полях. Ото воно само й розминирувалось. Правда только на повороте, но проїхать уже можно…

…Домой мы все же поехали мостом. Я — трус редкий. Один вид, сгоревшей техники, приводит меня к остаканиванию корвалолом, и желанию грохнутся в обморок, а тут 4 машины, покореженных и сгоревших. Проехать между ними, я не смогла. Брррррр!

Звездочки и камни

Сейчас появилось очень много времени думать, копаться в себе, в чувствах, в отношениях, в истории, в прошлом, в городе, даже в людях, знакомых и не знакомых. Чувствую себя, то патологоанатомом погибших душ, то археологом, раскапывающим духовные руины своего города. Сколько находишь всего, сколько разгребаешь. Когда находись звездочку, искрящийся бриллиантик родной души, радуешься, до истерики, лелеешь ее, любишь, прижимаешься к ней, боишься потерять; когда в руки попадаются, закаменевшие от злобы и ненависти души, просто рассматриваешь их и откладываешь в сторону, на них не хочется тратить время, от них несет смертельной глупостью, но боишься, что это заразно.

В городе камней больше. Думаю, что делать с ними: пока они мешаются под ногами, шипят каменной ненавистью, даже пытаются завалить тебя каменной тупостью. Радует, что собираясь в критическую массу, они больше давят себя в очередях, панике, истерике, страхе, ненависти. Звездочки, в условиях ватно-оккупационного режима, ведут себя сдержанно, перемигиваются душами и взглядами, в толпе их можно узнать по ехидно-сдержанной улыбке, когда они слушают очередной ватно-информационный обморок и светящимся глазам. А еще, звездочки, всегда в “добром гуморе”, и его проблески, как лучи самого современного лазерно-кодово-информационного оружия, превращают каменных мосх в пыль.

Рынок. Очередь за картошкой и овощами. Примечательно,но овощей много, торговых точек тоже, как бы дефицита не наблюдается, но, ватно-информационная истерия, с появившегося в городе хлеба, переместилась на картошку (видно продавцам нужно быстрее продать товар).

Все, — вещает оплывшая трехподбородочная глыба, — укры запретили в наш город поставлять картофель, нас ждет голод, специально выставленные блок-посты Нацгвардии, перехватили весь картофель, направляющийся к нам, у меня сестра в исполкоме, она знает.

Очередь задавливает мозг информационной инфекцией: фосфорные бомбы убили картофель во всех селах; уже 3 раза самолет скидывал фосфорные бомбы, ящики, парашюты — это все, для уничтожения картофеля и еды в городе...

Все ругаются, орут, толкают друг друга.

Торговля идет бойко, тянут сетками, машинами. Картофель молодой, к долгому хранению не пригоден, но это не важно. Ажиотаж, паника, подогреваемая ватнознайками, делает свое дело.

И вдруг в разговор вклинивается молодой папа, стоящий в очереди с двумя скачущими вокруг него погодками лет пяти-шести. Так как дети норовят все потрогать, прыгнуть, спросить, посмотреть со скоростью движения одинскоксекунда, то папа, со спокойным выражением лица, напоминает жонглера, периодически меняющего заплетающиеся руки, и ловящего, мечущееся жизнелюбие:

- Ой, девушка, а картофель у вас от куда?

- Сумщина!

- Та вы шо!!!! Там же бандеровцы! Ой, нет, я наверное, брать не буду, мало ли чем его накололи! А вы над ним “слава Украине” произносили, он не шевелится при этом, гимн петь не начинает? Шо то я переживаю.время сейчас такое, что ой-ой-ой, — грустно опускает голову.

Очередь затихла, ушла в глубокомыслие, вернее омосковение информации.

Огонька подбавила женщина моих лет:

- А кто уже здесь картошку покупал? Ел? С ним ничего не случилось? Мало ли, фосфорные бомбы, блок-посты, апельсинами , помню, наколотыми, много в городе потравилось. Я в больнице работаю, знаю!

Продавец побледнела, попыталась вступиться за картошку, мол, да, сумская, но развaристая, и не бандеровец, точно, проверяли. Но был поздно.

- Ты шо ж это людей травишь, а, може сама из этих, — взнегодовала трехподбородочная.

Очередь резко рассосалась, плюнув на картошку, скаканула по другим точкам. Ничего не подозревающие продавцы, везде улыбаясь, нахваливали нашу украинскую, не польскую, и не завозную, развaристую, крахмалистую, картошечку.

В очереди осталось из 50-ти, человек 15. Включая, заводил информационного вброса, подмигивающих и подхихикивающих друг другу.

- Я так вчера колбасу покупал и молоко, — смеется папаша, — задолбали эти паникеры, берут, гребут, а потом выбрасывают. Их надо, их же оружием бить, — смеется, — так, нам еще конфет надо купить, чтобы придумать, а?

Из очереди понеслись предложения: “кодированные рошеновские”, “житомирские-шоколадные бомбы”, придумали даже “киевский наколотый торт”...Гогот от нашей, быстро двигающей очереди, вызывал недоумение у проходящих мимо.

Картошка, класс! Сумщина, я тебя люблю!

Жить в войне

Заметила, что в эти военные дни, я все чаще вспоминаю своих бабушку и дедушку, которые прошли голод, войну, предательство, полицаев, плен, сбор колосков,но выжили и построили дом, радовались жизни, родили детей.

Я живу в доме, построенном моим дедом. Да, мы тут все осовременили, отстроили, достроили, но, дедушкины и бабушкины руки, стены, земля, иконы, рушники, память, как оберег, греет, учит, дает силы. Я уверена, то, что сейчас проснулось во мне, и выплескивается наружу, это их любовь. Они очень любили свою землю, хотя и приехали на Донбасс из Полтавщины. Они очень любили друг друга. Их нежность и трепетность, забота и свет живут, я уверена, и во мне. Увидеть такую любовь — чудо, а пережить ее — счастье.

Когда бабушка умерла, дедушка положил ей в руки самое дорогое и любимое ею — его письма с фронта: затертые, зачитанные, с потрепанными сгибами, сотни раз перечитанные, желтые треугольнички...были для него и для нее, самым дорогим...

Он никогда не писал ей о боях, даже о контузии, о плене. Он ей писал о любви, переживал, давал советы, мечтал, что будут делать, когда закончится война.

Когда я научилась читать, я читала бабушке эти письма, и она плакала, а дедушка ее обнимал. Бабушка была не письменная, она не умела читать и писать, и, чтобы прочесть, ходила к соседке. Она мне рассказывала, как они собирались вечерами, и, по очереди, вслух, те, кто умел читать, читали письма тем, кто не умел, и свои, и чужие.

Все вместе плакали, молились, переживали, и даже не

стеснялись, если там было что-то сокровенное, признания в любви, нежность. Просто сидели при свете лучинки, или лампадки, читали и плакали от счастья, что живы их родные. Смеялись над шутками, писали ответы, старались не говорить или писать о плохом, рассказывали, что уродило, кто вернулся с фронта, никогда не писали о тех, кто погиб. Эти листочки, весточки, были и оберегом, и памятью, и символом любви даже потом, после войны.

Я никогда не думала, что буду жить в войне. И прятаться в подвале, не выпускать детей на улицу, потому, что чужие в городе, бояться, и… писать письма с фронта…и читать их с соседями и кумовьями…и плакать…и смеяться, когда не смешно, а страшно…

Эти мои письма/рассказы/исповеди, хоть и электронные, а похожи на письма с фронта, как и ваши ответы мне — треугольные листочки, письма современной войны. Как жаль, что мы перестали писать обычные бумажные письма. Скайп, интернет, соцсети. Думаю, это важно, держать в руках, что-то теплое, ждать, заглядывая в почтовый ящик, потом перечитывать. Хотя… вы вот мне отвечаете, сразу, смотрите на меня, улыбаетесь, я даже чувствую, как мы вместе плачем, молимся, смеемся.

Я очень боюсь, когда гаснет свет или пропадает интернет, как будто прерывается связь. Поэтому стала распечатывать на бумагу, чтобы читать в подвале, если погаснет свет, чтобы не страшно, чтобы, как оберег. Я вижу, сколько здесь потерянных, заблудившихся в навязанных иллюзорных, искусственно созданных страхах, ненавидящих, боящихся. Я признаю, здесь есть информация, направленная на разжигание войны и вражды, и здесь много носителей именно этой информации.

Здесь не хватает правды и любви, молитвы и света. Вы знаете, вы пишите им письма, пусть электронные, в соцсетях, но пишите,им, незнакомым, ненавидящим, ослепленным, презирающим, перекошенным, оватенелым…пишите о любви, только о любви, о прощении, единении, понимании. И свет любви или убьет их или оживит. Третьего не дано. Мне приходят в личку письма, где люди меняют свое мнение и о Домбасе, и о бандерах. Все больше плачут, прощают, возвращаются к общению с родными и начинают жить. Значит, свет и любовь больше оживляют. И когда закончится война и мы все вместе будем пить чай, мы будем читать эти электронные треугольнички любви, обязательно вслух и обязательно тем, кто не верит в любовь.

Соседушки

Сегодня сводки из зоны сумрака с несколько философско-черноватым юмором. Пардон. Бессонные ночи. Соседушка у нас в селе бухали. Запойные они-с. Замечания делать низзя-власть! У них автомат-с! Поэтому ночи были когнитивно диссонансные: пахнущие матиолой и петуньями, теплые, с наливающимися яблоками и звездами, вспыхивающие заревом взрывов, наполненные раскатистым многоголосым разбабахом, и соседским “па Дону гуляяяеееет!”

Сосед ночами пел от души, насилуя и выворачивая душу гармони. Но, так как он пытался настроить, то ли себя и свой одурманенный алкоголем и поэтому противоречивый внутренний мир, то ли сам гармонь/баян, но фразу “па Дону гуляет “ от повторял по-нескольку раз, каждый раз меняя голос и тональность,как бы вслушиваясь в себя, поэтому из далека это больше звучало, как “падонок гуляет, падонок гуляет”. Трудно было не согласится. Хорошо приняв и культурно реализовавшись , они-с решали пострелять- с, как водится из автомата.

Время для этого соседушка выбирал, удобное для себя, неожиданное для нас. Поэтому резкая пальба в огороде ночью, не прибавила оптимизма в эти дни. А тут, днями, соседушко опять накатили-с, исполнили песню о падонке, и постреляли... из автомата... Сначала ,судя по воплям, стреляли-с в коллег по хору и застолью, а потом, решили, что этого маловато-с и шандарахнули... с миномета, прямо-с у себя в доме (возможно, как подобает дворянину, в опочивальне).

Остаканившись корвалолом (меньшая доза в данных случаях уже не берет) и отлежавшись в подвале (звук я вам скажу- думали бомбежка) ночью идти, смотреть, не решились. Соседи утром посовещались, оценив последствия разгула соседушко-власти с минометом, решили: а ну его нах.., или завоняется или выползет, вдруг там мины, фугасы или снаряды. Власть новая, нонче запасливая очень на энто дело. Так как на наши скромные 4 улицы и проулок власти поуменьшилось, а председатель давно свалимши, решили, если будет пахнуть-спалим развалины, мы тут сейчас сами себе санэпидемстанция.

* * *

Отсутствие воды в городе дает о себе знать. Нет даже минералки. Вот я всегда знала, что село — наше ВСЕ! — в самом лучшем смысле этого слова. Сегодня в маршрутке, в подтверждение жизнеутверждения села, услышала, завистливое:

- Везет тебе, у тебя туалет во дворе! Вода не нужна!

* * *

На работе рассказала коллегам о подслушанном разговоре в маршрутке, по-философничали о методах выживания в условиях

село/город... туалет во дворе, готовка на буржуйке, огород на подоконнике... Мужчины, как-то вдохновились, возбужденно пошли искать в интернете чертежи мыслительного уличного учреждения, изучать кладку печи, и методы многоразового выращивания картофеля в ведрах. Сорвала рабочий процесс. Думаю, если вода фсе, то через неделю на кварталах города начнется массовое строительство уличных удобств.

* * *

В соседнем поселке на днях тоже было шумно. Не по причине распития, а по причине призыва. Молодые соискатели приключений, записавшись в ополчение и получив автомат, порисовавшись на блок-постах, и , улучшив материальное положение, методом отжима, думали, что война -это романтика, вкус водки у костра, бесплатные “колеса”, и безразмерная власть оружия. Оказалось — это бобока и ататака, а еще кровяка, похороняка и убивака.

Местный сепаратическо-романтический бомонд, к такому повороту событий был не готов, и свалил с поля боя. Теперь их собирают командиры, приезжая в гости не с гостинцами, а на БРДМ, и с автоматами. На орущую мамашу, которая кричала, что не пустит сыночку на войну, и за такое они не подписывались, и в смутные времена референдумные, вообще, в гостях были в районе Ростова-на-Магадане. Однако прибывшие были “не в гуморе” и направив на дом заполченца дуло танка, выразили свое мнение в двух словах, культурно-смысловой перевод, которых обозначал “вам срочно необходимо глубинно-плотское общение с товарищем Путиным” . Собрав, всех потеряшек, товарищи отбыли с молодыми бойцами, изъятыми, видимо для патриотического воспитания, “дедытовоевали”.

* * *

Громкое обращение, глухого дедушки к продавцу химикатов:

- Девочка, дай мине какой-то сильной отравы, шоб ота нашесть колорадська повыздыхала!- разделило рынок на два враждующих лагеря, выявило скрытых приверженцев, своих превратило в чужих, чужих сделало братьями, сняло маски, и выявило замаскированное в товаре оружие, а город потом еще долго обсуждал нападение Правого Сектора на городской рынок.

Война за любовь

Когда-то она была его первой любовью. Когда-то он нежно держал ее руку и влюбленно смотрел глаза. Когда-то он дышал ею, а она жила ним. Когда-то он так сильно любил ее, что ударил,

за чей-то восхищенный взгляд. Когда-то он так сильно прижимал ее к себе, что поставил на колени. Когда-то он так сильно, хотел, чтобы она принадлежала только ему, что сломал ее волю. Когда-то он сказал “я так сильно тебя люблю, что просто ненавижу”. Когда-то ее чуть не погубила, не испепелила ненависть, назвавшаяся любовью.

Это было давно. Потом она нашла в себе силы уйти, начать новую жизнь, расцвести и залечить раны, оставленные испепеляющей любовью. Она не забыла, но и не держала зла, наверное, ей уже было все равно, это “когда-то”, ей больше нравилось порхать и нежится в счастливом сейчас.

Они давно утеряли друг друга из вида. Она не вспоминала, он не напоминал, ей и не хотелось. А потом пришла война. Жестокая в своей разнузданной глупости, обвязанная разноцветными ленточками, безапелляционная и абсурдная, как все войны.

Война поглотила и то “когда-то”, и вчерашнее “счастливое сейчас”, навязала страшное сегодня. Они случайно встретились в кафе.

Он взял себе запотевший бокал пива, ей принесли кофе. Он обдал ее душу запахом пота и крови, и нежно сказал “У тебя такие же духи, фиалка”. Он, повесив автомат на стул, с хриплой нежностью, рассказывал о перспективах новой жизни в новой стране, если только она снова скажет “да”, нависая над нею разухабистой глыбой.

Она, спокойная в своей задумчивой философии и трогательная, в каком-то внутреннем покое, плыла вокруг него, как далекая галактика, слушая и созерцая.

Он настаивал, наверное, любя. Она не спорила, наверное, пытаясь поверить. Он сказал “я все еще тебя люблю”, она молчала, прикрыв глаза. Он сказал “ты обязана быть со мной”, она молчала, ее волнение выдавали вздрагивающие ресницы. Он сказал “я сделаю, все, чтобы заставить тебя мне поверить, я верну себе твою любовь”.

Она подняла глаза и сказала “пообещай, что убьешь меня быстро”. Ее глаза светились такой нежностью, что он задохнулся. Мир исчез, исчезли звуки, запахи, ветер. Мир даже стал материальным, остановившееся время, можно было почувствовать, ощутить кожей. Он уже знал, как выглядит остановившееся время, он видел его уже один раз, когда мимо него пролетела пуля, тогда он почувствовал, как материализовавшееся время, обожгло его щеку, пахнув в лицо глубиной первозданности мира.

Он хотел возразить, но она положила на его, впитавшие

порох руки, свои,уже тронутые морщинками, но еще не утратившие шелковистости. И он замер. Казалось, что остановилось даже его дыхание. У нее светились глаза, кожа, душа, он чувствовал, что этот свет сдавил его сердце, сжал горло, остановив приток воздуха. Он мог бы сбросить ее легкие руки, но они почему-то лежали на его руках, тяжестью вселенной. Она погладила его, каким-то, едва уловимым касанием пальцев. Он вздрогнул, как от разряда электричества.

- Спасибо за любовь, — еле слышно сказала она.

Он так и не смог ей ничего ответить. Она поднялась, тихо поправила, забившуюся под ворот камуфляжа, странную, непонятную ей ленточку, вероятнее всего,обозначающую страну, от имени которой он пришел убивать.

- К любви не принуждают, не приносят жертвы, не навязывают. В любви плывут, дышат, живут. Живи! Дыши! Я буду молится за тебя!

Она ушла. Он остался в кафе. На столе, лежали осколки раздавленного ним бокала, как осколки кривого зеркала, внезапно выпавшие из заледенелого сердца.

Если ты любишь так, что ненавидишь — это война. Глупая война за принуждение любить. Когда начинаешь доказывать, что любишь, то может оказаться, что уже и не кому... ты, уже всех убил. В любви, главное, не испепелить друг друга. Хотя... любовь такая штука, что она прорастет и на пепле городов, и на руинах душ, главное, чтобы остались, кому любить. Как жаль, что нельзя заглянуть в глаза целому народу, накрыть его руку своей, и сказать :"Спасибо за любовь!"

История уже очень грустная, военно-конфетная

Дел собралось, так по-мелочам, но надо ехать в город: документы отдать, новости узнать, ситуацию, созданную человеческой глупостью, оценить.

Младшая со мной напросилась, скучно ребенку дома. Кроме подвала и бубуханья, из развлечений, изредка появляющийся интернет, а из друзей, домашний зоопарк.

Быстро поработали, посетили скучающий офис, узнали новости, которые сводятся к одному, кто приехал, где бряцало, где бухало, привычно посмотрели на пустующий рынок. И тут, как экстрим-развлечение, очередь.

Очереди — это кладезь: знаний политической и социально-экономической ситуации; мест дислокаций, всех известных в городе группировок и военных формирований, причем всех своих

и всех чужих; нахождения, разбегающихся, от неизбежно надвигающейся порки чиновников. В общем, постоял в очереди, вышел картографом, логистиком, политиком, экономистом, даже военным стратегом. А тут еще очередь-то, вообще, беда (а я с жизнелюбием, два месяца воспитывающем в подвале жучков) — конфеты продают, карамельки. Ребенок, хоть и почти взрослый, но еще ребенок.Глаза горят, смотрят вопросительно.

Подходим. Видно, продают, что-то отжатое, так как машина под присмотром камуфляжно- опистолеченного, камуфляжного-битовооруженного (может из сумрачных 90-х к нам попал) и сильно загорелой продавщицы.

Конфеты лежат в машине валом, разных фирм, фасовки, пыльные,вперемешку. Цена — 65 грн/кг, видимо, специально-познавательная, для граждан, любящих экстремальную жизнь в новообразованных государствах. Но отпускают по справедливости, килограмм в руки, чтобы всем хватило.

Странно, в городе на каждом углу умирательные крики, что, мол, нет денег, пенсии, зарплаты, а как только появляется хоть какая-то еда, все — драка, очередь, ругань, толкания, прямо пожирание друг друга в стремлении урвать.

Продукт вроде не первой необходимости, но, судя, по отпускающему маты и тумаки очередному контингенту, его самоуничтожению в стремлении обладания, если они сегодня не сожрут «рошеновскую» карамельку ценой в кило мяса, то, фсе, жизнь прекратит существование.

Мы приостанавливаемся возле очереди. Для меня, это интересное и познавательное зрелище, цена меня, правда, не устраивает, но рядом притормаживает ребенок, думаю, в тайной надежде, получить что-нить вкусненькое.

Присматриваемся. Очереди, почему-то две. В одной, куда людей выбирает грустный камуфляжно-опистолеченный, все стоят тихо, берут мало, уходят незаметно. Он сам отпускает конфеты от 100 до 500 грамм.

В другой — толпа, накал страстей (дают 1 кг в руки). Такое чувство, что одновременно выпустили из клеток всех питбулей, и дали команду «фас». Продавщица, орет. Кажется, что с очередным кульком она просто отпустит хук правой, а может и левой. Тот, что с битой, постоянно дает тумаков очередно-скубущимся.

Если бы не подрастающее, несформировавшееся поколение, обалдевшее от поведения взрослых, я бы слушала и слушала. Еще бы, такое море творчества, такие обороты, такой полет фантазии, краски жанра и психологических портретов.

Ну, вот из выдающихся и более слышимых: «не взвешивайте ей, она в горгазе работает, они там жрут, что хотят», «убери свои

клешни, опудало, я тебя запомнила, тварь двухтонная, жрать будет нечего, я тебя найду, ты побольше жри, чтобы жир нагуляла», «господин военный, вы дайте ей в морду, я точно знаю, что она за нацгвардию», «ты смотри, сама орала, что Порошенко, американцам продался, а сама за его конфетами тянется», и, самое распространенное «чтоб ты этими конфетами подавилась».

Грустный камуфляжно-опистолеченный, замечает нас, притихших, озадаченно рассматривающих психиатрично-клинических.

- Девушка, идите сюда, я вас обслужу.

Офигевают от вежливости. Машу головой сторону орущих:

- Ага, у вас тут, опасней, чем на фронте, погибнуть в бою за 100 грамм карамели, я, не готова.

Добивает ответ:

- Да не бойтесь, если что, Борька битой отгонит. А я нормальных людей выбираю из толпы и обслуживаю, а со стадом, Лариска справляется, у нее нервы крепче. Вы же воспитанные, с этими, кивает в сторону очереди,- не выживите. Поэтому я всегда, если что продаем или раздаем, смотрю на людей, и помогаю получить продукты тем, кого эти затоптать могут.

Я вспоминаю наш поселковый хлеб на два лотка, и, понимаю, мир давно разделился, и даже, не по идейно-политическому окрасу, идеологии, а совершенно по другому принципу. Но…

«Нормальные» и «стадо», — услышать это от защитника русского мира, разрушившего все вокруг, наводнившего мой город броней и оружием, это даже не знаково, это феерично.

То, что меня отнесли к нормальным, это приятно, но, непонятно, ведь именно это недовольное и всеобвиняющее, требующее льгот и халявной гречки, было фундаментальным в построении русского мира, создания ЛНР на моей земле, а теперь, вот такой поворот. К нам-вежливо, их-битой.

Извиняюсь перед камуфляжно-опистолеченным философом, и поворачиваюсь к дочери, чтобы уточнить необходимость покупки.

И тут, видно, судьба, решила, что в условиях оккупации нервы, как курок, должны быть взведены всегда, поэтому мое жизнелюбие выдало довольно ехидным голосом:

- Ма, не вздумай это покупать, — ткнув в сторону конфет. — Я это есть не буду. Во-первых, я не маленькая, и без конфет обойдусь, во-вторых, дорого, пошли лучше муки купим, я яблок соберу, пирожков наварганим, в-третьих, вот, — кивнув в сторону продавца, — пусть смотрят, и думают, какая у них страна. Еда закончится, эти вас съедят,-резюмировала дочь, обращаясь к продавцу философу, — вот если бы я создавала государство, я бы не стреляла, а законы написала, и паспорт давала только тем, кто

нормальный. Вот я сделаю так, чтобы у нас и законы были нормальные, и люди нормальные, и страна нормальная, и, чтобы не воевали, а если драться или ругаться, когда не воспитанные, я сделаю специальную воспитательную тюрьму, и не выпускать, пока вежливыми не будут. А тем, кто не воспитался, штампик специальный ставить, чтобы их никуда не пускали там, в магазин, в самолет, как опасных. А то стреляют тут, все лето испортили. Пошли за мукой, — счастливый в своих умозаключениях, пританцовывая, выдал ребенок, — пирожков хочу.

Я побледнела. Все восемь человек в маленькой очереди, включая камуфляжного охранника-продавца смотрели на бушующее негодование, источающее законодательно-воспитательный инициативизм.

Я так понимаю, что влипать в историю, это у нас семейное.

Я очень боялась, чтобы ее не понесло (это у нас в крови) на размышления о Конституции, и других запрещенных к произношению, и могущих привести к печальным последствиям, вещах. Два предреферендумных месяца, она и так со школы приходила с такими записями в дневнике, что я понимала, почему у нас дети не любят свою страну. Патриотизм убивается в школе.

И хотя очередь улыбалась, я, зажав руку маленькой подставлялы, с замершим сердцем, попыталась уйти в помидорные ряды. Особо проукраинского или антилнровского она не сказала, но лучше свалить.

Сзади окликнули

- Девушка, подождите.

Сказать, что у меня остановилось сердце, не сказать ничего. Я узнала голос камуфляжно-опистолеченного. Он подошел к нам. Протянул дочке кулек конфет.

- На. Законы напиши, — улыбнулся, — первый раз слышу, чтобы девочка в таком возрасте о законах думала, может ты, что-то и сможешь изменить.

Я потянулась к кошельку.

- Нет, — остановил он меня, — я это для нее. Вы только объясните ей, сейчас, о безопасности, здесь много чужих, не местных, они просто вас убьют, нормальных уже почти не осталось, — он кивнул в сторону орущей очереди, которую периодически тыкал битой Борька, — и…уезжайте отсюда. У меня сын в Днепре, в университете, со мной не разговаривает, даже не позвонил сказать, что внучка родилась. А ведь мы хотели, чтобы все жили хорошо, без олигархов, фашистов. А теперь, я для него фашист, почему? Не Коломойский, а я?

Он вдруг напрягся, посуровел.

- Да, лишнего не болтай, если выжить хочешь, это война. Здесь скоро ад будет, сиди, не высовывайся.

Отойдя на приличное расстояние, долго, срываясь на слезы, воспитывала ребенка, “не болтать, не говорить, не рыпаться, и даже не думать”

Мы ревели, сидя на скамейке, обнявшись, по очереди и вместе. Хотя и сказать-то мне ей не чего. Мы же на своей земле, в своей стране…

Светило солнце, мужики пили на скамейке пиво, люди, торопились домой с сумками спелых помидор. А я говорила ребенку, что-то глупое об оккупации, врагах, чужой стране, где мы случайно, даже не по своей воле, оказались, смерти, войне, расстрелах, предателях, о том, что нельзя высказывать свое мнение на людях, хотя оно правильное и верное…Брала с нее чесслово о «молчании-золото» и…плакала.

Да, я трус. Ребенка воспитывала в патриотизме и любви к Родине, а теперь, учу держать язык за зубами. Может кто-то обвинит в слабости, но мне уже пофиг. Нам бы выжить. Понимаю, почему не могу уехать в Россию, там страх в крови, а мы, свободолюбивые, нас страхом ломают.

У меня нет автомата, но есть желание сохранить жизнь близких. Да, для меня это дико, то, что происходит вокруг нас.

А вокруг все больше страха, зла и холода. Холод стал ощутимей и осязаемей. Он передвигается по городу большими сосредоточенными колоннами и смотрит на меня черными соплами орудий…говорит, что он, страх, гуманитарная миссия. Организм отказывается принимать страх, в качестве гуманитарной помощи, и в качестве оружия, и военных. Похоже, тем, кого Борька битой, им все равно, а мне-нет. Мне страшно, холодно и противно.

Домой… домой… на поселок, чтобы не видеть всего этого устрашающего гуманитаризма, чтобы согреться.

В маршрутке, подергав меня за руку, чуть поникшее и шмыргающее носом жизнелюбие, прошептало мне в самое ухо

- А круто мы у него конфеты отжали...

История сельская про кузнечиков и быка

У нас в селе (это там, где пенсия живет) все, как на войне, по-настоящему: выгоревшее поле с воронками от разорвавшихся снарядов, сгоревшая техника, крыши и заборы, посеченные осколками, деревья, разрубленные снарядами, а, чуть поодаль, на кладбище, блиндажи, гаубицы, заминированный мост к селу,

заминированные поля, обгоревшая земля…

В общем, все необходимые атрибуты, чтобы называться прифронтовым селом, у нас есть. Даже свой полицай. О, как! Вернее, он был там всегда, но, то, что он, полицай, выяснилось, недавно. До этого он был, обычный, вернувшийся из мест не столь отдаленных (по-моему, раза три), скандальный, наглый, неопрятный мужик. И тут, видать поперло. И вот как-то больше не ему, а из него. И чем больше у нас пришлых и полосатых вредителей появлялось, тем больше из него перло.

Хамло с портупеей, оно в два раза хуже, чем хамло без портупеи. Развязанная походка, разнузданная речь, нагайка, для наказания строптивых, расстегнутая, засаленная рубашка, еще долго будут сниться посельчанам в страшном сне.

Похоже, что войны особо не отличаются друг от друга, только техника становится ядренее, да и враг уже не кричит «хенде хох», а больше матерных путенизмов применяет и, не свастикой, а двухголовой курицей, размахивает.

Сначала полицай определил, как «мое», все брошенные дома и огороды, и разграбил их, вместе с собратьями, разместив в них заехавшие, новообразованные военные семьи. Потом он определил, как «мое» любую технику, стоявшую во дворах, и брал попользоваться, задорно размахивая автоматом. Потом, он определил дань для тех, кто не жил, но имел дачи и приезжал в село из города. Потом, он обязал всех женщин ему стирать, готовить, доить коров, так как свою семью, заблаговременно вывез в Россию.

Так как в селе, оставшийся возрастной порог от 60 до «еще не померла», то особо сопротивляться заехавшей банде и ее главарю, не кому. Молодежь, сбежала в город, а пенсия, уже приуныла, уж больно тяжко у нас стало.

Так вот, отжал у кого-то наш полицай стадо коров. Красивые такие, упитанные, буренушки, видно в хороших руках были. Украшением стада, был бык. Молодой, здоровый, мускулистый, но, что удивительно, покладистый. За коровами ходит, траву монотонно жует, не скандалит, не бодается. Такой небольшой быко-джип с рожками, даже, быко-трактор. Но, ужасно пофигический. Вот, если застынет в одном месте, все, будет стоять, пока не надоест. Ори, не ори, мани травкой, заманивай, сахарком. Пофиг.

Так этим бычком, уж очень дорожил и гордился полицай. Во-первых, уж очень элитной породы бык был. Говорили, такой породы мало у нас осталось и стоит он, очень дорого, и прямо цена его в евро, и вот прямо на выставках все призы будет брать, своим обаянием. Во-вторых, полицай, назвал быка Бандерой,

чтобы , когда придет время, самолично Бандере горло перерезать, кровушки выпить и на шашлык пустить.

И вот на село какой-то правительственный кортеж пожаловали. Может на свежий воздух потянуло, может пути отступления в приграничье присматривали, не важно.

Но улица одна, кортеж едет чинно, к дому полицая, видимо по самоличному приглашению, а тут… посреди дороги, быко-трактор, вошедший в нирвану, задумчиво пожевывая травку, слушал кузнечиков. Все! Приехали! Они его хлебом манили, печенькой, травкой, спелыми грушами. Стоит.

Начальство, видать, в машине мается, а вертухаи бегают, метушатся. Прибежал полицай, давай быка уговаривать. Стоит. Даже похрапывать стал. А что? — тепло, солнце светит, кузнечики, трудятся, что симфонический оркестр, в трансе меломании, чего б не поспать-то.

Тут пришлых накрыло, орут, все, будем быка валить, все равно шашлык хотим.

После крика полицая, — не дам в Бандеру стрелять, — замолчали даже кузнечики. У видавших все, военно-полосатых, дар речи отобрало, как после контузии, а глаза стали больше локатора на БУКt.

Такого предательства в своих рядах они не ожидали. За быка сразу забыли.

Били полицая долго, со смаком, ногами, наверное, обидевшись на явное неуважение и

Долгое ожидание у порога, вернее посреди дороги. Даже как-то мелодично били и, даже, воодушевленно. Может, это на них так кузнечики подействовали? –не знаю.

Когда пыль осела, быка на дороге не было. Он проснулся (еще бы,такой бедлам) и чинно, помахивая хвостом, уплелся к речке на пастбище.

Кортеж, газанув выхлопными газами и пылью, в лицо, лежавшего на земле полицая, гордо уехал, покинув, явно вражеский район. Кузнечики, грянули что-то похожее на «Прощание славянки», видать, чтобы хоть как-то подбодрить уезжающих и лежащего.

Посельчане, думали, что униженное достоинство полицая пойдет мстить и все же лишит животину жизни, но…жадность победила. Правда быка теперь кличут «иди-сюда-скотина-твердолобая», да и полицай, к нему больше не подходит, но, это, как-то, животинку, не печалит.

История духовенная

Он был обычным поселковым парнем, крепким, широкоплечим, как тут принято говорить-шахтерской стати. Жил, как все, пил за железным забором, огораживающим сельскую танцплощадку, дрался, когда шли поселок на поселок, потом были служба в армии, гордое появление в поселке на дембель в форме ВДВ, училище, работа, шахта, тупые запои до полу обморока, сельский дом, и хватающиесяза голову, от непутевого сына, родители.

К тридцатнику, его, не брали на работу, так как он уже потерял доверие всех знакомых и мало знакомых работодателей.

Знакомые и друзья его обходили стороной (цурались, говорят у нас на поселке), постоянно в пьяном бреду, неухоженный, с соответствующим запахом мочи и рвотных масс, он вызывал только брезгливость.

Мать, устав наставлять великовозрастное дитятко на путь истинный, все чаще пропадала в церкви, усердно молясь Богу, чтобы избавил сына от греха пьянства. Старалась привести в церковь и Вовку, чтобы хоть там, помогая посильным трудом храму, а силушка в его руках была богатырская, тогда он не пил. Это чуть-чуть спасало.

Как-то, встречая мать со службы, он увидел миловидную женщину, убирающую в церковном цветнике. Ее бездонные голубые глаза и белокурые волосы, делали ее похожей на ангела. И он, давно не замечавший мира вокруг себя, замер, от нахлынувших на него звуков, запахов, девичьей песни.

Через некоторое время он исчез из поселковой жизни, да, и не был он настолько значимым, чтобы его вспоминали, так, лишь редкие, друзья или одноклассники интересовались, не помер ли он от белой горячки, мать отмахивалась, мол, жив.

Когда он вернулся через несколько лет, поселок онемел: ухоженный, статный, женатый, с женой красавицей и тремя, похожими на родителей ямочками на щеках, погодками и… в рясе.

Оказалось, встреченная им в церковном дворе девушка была дочерью священника, и ради любимой он бросил разгульную жизнь и, окончив, духовную семинарию стал священником.

Народ зароптал, как, мол, это, из шахтеров да пьяниц в священники. А он, не смотря на пересуды, служил в маленькой сельской церквушке, в приграничном селе Провалье на краю мира.

Служил красиво и исправно, четко выполняя свою работу перед Богом, затронув душу посельчан и трепетной молитвой, и красивой проповедью, и заботой: помогал старикам и по хозяйству, и что подвезти, отремонтировать, перекопать. Поселок

просто влюбился в него.

И не было ничего прекраснее, чем, приезжая в гости, даже не на службу, а в гости, сидеть под старым дубом, хранящим в своих трещинках более чем 200-летнию историю поселка и самой церкви, пить, заваренный им чай из трав и смотреть на волнующийся в степи ковыль, степных орлов, парящих над Королевскими скалами, пасущихся лошадей, отдыхающих в тени дубравы пограничников и слушать его глубокий, до мурашек, до сердца, до нерва, голос, выводящий молитвы, псалмы, а то и просто песни, под перезвоны гитары.

И я даже не знаю, что больше открывало нам Бога, служба, молитва или эти посиделки на закате с запахом чабреца, тимьяна и полыни, криками стрижей под звонницей и его голос, выводящий «Символ веры» или «Дивлюсь я на небо».

А сколько нежности было в глазах той, кому он пел: «Ой ви очі волошкові. Мов троянди, пелюстки-вуста. Стан твій ніжний, смерековий. Ти веснянко моя чарівна».

И когда в вечернем пламене заката тонули, плыли наши голоса, выводящие «Слава Богу за все», слезы были такими естественными, как небо, как засыпающее солнце, как плывущие облака, и, они не просто лились, они вытекали душою, любовью, прощением, покаянием.

И было неважно, что поем мы акафист, не в церкви, а сидя у покосившегося деревянного забора, а кусты розово-бардовых мальв, своими граммофончиками словно записывали звенящие голоса.

Церковь Спасителя Николая Чудотворца был построена в 1807 г., и изначально относилась к Провальскому войсковому конному заводу, созданному в 1846 году императором Николаем I. Ах, какие когда-то здесь были племенные лошади, конюшни, где вьют гнезда стрижи, еще помнят их ржание. А на одних дверях, вы еще нашли кованные навесы.

Эти места — степи, скалы, поселок, да и сама церковь, просто пропитаны не только сладко-горьким степным, настоянным на травах воздухе, но и тайной, мистикой, историей. Многие части домов, построек сохранились еще с того времени.

Может быть, поэтому эти земли так притягательны и так отталкивающие одновременно, поскольку исходит из них какая-то удивительная сила, либо расправляющая тебе крылья, либо ставящая на колени.

Не многие могут выдержать долгое пребывание у 350 летнего Провальского дуба, а о магнетизме и дурной славе Королевских скал по округе ходят легенды.

Говорят, во время моногольско-татарских набегов, шаманы

запрещали делать здесь стоянки, боясь магнетизма земли. Может, не могли они, договорится со свободолюбивыми духами этих степей, а может не по нраву им была спящая в земле энергия антрацита, кто знает?!

Не любили посельчане и саму церковь, ходили легенды, что история, похожая на Гоголевского «Вия» случилась и в наших краях.

А о том, что в 1927 -1935 годах при перестройке церкви в советский клуб, погибло много народа, знают почти в каждом доме, могу рассказать и фамилии погибших и печальные истории их канувшего в лету рода.

Самая известная история, об ослепшем комсорге Василии Проскуре, который нагадил у алтаря, смеясь иконам в лицо, мол, что пусть отвернутся и не смотрят, как он свои дела делает. Утром он проснулся слепым…

Однажды, когда мы разбирали, установленную в церкви в праведные советские времена ленинизма-коммунизма, сцену, мы нашли старинное захоронение священника, который видимо когда-то здесь правил службу.

Бережно, крупица по крупицам, мы собирали, цементировали то ли веру, то ли себя в вере. И не было ничего чище и прекраснее этого познания, единения с чем-то пространственно-вековым. Какое-то таинство было в нашем коллективном труде по облагораживанию церкви, перезахоронению, даже не останков, а истории, созданию новой.

Я не думала, что что-то может измениться, что кто-то своей грубой рукой разрушит этот хрупкий мир, но… Приехав на одну из служб я услышала проповедь о …святом Викторе Януковиче, о его победе на выборах и его здравии… И мой мир рухнул.

Я не сказала ничего, не смогла. Просто согнулись плечи, просто закат стал необычно кровавым, а ветер обжигающим и сухим. И когда мы вышли из церкви, мне вдруг показалось, что со стороны границы, словно стена, поднялась черная тень и рассыпалась по степи, обдав меня холодом, я съежилась, и нырнула в машину.

Мы больше не ездили на службу. А после выборов я узнала, что он стал протоиереем одного из сел нашей области. Он часто звонил, звал в гости, писал в одноклассниках, что скучает. Мы с кумой собирались, но как-то не получалось…

Когда Донбасс, рвал мою душу на части, предав, оттолкнув, назвав меня укром, только за любовь к земле, отобрав солнечно-голубой покой, и, плеснув в сердце кроваво-синим холодом, я, просматривая новости, наткнулась на «клирик Луганской епархии входил в состав вооруженной группы людей, которые врывались

на избирательные участки, пытаясь сорвать голосование». С экрана на меня смотрело знакомое лицо…

…Как же так? Как???! – крик рвался из души. Вот, мы ставим новые двери на церковь, свежие, пахнущие сосной, которые делал мой муж, а вот, бережно устанавливаем крест и гробничку перезахороненному первосвященнику, а вот, он, смеясь, вытирает, побелку с моей перемазавшейся младшей дочери, а вот я принимаю из его рук хлеб и вино в причастие…

Как же так получилось, что врачеватели душ наших вязли в руки оружие, чтобы убить нас, любящих землю свою и живущих с верой в душе? Как же так получилось, что не заповеди Господни стали в угол стола, а приказы гундявого сладострастника, погрязшего в грехах? Как же так, что призванный служить Богу, стал прислужить людишкам?

Я пыталась найти ответы и оправдания, а находила еще больше лжи. Я билась во все двери, пыталась помочь то ли ему, то ли себе. Так до конца и, не поняв ни его, ни себя. Потом, на все мои переживания, пришел ответ, звонком по мобильному, который стер многоточие и поставил точку, навсегда: «У него все хорошо, он в России, слух о его болезни и расстреле так, чтобы замылить глаза. Забудь. Пойми, церковь — это большая машина, в которую вплетены большие люди, деньги, сферы. Не заморачивайся».

А я и не будут, заморачиваться. Когда-то настанет время собирать камни в наших душах, и, возможно, мы узнаем много нового об этой, навязанной нам войне, и, возможно, нам, двум враждующим сторонам будет горько и стыдно за содеянное. Через сито истории многое просеивается, камни истины остаются на поверхности.

И возможно, когда-то станут не важным теперешняя идеология и политика, их заменят другие иллюзии, может тогда молитва, любовь, вера, не в иллюзию политики, а в Него, Чистого и Любящего, станет самым важным, как тот закат, чай, мальвы, «волошкові очі».

И я не стала верить меньше, нет. Я просто стала ближе к Нему, убрала посредников. И закат снова стал похожим на мальвы, растущие под старой глиняной мазанкой в селе Провалье, и степь, снова дарит мне крылья и полет. Да, тьма, которую я увидела тогда на границе, стала чернее и опустилась на мою землю. Но, ведь она не знает истории и силы моей земли, умноженной на любовь и веру.

Но, каждый раз, гладя ладошкой, сухую, а теперь и пропитанную кровью, землю Провальских степей, я буду шептать ей, чтобы она, земля моей силы, донесла до него, знакомые слова,

чтобы он знал, я не перестала молиться, даже за тех, кто стоял напротив меня с автоматом:

Если ты заболел, занемог тяжело,
И, не можешь с постели подняться,
Значит, так суждено, по грехам нам дано
И не надо роптать и бояться.
Если будут печаль, и болезни, и скорбь,
Если в чем-то страдать нам придется,
Никого не вини, а всегда говори:
«Все от Бога нам грешным дается».
Слава Богу за все,
Слава Богу за все,
Слава Богу за скорбь и за радость!

История стоматологическая

По причине подвально-подпольной жизни у посельчан резко разболелись зубы. Ну, прямо эпидемия зубной хвори, приключилась. Ходят такие жалкие, расфлюснутые, перекошенные, стонущие и постанывающие.

Прихватила эта зубная эпидемия и мою куму, но так, чуток зацепила: мост зубной слетел. Но все равно, болит, зараза, прям током, бьется. Не зубы, а электроподстанция какая-то. Деваться не куда, стреляют, не стреляют, а зубная боль такая, что любые ГРАДы за пояс заткнет.

Поехала кума в стоматологическую клинику, а там, мать честная, очередина. Такое чувство, что, вот, полгорода специально договорились, прямо «место встречи изменить нельзя». И все грюстные такие. Кто за щеку держится, кто платочком распухшее личико прикрывает.

Первой в очереди (хотя так понимается, особо и, не спрашивая, кто за кем) стоит миловидно-расфлющенная-камуфляжно-автоматная девушка. Видать нам подвалы впрок не идут, а ей окопы зубом вылазят.

Все, зажав в руках стоматологические наборы, погрузившись в бахилы, приготовив платочки, ждут спасителя. На стенде график приема врачей почему-то пуст. В регистратуре, всех направляют в один кабинет. Больница пуста.

Кума, увидав камуфляжно-автоматную, упала духом, не готов ее нежный организм к таким потрясениям, но зуб дал электрошоковое включение, видать, подталкивая к принятию решения, и, несколько понервничав, ей же не рвать/резать/

кромсать/сверлить, а мостик чуть-чуть на цементик и в роток прижать, кума устроилась в положенном по номеру очередном месте.

И вот, открылась дверь, и на пороге появился Он. Судя по всему единственный военно-атошный, не сбежавший врач-стоматолог. Он был прекрасен: его …недельная небритость манила шиком загульного франта, халат, с засохшими пятнами крови, йода, и еще чего-то неприятно желто-коричневого, был застегнут на единственную пуговицу, он слегка что-то пожевывал, даже гонял по рту, источал запах одеколона, спирта и крови. Все, как на войне.

- Ого, сколько вас, — подсасывая боком рта воздух, обреченно-философски молвил доктор, — а я думал, поубивало уже всех в городе.

Он был прекрасен в своем жизнелюбии. Спаситель облокотился на дверной косяк, и небрежно вытер руки полой халата.

- Не, надо же, война их не пугает, выстрелы им побоку. А а эта, — ткнул взглядом на камуфляжно-автоматную, — я так понимаю вообще с полей. Дамочка, я вот извиняюсь, — а вам все равно, как вас убьют, с пломбой или без?

Камуфляжно-расфлющенная попыталась что-то промычать, пошатывая автоматом. Очередь побледнела.

- Да мне плевать, на ваши аргументы, — без эмоционально рассматривая трещину в стене как далекий, видимый только ему мир, сказал врач. — Можете стрелять, это у вас быстро, а зубная боль — мучительно долго. С автоматом не пущу, болезненная моя, да, и лекарства, свои, — и, сплюнув что-то гоняемое во рту в угол урны, словно поставив точку в сотворении мира и выдав безапелляционно — кто по очереди, заходи, — спаситель ушел в Чистилище.

Часть очереди моментально выздоровела. На лицах появился жизнеутверждающий румянец, а медицинские пакеты быстро растворились в недрах сумочек.

Часть очереди, нервно ропща, отправилась в регистратуру просить другого, вероятнее всего, более адекватного, санитарно-ухоженного доктора.

- Че орете, — отреагировало окошко регистратуры, — чего-то не видно, что с зубами пришли, орете, как на митинге, другого врача нет, не будет. Вон, — окошко, материализовав руку, ткнуло на камуфляжно-расфлющенную,-меньше б стреляли, больше б врачей осталось. Ты еще здесь стрельни мне, и этот сбежит, сами себе зубы дергать будете.

Очередь еще частично оздоровилась, и, расправив плечи и

челюсти, рванула из стоматологии. Остальные, обреченно, двинулись назад. Их, радостно потирая руки, ждал, видно уже принявший успокоительное, врач, Глаза его блестели нездоровым интересом к работе.

Смех Мефистофеля, по сравнению со смехом, потирающего руки в ожидании жертвы, стоматолога, это смех ребенка, увидавшего мороженку. У расфлющенных, зубы выдали барабанную электродробь, приветствуя повелителя и лишая надежды на отступление.

Камуфляжная ретировалась. Первая пошла бабулька. Очередь молилась. Кто-то пытался договориться с болезненной частью тела, кто-то с нервами. К удивлению граждан, камуфляжная вернулась без автомата и в бахилах. Чинно заняла очередь, скромно теребя пакет с медикаментами, тихо расспрашивала о туташних врачебных порядках. Мол, хорош ли врач, хорошо ли лечит, и нет ли тут еще кого-то, ей бы адресок, она на БТРе бы быстренько сгоняла. Очередь убила в ней последнюю надежду. Больница-одна. Врач — один. Точка! А не Пуй бабахать!

Дверь выдала бабку, бледно-шатающуюся, но счастливую. И врача, в халате со свежими пятнами крови, который, как властелин мира, осматривал, вжимающихся в стену, выбирая очередную жертву. Мужик, сидящий возле кумы, даже глаза закрыл, типа, меня нет, я в домике.

-Ты! — перст владыки указал на камуфляжную, — и ты, — на куму.

Очередь выдохнула. Мужик открыл глаза, типа, пронесло.

Рассадив жертв в кресла, врач стал изучать проблемы, приведшие больных к нему в столь тревожное время:

- Ага, мостик на цементик, и все, — разочарованно куме. И…

- О, мадам, вы моя надолго, — потирая руки, обратился небрито-спиртовой зубной фей к бледнеющей камуфляжной, — у вас, я прошу прощения, гранатка во рту рванула, или зубную пасту не подумали отжать на блок-посту. Война войной, а зубки чистить надо. Да, да, так и передайте братьям по оружию, а то, тут у меня всем батальоном сидеть будете. Чудесно, чудесно, — и влепив ей укол, зубной фей, вернулся к куме.

Как рассказывала оздоровившаяся родственница, такого ужаса она не испытывала даже в глубоком младенчестве, оставаясь дома в грозу одна. Насвистывая и подмурлыкивая какую-то песенку, типа «не кочегары мы не плотники» зубной фей, размешав цементик, скомандовав «прикусить и подержать», что-то продолжал ваять. Кума, закрыв от ужаса глаза, только вслушивалась в звуки и ощущения. Не болело, и то хорошо, было мокро и холодно в районе носа, почему-то уха и глаза. Кума

приоткрыла глаза. Врач смотрел на нее, нежно улыбаясь, как Пигмалион на свое творение.

- Вот так, и еще вот так, штришочек, чудненькая моя, прелесница,-ворковал целитель, тыкая куда-то в сторону щеки, ватной палочкой.

Кума скосила глаз на камуфляжную. Она сидела бледная, с диким, можно сказать, животным страхом, вжавшаяся в кресло и смотрела в сторону воркующего возле кумы врача. В ее взгляде был и ужас жертвы, и страх безумия, и мольба о пощаде.

«И это он ей только укол сделал, о, народ нервный пошел, как бабахать цельный, день, так они герои, а как зубик лечить, так все, раскисла»,-подумала кума, умиротворенно-согласительно принимая ватно-тампонное тыканье.

- Ну, все, мостик готов, кусайся, любезная, хоть орешки коли, только гранатки в ротик не суй. Иди-ка сюда,- врач, с галантностью салонного джентльмена, подав руку, сопроводил куму к зеркалу.

С зеркала на нее глянуло…

Зубной фей, был явно в ударе, видно задолбало его разнобаханье и камуфлировано-расфлющенное, и, он, хоть как-то решил, нести в массы не только облегчение от зубной боли, но и прекрасное. Пол лица кумы занимала маска, обычная, из гипса, медицинского, или зубопротезного, кто знает, что используют зубные феи, возомнившие себя Церетели. У нее было ушко эльфа, пикантный носик гоблина и всё это в петриковскую роспись цветочки из зеленки. Удовлетворенно хмыкнув, насладившись реакцией ступора, врач, легким движением руки, снял маску и вручил ее куме, выпроводив за дверь.

Она взглядом попрощалась с вжавшейся в кресло камуфляжной, к которой, натягивая перчатки на руки и выражением лица главного героя фильма «Кошмары на улице Вязов», приближался стоматолог.

Процентов на 60% поредевшая очередь, увидев, как из кабинета выходит девушка с совершенно обалдевшим выражением лица и глазами еще не вышедшего из обморока Бэмби, держа в руке что-то гипсово –зеленое, решила не испытывать судьбу. А из кабинета, в след разбегающимся, неслось жизнеутверждающее «не кочегары, мы не плотники, да». Видимо, зубной фей, входил в роль.

О Музе

Она пришла ко мне в смутные, не всем понятные времена

АТО и ЛНРа. Думаю, эти странные и пугающие аббревиатуры, еще долго будут приходить ко мне в ночных кошмарах, но, как говорят, нет добра без зла. Поэтому, наверное, Муза, это единственное, за что я буду благодарна Российским ГРАДАМ и ЛНРовскому сумраку.

Хотя и не приходила она ко мне, так, прибилась, видно откинутая с облака, взрывной волной. Сидела под кустом желтых лилий, перепугано вздрагивая при очередном взрыве. Муза была чуть примятая, с опаленными порохом крылышками, но с гордо поднятым носиком и дрожащими от негодования губками. Ещё бы, она не военная Муза, она мирная и лирическая, в веночке, с колосочками, а тут такое …а она в платье, без каски и броника.

И ей, и мне было страшно. Мы, посмотрели друг на друга, и решили бояться вместе. Сидели надув губки и боялись. Вокруг неиствовал русский мир, холодила душу и нервы русская весна, Мордор, заявлял свои права, впуская на нашу землю сумрачное войско, что-то бахало, шарахало, что-то отделялось, даже, кралось, громко махало трехцветными флагами, в общем, портило жизнь и нервы по полной.

Она посмотрела на меня, и подвинулась ближе. В подвале было сыро и паутина, и мрачно.

- Ну, мы как-то не планировали принимать гостей в подвале, — сказала я, стесняясь, — завтра приберу.

- Я помогу, можно, — несмело спросила она.

- Давай! -утвердила я, и накинула на нее плед.

Так вот она и осталась.

Каждый день мы боялись потерять что-то свое, особо не откровенничали, просто боялись взрывов, человеческой глупости и ненависти. Просто сидели в подвале во время перестрелки и кутались в плед: я, Муза, дети, семья, собаки, кошки, и, даже, песчаная белка в клетке.

Потом оказалось, что боимся мы, в общем-то, за одинаковые вещи: потерять любимые степи, дом, желтые лилии и синие колокольчики, золотистые поля под чистым, мирным, голубым небом, теплое голубое море и желтые песок с ракушками, любовь, детский смех… У нас оказалось столько общего, даже характер, даже выражение лица, даже ехидство.

Потом мы начали разговаривать, обсуждать, думать, как выходить из глупейшего положения оккупации на своей земле, потом стали петь во время взрывов, потом смеяться над ними, а потом, она сказала:

- Представляешь, а ведь где-то там, так же боятся люди, не понимают, что у вас здесь происходит, может им так же страшно, одиноко, а может, если мы тут как-то поговорим, все вместе, с

чаем, медом, вареньем, то и всем станет легче.

Я не очень опытный переговорщик, но бояться коллективно, меня устроило. И мы начали писать письма, рассказывать о себе, о лилиях, о поселке, плача от страха, злясь на тех, кто впустил сюда это безумие, доказывать, что не язык делает из человека патриота, и даже не веночек, а что-то большее.

Сначала — это было, как тоооооненький лучик, сквозь мрак, но к нему начали подтягиваться другие лучики, свет становился больше, сильнее, и вот, уже Мордор стал так мордёночек, ГРАДы и БУКи стали градами и бяками, сумрак, начал задыхаться и рассасываться. И вот мы дописались, что чувствуем, что мы, тут в подвале, на Донбассе — это, МЫ и МЫ -УКРАИНА! Огромная такая, чистая, светлая, и нас много, да, боявшихся, но делающих, работающих, прощающих, ошибающихся, кающихся, молящихся, ЛЮБЯЩИХ! И этот свет подхватил меня, согрел и успокоил, он четко сказал мне: ВСЕ БУДЕТ УКРАИНА!

Так просто человек, стал человек-автор! Вот! Не ругайтесь строго, мы с Музой, еще не публичные люди, мы только учимся!

День инквизиции

Когда приходишь домой, в жару, взмыленная, лохматая, потому, что в АТОшных безводных условиях, ты еще и мать-женщина-водовоз (папа-водовоз бочкой и канистрой за технической водой на постирушки, зверушки- попоюшки), а я, со скважины, вожу, родниковую, то вопрос: «Ма, вот если мы кота насильно в сарае на ночь закрыли, то, это — незаконное лишение свободы, он же был не согласен? А он там мышь поймал, то есть, получил материальное вознаграждение, как это можно квалифицировать?» — дает силы и для творчества, и для поорать, и загоняет тебя в правовой тупик. Начну с творчества.

Жара, автобус маршрут «город-поселок». Пол автобуса люди-сумки-вода, пол автобуса, люди-сумки-помидоры, так как воду видно, уже где-то раздобыли. Разговоры уже жизнерадостные, стрелять перестали, правда, еще танки, гоняющие по городу ночью, и занимающиеся стритрейсингом, под автоматные очереди, несколько портят настроение.

Но всё равно, основной темой, является уже не артобстрелы, а зарплата, вернее, ее отсутствие в банкоматах города. Я разговариваю со знакомой, объясняя ей, как можно снять деньги в соседнем городе Гуково РФ. К разговору присоединяются посельчане, мол, давай громче, записываем, всем интересно.

Получается, так сказать, автобус-консультант. Все делятся вариантами, обезденижевания соседнего государства методом снимания зарплаты. Кто-то слышал, кто-то уже ездил, кто-то просит пояснить, заинтересованно записывая на мятой пачке сигарет. Соседка спасает:

- Ой, да у многих же интернет есть, да зайдить, там же телефоны банковские, шо вы ее турсучите. Она, он, еле ти бутылки тягне. Мы, он, дома, все нашли, подзвонили, они там все рассказывают, хто, мол, куда едите, шо снимать, услуги какие окажут. Все вежливо. Че человеку мозги морочить.

Мужчина, средних лет, шахтер:

- А если я не знаю, как, и сына дома нет, ну объясните, блин, девоньки, последняя пачка сигарет осталась. Шо там, в интернете тыкать надо?

Ну, я объясняю, там «гугл», «поиск»… И резкий крик с заднего сидения:

- Вы, че, идиоты, она у вас все узнает и деньги снимет сама. Вы щас введете в этот гугл, а она все о вас узнает, и нет зарплаты.

Ну, посельчане меня знают, вступились, мол, ты это, наших не трожь, а «гугл», так он, всем в помощь. Орущее создание лет 35-ти , не унимается, орет, истерично визжа, мол, какой, нахрен, «гугл», это все американцы, придумали, это они все так о нас узнают, и через «гугл» зомбируют, и деньги отбирают, а я, видать, их шпиён.

Завязалась перепалка между крашено-блондинистой и озадачено-беззарплатными. Я молчу. Мало ли что. Меня уже и так раз чуть Коломойскому не отвезли. Автобус все больше напоминает улей. Все орут. И тут, как апогей, как верхняя нота амбре, как верх оватинизма:

- Что вы мне втираете, дебилы, Интернета – НЕТ! Есть только «Одноклассники» и «ВКонтанкте». Все остальное — от американцев, чтобы данные воровать. Все эти «гуглы» поддельные. А в «Одноклассниках» банков нет, новостей нет, я искала, но есть порядошные люди, а не то, что вы «пи.пи.пи» (вежливый, литературный перевод звучащего «пи» — тупые, необразованные пособники американцев).

Автобус-улей задумчиво притих. Не, ну мы поселок, не городские, конечно, ну шо б уж совсем так плохо. Стали присматриваться, кто, мол, такая одаренная, с какой улицы.

Женщина лет 65-ти, рядом, задумчиво:

- Ты че, из совсем села, шоль или из безработных? А я по чем с сестрой из Курска разговариваю, скайп, тоже в Интернете. Хорашая вещчь.

Автобус в порыве, обучающего информационно-обменного настроя, начал на перебой рассказывать о прелестях Интернета, мол, хошь нагугли себе пироженное, хошь, мужика наяндексь, а хошь, в банке платежи, а хошь, новости, а хошь билеты там, на поезд. Мол, мы ж поселок, но не село, какое-то, об Интернете знаем.

А зря. Увидев столько пособников американцев, миловидно 35-летнее, накрыв присутствующих, несусветной, интеллигентной бранью, портового грузчика 5-го разряда и, распинав, едущих, покинуло вражеский транспорт.

Минут через 3-5, те же задние ряды автобуса. Парнишка:

- Офигеть, крутяк, во темень, а!

Второй (видать друзья) доставая из под футболки ipad:

- Ага, я думал, щас у меня ipad увидит и на костер потянет. Инквизиция, бля, реальная темень! А прикинь, если бы мы на инглыш говорили? Щас бы в ополчении показания давали бы.

- Не, ну адреналин, реально, блин, это круче, чем… Это, блин вообще круто, а давай завтра в автобусе на инглыш шпаранем? — прикинь, реакция местных будет!

Мужчина, поворачиваясь:

- Я те шпарану, американосы доморощенные, видишь, тяжко у нас, не все еще огуглились.

Посмеялись, но пацанам внушение на всякий случай сделали. Тяжко еще у нас, образованным и огугленным.

Бутылки с водой домой дотащил попутчик-сосед за полную информацию « о куды тыкать».

* * *

Из творчества вытягивает озадаченное:

- Ма, а если суд работать не будет, это, что, правосудие будет по- старому проводиться? — вопрошает младшее жизнелюбие.

- Что ты имеешь в виду, по-старому? — не понимаю я.

- Ну, это пытки, электрический стул, на костре палить, — отвечает, задумчиво так, но, чувствуется со знанием дела, и, добивает, — Ма, а существует международная инквизиция, можно ли ее к Путину применить?

…Чувствую, денек задался. Прям Международный День Инквизиции в городе. Медленно выдыхая и выходя из транса, отбираю у воодушевленной задумчивости «Историю инквизиции», и «Комментированный УК Украины», вспоминаю о желающих по-инглышить подростках, вручаю, с напоминаниями о школе, «Английский язык».

Если у вас дома скучающее жизнелюбие, утяжеленное любознательностью, советую ограничивать доступ к познаниям соответствующей возрасту литературой. Тупик — это не то место,

где цельный день должны находиться родители.

Монолог дочки

У нас в городе много разговоров о гуманитарной помощи от Путина. Все люди в очереди за водой об этом говорят. Кто-то ждет, а кто-то боится. Говорят, что эта помощь нам нужна, так как живется нам очень грустно: света и воды нет, еды мало и она дорогая. Но вдруг, опять привезут вместо воды, снаряды?

Вот мы с мамой помощи боимся. Потому, что все хорошее исчезло из-за войны и доброго дяди Путина. Дядя Путин, почему-то особенно добрый в этом году, он решил быть таким добрым, что забрал у детей Украины теплое лето, мирное небо, наш отпуск на море, а прислал нам злых солдат с автоматами, танки, мины и обстрелы.

И вот сегодня к нам со стороны России пришла тучка с дождем. Мы тут все бегали, плескались, ведра подставляли, уток купали, вернее они сами купались. Мы покупали собаку. Ей было жарко, и она стояла под дождем.

Теперь мы ждем, что вечером в новостях «РАШАТВ» покажут гуманитарную помощь, которую прислал Путин на Донбасс — ДОЖДЬ!

А радостные журналисты будут переживать: все ли жители Донбасса успели набрать воду в вёдра, и электричество из молний.

Ну, мы такой помощи рады, потому что до этого из России присылали снаряды и ГРАДЫ , а они нам не нравятся.

Дождик теплый и, добрый, и воды ведра натекло много, можно даже ноги отмыть, и утки теперь счастливые, им было очень жарко без воды, а от ГРАДОВ у мамы нервы и бабушка плачет.

Уважаемый, Путин-президент, у нас до вас было: лето, конфеты, молоко, шашлыки, ставок и море, дача, мороженное, сосиски,хлеб, вода, электричество, каникулы и мои друзья, а у котов была рыба, а теперь только мыши. Теперь, когда вы решили нам помогать, у нас этого ничего нет. Мы от вас прячемся в подвал, и играем пустыми патронами от автоматов, еще есть много танков и солдат, но они всем не нравятся.

Я ещё не совсем понимаю, что такое гуманитарная помощь, но знаю, что помощь — это когда не боятся, поэтому, пусть это будет еще один дождь, ладно?

Тучка ушла назад в Россию, жаль, что она не забрала с собой, все игрушки дяди Путина — солдат, ГРАДЫ, танки и мины.

Значит, мама не пустит меня гулять, а друзья не вернутся в город. Это — плохо. Тогда еще одна просьба, если туч с дождем больше нет, просьба больше ничем не помогать.

История поучительная. Вы в ответе, за тех, кого отжали

Часть первая

У нас тут в юном, само себя непонимающем государстве, нарисовался праздник, день открытия КПП в соседнее, еще более неадекватное государство. Ну да ладно, нам, как говорится, на безрыбье и Россию раком, поэтому праздник, так праздник.

В городе бензина нет, с продуктами напряг, связи нет, лекарств нет, поэтому открытие хоть какого-то выездного пути, уже радовало.

Тем более, что до войны гуковчане к нам ездили: в оптику за очками, к стоматологам за зубами, пломбами, протезами, на рынок за носками, продуктами, едой, пивом и водкой, да, и конфетами шоколадными, так что, пущай терплют, теперя мы к ним за деньгами, сигаретами и бензином.

Просто мы, предприниматели, про этот товарообмен с Россией знали, а вот люди, из разряда «потелевизоружказали» и никогда не интересующиеся ничем, окромя соседской жизни, верили, там, где остались звезды на Кремле, жизнь явно краше.

Ну, речь не об этом, мы сегодня, о празднике. Наши люди, за что хошь могут пить, абы на халяву. Торжество было проанонсировано органом местного самоуправления, приглашены СМИ, жители города, самое главное в анонсе были – бесплатное пиво, и раздача еды в 10:00, проанонсаторы ушли, так сказать, с чувством выполненного долгу, они ж не из местных, они ж наших людей не знают.

В 3 часа утра блок-пост, находящийся возле КПП был поднят по тревоге. Судя по шуму, к ним приближались штурмовики всей авиации мира, явно, штук 10 БЕЛАЗов и много другой техники.

Все в ружжо, пушки или как они там называются, расчехлены, заряжены, напороховерчены, залегли. К бою!

Оказалось паника напрасная, это к блок-посту стекались проникнутые верой и ожидающие улучшенной жизни граждане. Три часа утра! Праздник в 10!

Начальство к открытию КПП, как положено, опоздало на полтора часа, а когда приехали, застали своих охоронцев границы в некотором неадекват: камуфлировано-военизированный бок-постовый народ уже не хватался за оружие, больше жался к стене,

нервничал, и норовил свалить.

Начальство ничего не понимает, скоплению людей радо, — ведь любят же, любят, эх, не зря полобласти угробили (здесь могла бы быть скупая слеза, но не было) и начинает речь, мол, вот, туды растуды, политическая ситуация, хунта, а мы, а они….через 20 минут речи, из толпы:

- Слышь, хватит, а, жарко, давай, что полагается и сваливай. Чо трындеть. Хунта хунтой, халява халявой. Где, обещанные пиво и жрачка?

Толпа одобрительно загудела. Камуфлированное начальство, прибывшее на БТРе, не сдавалось, видать речь писали долго, да и журналисты еще не все ракурсы сняли, махали, мол, продолжай, продолжай. Грянул второй лист речи.

Толпа такого неуважения не ожидала.

Еще бы, они с трех утра, писали номерки на руках, передрались, вели усиленную перекличку номерков, сличали их с руками и отпечатками пальчев, списками, писали списки, вычеркивали не успевших на получасовую/часовую/ пятнадцатиминутную/стихийно-возникшую/обязательную и иные переклички, создали штаб по контролю за ополчением, чтобы те ничего не скрысятничали, отжали у ополчения воду и блок-пост, рассказали друг другу о грехах и тайнах всех имеющихся поколений, прокляли все эти поколения, а им, вместо обещанных пива и еды, — речь!

И тут, нарисовались трехколоритные журналисты, видать наснимавшие крупный план и требующие индивидуального поругания хунты. Камуфлированные, получив отмашку, начали выстраивать толпу, для культурного опроса… И вот тут случилось шухер-шоу, кто-то обнаружил машину, где виднелись упаковки с ожидаемой халявой. Махнул своим. Свои начали пробиваться к месту расположения и вызвали панику толпы, которая тут же поняла, что номерки на руках это не пропуск в Рай, тут за гречку каждый сам за себя, а в машине что-то от них скрывают. Толпа рванула туда. Началась возня.

Начальство поняло, что это кырдык, дало отмашку раздавать…Камуфлированные откинули тент…

Потряхивающая орденами, удостоверениями, костылями, авоськами и золотыми цепями, выдирающая друг у друга парики и крашенные кудри, бьющая друг друга по голове сумками и мешками,орущая и сметающая, все на своем пути толпа, дерущаяся за гречку, жизнеутверждающе прекрасна в своей неуправляемой жажде халявы.

Камуфлированное начальство как-то морально стухло, и, махнув рукой, на граждан, доставшихся ему вместе с отжатой

областью, отбыло, не выдержав такой аполитичности.

А как вы хотели, граждан, как и Родину, не выбирают. Отжали -получайте. Как говорится – вы в ответе, за тех, кого отжали.

Толпа, получив свое «гречку и зрелищ», чуть рассосалась, залечивая пивом раны, блок-постовые только через час, нервно оглядываясь, вылезли из схрона.

Вы думаете, на этом история закончилась, ан нет. Наши всё-везде-слышащие барышни, учуяли, что начальство, толкающее речь, произнесло кодовую, тайную фразу «так будет каждый день, ровно в 18:00 возле….

Но это уже, другая история.

Часть вторая

Продолжение повествования о халяве в приграничье, начну философски.

Главный двигатель в политике –это народ. Его можно запрягать, и ехать к вершине власти, помахивая перед носом кульком с гречкой. Так, почему-то думают все вышедшие из рядов КПСС или КГБ любители прокатиться на спинах. Но, напрочь забывают, что вырабатывая у таких же осовдепенных, реакцию на гречку, можно сделать тяговую силу неуправляемой, а иногда и опасной. Я как-то в селе видела, как коняка понесла, ууууууууу, еле телегу по степи собрали запчастями. Это я о чем, ах, да, о гуманитарной помощи.

После штурма КПП, пардон, торжественного открытия, на которое многие не успели, город заговорил о тайнах гуманитарщины. По секрету передавались места раздачи, явки и пароли. Более того, передавались и в соседний от нас город, села приграничья. И пошла гулять информация:

-Так Сам и сказав, кожного дня, щоб людей кормылы. Ага, оце людина! Оце правильно, що на референдум ходылы.

-Та ты шо. А шо ж давали? Та кажуть усе: і гроші, і їжу, і водку, і кастрюлі…

* * *

А кто этот , ну шо привозил, шо за власть? Откуда, из каких будет? За кого голосовать потом?

От Путина вроде, но не Путин, из местных, вроде бандюк какой-то.

Так шо, опять за бандюков голосовать, а за Путина когда?

Да отчепысь ты со своим Путиным, надо больше гречки набрать, поки дають…

* * *

- А люды шо? Говорят шо, ну, война будет, не будет, хто власть сейчас, пенсию-то хто платить будет?

-А шо люды, былись, похваталы їжу, щей кажуть, автомат вкрали, у тех военных, шо еду привозили.

- От паскудство, прозевал.

- А те, шо жрать нечего?

- Та какой жрать, автомат бы стебнуть...

...Народ бегал и искал места раздачи, но не находил. Вроде и там давали, и там, а все говорят, только с чьих-то слов. Сами не видели. Кто-то писал списки, кто-то присваивал номера, кто-то ругался, кто-то даже дрался, кто-то подпирал дверь соседа, чтобы тот не успел добежать до пункта раздачи. Город бурлил, как сыворотка на солнцепеке.

Так, с ночными перекличками и номерами на руках, горожане прожили три дня. До всех наконец-то дошло что, что-то не так. Ну, как у нас говорят, врешь не возьмешь, назвался правительством корми и заботься. Народ у нас привыкший уж очень к льготам разным, пособиям, удостоверениям, а, ежели халяву раздавать начал, все...любофф на века. Так сказать, хочешь народной любви-завози гречку. Ибо гречка, лучший способ взаимопонимания правительства и народа

Городишко-то маленький, народ знает все правительственные блок-посты, штабы, базы и прочие военно-секретные хитрости. Переночевав с перекличкой и перенумеровавши все ладошки и пятки, народ просек, еда, там, где блок-пост или штаб. И, понеслась...

Бабульки с клюшками и кошелками, трехподбородочные дамы бальзаковского возраста на платформе, в бриджах со стразами, деды с медалями, без медалей, далеко не деды, и не воевали, молодые и азартные, с номерками на руках, пошли на штурм мест скопления камуфляжно-военных представителей новосозданной головной боли под названием ЛНР.

Под блок-постами и прочими военными хитростями накал страстей:

- Чё, ироды, гуманитарку жрете? Себе заграбастали и жрут?

- А ну выходь, давай ревизию проводить, мы народна дружина по контролю за раздачей всякой такой помощи!

...Попала я в на соседнюю территорию, как раз в момент разгула бабовщины. Рослая такая, крупной кости, женщина, с ярко-розовой помадой, в ожерелье из бус а ля гарматне ядро, в бриджах с прорезями и стразиками (последний писк моды в приграничье), чуть приподняв над землей камуфляжно уже мордой зеленого, трясла его и вопрошала, гудя над толпой, как

паровоз, зычным басом:

- Ты че думаешь, я на тебя управы не найду, да ты у меня завтра в Нацгвардию пойдешь, полным призывом. Ты вообще понимаешь, кто я? Да я до Киева дойду. Где главный? Да я к Президенту.Если через час у меня не начнется раздача гуманитарной помощи, я тебе козлу, такой гуманитарный коридор устрою. Стрелять,-стоял ор на полгорода,- стрелять вас паскуд надо.

...Всё это я наблюдала сидя на против, так сказать, опорного пункту власти, в тени каштановой аллеи, рядом с потягивающими пиво шахтерами. Один из них, просто сиял, наблюдая картину, вальяжно развалившись на скамейке, в глазах читался восторг, полет, даже какая-то глубокая возвышенность чувств.

- Моя теща, — гордо кивнул он в сторону орущего монументализма,- хана пацанам. Завтра от их блиндажа камня на камне не останется, еще и следы заметать будут и асфальт новый положат (у нас асфальт сильно побит танковыми траками) – я ей сказал, что видел с мужиками, как рефрижератор с гречкой и тушенкой приехал, печеньем и кофточками французскими, уже третий день, мол, мужики по блату тянут. Щас она им покажет действие коммунизма в натуре. Она в 90-е у братков сумку с зарплатой нашей бригады забрала, они ей потом, еще месяц ей колбасу домой носили, щоб не задрала жалобами...

...Удивительно, но после бабулечно-бабищной атаки на следующий день к назначенному правительством времени к местному ДК, камуфляжно-уполномоченные быть властью, все же привезли гуманитарную помощь: одну пачку чая и одну пачку лимонной кислоты на человека, но много. Хватило всем.

Вот я думаю, тут конвой гуманитарный ожидается, надо бы тещам сказать, о блате. Если узнают о тушенке и копченой колбасе, не говоря уже о французских кофточках, хрена того конвоя на одну бой-тещу.

История на ночь. Смски и холодильник

Телефоны у нас работают с перебоями, связь обрывочно-появляющаяся. Зато, прямо, как в детстве, сел на велосипед, айда к куме, узнать, будет водовозка или нет. Мы еще по привычке звоним, конечно, а потом случаются казусы.

Далеко за полночь. Сплю (не стреляют, интернета нет, можно и вернуться к обычному режиму). Телефонный звонок, как выстрел, подкидывает, дает заряд бодрости и адреналина в кровь.

Кума:

- Лен, ты чё звонила?

- Я не звонила.

- Так смска пришла, шо звонила.

- Блин, посмотри, там время , когда я звонила. Это смска поздно пришла, потому шо связь появилась.

По звукам в трубке, слышу, жует. Аппетитно так жует.

- А ты чё й то ночью жрешь, а? Диетическая моя.

Смеется.

- Представляешь, сплю, и тут снится такой бутербродище: с зеленым лучком, сальцом, яичко вареное на черном хлебе. Слюни по всей подушке, еще б чуть-чуть, я б свого сожрала. Такой сепаратист во мне проснулся. Вскочила, даже свет не включала, к холодильнику. Пирожок со стола схватила, стою из холодильника борщ из кастрюли наяриваю, а тут ты, как знала- бздзинь. Смска как звякнет. Типа, жрешь, значит, ночью, да! Я холодильник закрыла, глаза закрыла, типа меня нет. Забилась в угол. Дожевываю!

- А то, контроль на линии. Видишь, даже телефон чувствует, когда тебя из холодильника шугануть надо. Это у меня такая программа в телефоне. Видит, кума в холодильник, шарах смской.

- Ух, ты, война закончиться, бизнес сделаем. Похудительно-контрольный дозвон ночью. Представляешь, полночь, а мы клиентке, такие, -аллё, а не жрете ли вы ночью, а?

Поржали. Пожелали спокнок. Я улеглась, а перед глазами… То яичко вареное просияет, то сальцо бочком слоеным, мясным поманет, то пирожком из кухни с капусточкой потянет. Вот не кума, а сволочь, а?! Все! Пошла в холодильник!

Телефон отключу, на всяк случай.

Зарисовки из зоны АТО

Я как-то писала, что жизнь в ЛНР –это сюрреализм, когнитивный диссонанс, пердимонокль и оксюморон в одном флаконе. Не верите?!

Летняя площадка, когда-то ошеломлявшего выбором пива магазина «Пивной рай». За столиками редкие посетители. По кованным решеткам, обрамляющим площадку, вьются голубые колокольчики ипомеи, или, как их здесь называют, вьюнков. Ярко-голубые, он колышутся на ветру, как маленькие кусочки неба, клубятся, спадая к низу узора, синим водопадом.

В низу решетки из декоративного кирпича выложен

многоярусный цветник. Низ заполнен разноцветным морем петуний, посреди которых, улыбаются солнцу, ярко-желтые шапки подсолнухов.

В глубине площадки за тихим гулом кондиционера, из динамика, доносится мягкое и обволакивающее «Я піду в далекі гори, на широкі полонини»....

За столиками, повесив на стулья автоматы, сидят, почерневшие и уставшие от войны люди. Их темно-зеленая камуфлированная одежда, изредка прерывается выгоревшими оранжево-черными или триколорными лентами. Откинувшись на спинки стульев, они пьют из узких, запотевших бутылок «Львовское светлое»…

Дрожь земли

Дедушка всегда говорил: «Слушай землю, она, как сердце, плохого не подскажет». Слушай, как о живой. А дедушка у меня был добрый и мудрый. Он-столяр, тесля. А столяра, это люди музыки, они чувствуют энергию дерева, его песню, значит, могут чувствовать и дыхание земли. Он и научил меня чувствовать. Не только землю. Просто чувствовать. Когда я помогала ему плотничать, зарывалась руками в стружки, гладила доски, изучала срезы, в руках просыпалась какая-то сила, она струилась по мне, укутывая теплом, иногда била током, но, чаще просто грела и пульсировала где-то в районе души.

Он научил меня разговаривать с землей. И бабушка. Когда мы шли в степь — у нас не было машины, и мы ходили в степь за травами, просто гулять, пошептаться, как смеялась бабушка, — меня отпускали на волю. Я могла носиться по степи, как жеребенок, безудержно скакать по курганам, летать наперегонки с птицами, а потом, когда я вдоволь нахлебавшись степным ветром, падала от усталости, мы садились в тень дубравы и слушали землю. Мне рассказывали мне какую-то сказку или бабушка пела, пока я не засыпала на свежескошенной траве, уткнувшись носом в охапку степных трав. Дедушка говорил, что, когда мое дыхание равняется с дыханием степи, то я становлюсь одним целым с землей, тогда я не буду болеть.

Потом уже, во взрослой жизни, я встретила гипотезу, о том, что земля — живая. У нее есть пульс и дыхание, она чувствует боль, радость, тревогу, плачет и дрожит, когда ей плохо или страшно.

В моем детстве было принято ходить босиком, тогда еще земля вокруг не была изгажена битым стеклом, породой,

окурками, пластиком, железом. Сейчас, чтобы пообщаться с землей, у меня остались лишь степи да скалы.

Сейчас, чтобы почувствовать землю, ее силу, дыхание, нужно ехать прочь из города. Хоть не далеко, хоть на чуть-чуть, но прочь, от камня, ненависти, несвободы.

Как только я попадаю в степь, все… Босоножки, тапки, туфли, долой. Идти, притрагиваясь к обжигающей земле, слушать, чувствовать ее пятками, ступнями, пританцовывая от растекшегося, словно мед, зноя. Бежать, плыть, кружиться.

В степи ты не человек: ты — стриж, играющий с небом; ты — ковыль, шелковистая грива земли, которую любит расчесывать ветер; ты — чабрец, полынь, материнка, мята, которую родила земля для силы и песни; ты — родник, живая кровь земли, студеная, бьющая током холода, ласкающая и дающая силы жить.

Когда лежишь на земле, в степи, нужно закрыть глаза, и постараться, утихомирив мысли дышать в такт с землей, слышать ее сердце. Только ты — и солнце, ты — и ветер, ты — и тепло земли, ты — и кузнечики, ты — и птицы.

Мира нет. Он растворяется в стрекоте, зное, запахах, свете. И тебя нет. Ты — это земля, теплая, плодородна, разогретая, живая. У тебя бьется сердце. Тук-тук-тук…

Но оно бьется не в груди, а там, глубоко под тобою, ты просто слышишь этот ритм и твое тело отдается ему, отвечая в такт. Тук-тук-тук…

Может и был смешон в своей простоте и наивности, заросший, бородатый, всегда ходящий босиком чудак, Порфирий Иванов, мой земляк, написавший «Детку», но он слышал землю, и она радовалась общению с ним. Язычество ли это? Нет! Это любовь к земле.

Земля иногда дает странные знания, не всеми понятые, не всеми оцененные, но такие простые. Они идут к нам со стуком сердца, прохладой родников, запахом трав, сиянием звезд, дождями и радугами, мычанием теленка, ржанием лошади, и даже ночные трели сверчков-это знания земли. Скольким пыталась она дошептать, донести, рассказать...

А говорили ли вы, когда-нибудь со своей землей? Слушали ли ее сердце?

Он, бородатый чудик, обсмеянный людьми, слушал, и написал. «Детку». Правильную, не правильную, праведную, не праведную, но мудрую, помогающую, опускающую с придуманных небес, ставящую босыми ногами не на богатство и золото, а на сухую, мокрую, холодную, раскаленную землю, дающую возможность услышать…тук-тук-тук…

В наших степях затерялся маленький, незаметный и

малоизвестный поселок БОГИ. Да, даже так. Боги, омывали здесь свои ноги, от степной пыли в кринице на степном кургане.

И не знали Боги, что когда-то на этом кургане будут стоять русские солдаты, орудия и «Грады», и кто-то, маленький и смертный, возьмет на себя право лишать жизни и рвать мою степь ранами, напитывая ее не дождем, а кровью.

Порфирия Иванова и его «Детку» почему-то особенно почитают в России, к нам часто приезжали высокие гости из правительства России. Эти места, степи, криницу, очень любила жена Назарбаева. Удивительно было видеть десятки босых людей, в дорогих костюмах и галстуках, молчаливо стоящих в степи, подставляющих ветру и солнца лица и души, в надежде, что придет единение, а степной жаркий ветер высушит их боли.

Ах, знают ли россияне, так приветствующую войну и благословляющие убийство, что они стреляют в места силы? Ах, знают ли москвичи, испорченные квартирным вопросом, скольким страждущим, покалеченным городской злобой, моя земля дала силы жить? Ах, знают ли, солдаты, плюющие на мою землю ненавистью, что такое дрожь земли?

Дрожь земли. Странное понятие. Но ощутимое. Это как ток, который проходит по телу, нервам, генам, лишая и иссушая в человеке плодородие, вскрывает в нем червоточины и пробуждает к жизни нарывы.

Дрожь земли-это когда, уставшая не от тяжелой работы, а от горестного ожидания предчувствия беды, мать, поднимается на встречу почтальону, зная, что он принес похоронку.

Дрожь земли-это вулканы, сжигающие что-то ненужное, наводнения, смывающее что-то ненужное, катастрофы, ломающие что-то ненужное. Что-то ненужное, это мы, копошащиеся в своем величии и забывшие о своей ничтожности.

Вздрогнула от боли моя степь, принявшая в себя пули, кровь, жизни, тела… вздрогнула моя степь… и дойдет эта дрожь и до полей, и до рек, и до городов, тех, кто возомнил себя богом, и пришел убивать на мою землю.

…А говорили ли вы, когда-нибудь со своей землей? Слушали ли ее сердце? Любили ли ее? Дарили ли ей свою любовь? Гладили ли ее? Баюкали, как ребенка? Что вы знаете о земле, идущие по ней?

В степи всегда присутствуют все стихии — воздух, огонь, земля, металл. Ну, скажете вы, первые три, понятно, а металл? Металл — это я.

Маленький, металлический, городской человечек, помнящий свои корни.

А может быть, нет?! Может быть, я — выкованный в степи, на

ее жарких полуденных углях, окуренный степными травами боевой меч, который ждет своего хозяина, чтобы сверкнуть в его руке очищающим мир светом?

А может я степная гроза, степная молния, ярче которой, только вспышка от взрыва галактик? Я, разрываю ваше небо, чтобы докричаться… Эй, что вы делаете, она живая! Мы-живые!

Слышите — тук-тук-тук?!

…Напротив нас, возле города Гуково РФ, срочно переместили лагерь беженцев, теперь на его месте «Грады» и НОНы, они смотрят на нас: Червонопартизанск, Свердловск, Ровеньки, Краснодон. Им все равно, что мы живы, что у нас бьется сердце, им все равно, чью землю топтать.

Но, не все равно моей земле. Я слышу, как ее дрожь, уходит по степи, туда, где ненависть, к истокам, чтобы погасить ее очаг своей любовью и силой… чтобы не прервалось тук-тук-тук…

Одиночный

Война меняет понятия, делает обычным необычное и нереальное обыденным. Смех в маршрутке или музыка в кафе — это необычное, может удивить, напугать, обращает на себя внимание, настораживает. Выстрелы -это обычное, это просто заставляет прислушаться, чтобы определить источник угрозы и координаты боя.

На тот выстрел днем, в жару, хоть и раздавшийся почти под боком, по-соседски, никто не обратил внимания. Прислушались, одиночный. И углубились в дела. Мало, ли…

Сейчас оружия в каждом доме полно, с войны на побывку приходят местные, загорелые «защитники родины». Хвастаются трофеями, рассказывают о победах над американскими наемниками, зомбированными украми. Иногда стреляют при этом, от пьяни, от скуки, чтобы показать значимость или похвастаться меткостью.

Здесь война спит в домах принесенными трофеями, она уснула в полях, пригревшимися в земле минами, змеится растяжками в степи и посадках. Ее позвали, и она пришла, затаилась, как серая степная гадюка между камней, и ждет свою жертву.

Когда прохладными вечерами бравые ребята, рассказывают о своих подвигах, благодарные слушатели млеют от красочно описанных ужасов войны, проникаются восхищением к героям, одаряют их восторгом, сигаретами и выпивкой, а менее

благодарные, молча отскрипываются зубами, глотая боль, отчаяние и обреченность, расходятся, опустив плечи.

…За выстрелом, минут через пять, крик. Грубый, холодный, даже не крик, хрип, разорванной глотки, души. Какой-то металлически остервенелый. И снова выстрелы, теперь автоматные.

Рядом, как же рядом. Забиться в дом. Поскорее. Закрыть наглухо двери, окна. Черт, как же они замахали, а! Опять разборки, что-ли?! Выяснять не хотелось. Не то время.

Так повторялось около часа: крик, вой, очередь, крик, вой, очередь. Как будто, кто-то рассказывал миру, о чем-то своем, нахрипевшем в душе. После получасового затишья, мы вышли из домов. Первое, что пришло в голову, — закончились патроны.

В ворота постучали, позвали. Соседи. Встревоженные. Значит — беда.

За двадцать домов от меня, за поворотом, на соседнем проулке, остывая в полуденном зное, лежал, распластавшись под буйными, давно не стриженными виноградными лозами, четырнадцатилетний мальчишка, сын соседа, еще вчера хваставшегося военными доблестями и трофеями, который играя отцовским пистолетом, выстрелил в себя. Никто не знает как, может случайно…

...Несколько лет назад на соседней улице появились новые жильцы. Она, высокая, скулистая, ширококостная, вечно угрюмая, на вид глубоко за сорок, но, как потом оказалось, на десяток лет моложе. Он тоже высокий, кремезный, мускулистый, спортивный. И мальчишка, сын, худенький, резвый. Нормальная семья, шахтерская.

Улицы у нас тихие. Дети привыкли играть дружной стайкой, свободно, не боясь. Были конечно шумные споры и детские обиды, но все это прекращалось с твердой позиции мам и пап — соседи не ругаются.

После появления новоселов улицы, куда выходили заборы их двора, превратились в ад. Мальчишка как-то не влился в сборноуличный детский коллектив, стал задирать младших, а любимое развлечение было, стрелять по детям и животным из рогатки, сидя на своем заборе.

Чем больше делали замечаний его родителям и мальчику, тем сильнее и серьезнее у мальчика появлялись игрушки: арбалет, пращ, пистолет с металлическими пульками, и, тем больше синяков и травм было у детей, и, тем больше погибало маленьких четырехлапых любимцев.

Улицы погрязли в скандалах. На каждый выпад, родители мальчика отвечали дракой, бранью, покупкой нового оружия и

поощрением малыша. Это называлось — растить мужчину.

Детей перестали выпускать из дому. Их родственник — работник милиции в соседнем городе, просто стирал в прах, все заявления от родителей. Второй родственник — прокурор, живущий в соседней области, просто устраивал травлю жалобщиков, через место их работы.

Они, заботливые и любящие своего сына родители, смеялись, глядя на раненных детей, презирали их слезы, когда они плакали над трупиками своих друзей, подбадривали сына, охотившегося за дичью. Дичью для них был любой, кто проходил возле их двора…

Когда началась война, вместе с шахтным ополчением, он ушел на войну. Оказалось, он реестровый казак, родился в России, где-то на Кубани, потом его родители переехали в Украину, на Донбасс, и, вот, он, гражданин Украины, пошел воевать против своей страны.

Спросить бы, за что: дом полная чаша, хороший внедорожник, мальчик учился в элитном лицее, он получал высокую зарплату, да еще, будучи при начальстве, начислял себе, пару зарплат за мертвых душ (это самый распространенный заработок среди начальства шахт).

Но почему-то та Родина оказалась слаще этой. Потом на улице заговорили, что он и не войне, а так, отжимает, грабит. Потом заговорили о налете на инкассаторов, а его жена уехала в Египет. Потом, он пришел героем и даже полковником, и рассказывал, как он убивал, пытал, закапывал пленных, еще живыми, в траншеи и танцевал на них танком, кроша в месиво плоть и землю. Потом он показывал трофейное оружие. Потом прозвучал одиночный выстрел…

…Услышав выстрел, он выбежал из гаража, и, дальше, до тела, он уже полз на коленях, хрипя и стреляя вокруг себя из автомата, как будто отгоняя смерть.

Говорят, он хотел застрелиться, но расстрелял все патроны. Он не выпускал из рук автомат. Так его и забрали его же товарищи, приехавшие на вызов соседей. Милиция у нас не приезжает, приезжают те, кто раздал оружие, и рассказал, своим друзьям, о мечте, о синей птице, которая принесет счастье вместе с северо-восточным ветром. Они просто забыли сказать, что этот ветер, груб, и приносит холод и смерть.

…Война! Если ты позвал ее, открыл ей двери в свой дом, получил наслаждение, убивая ради игры, наживы или мести, ты ее. Навсегда!

Разрушив чью-то судьбу, похитив чью-то Родину, ты получаешь благодарственную отметину: теперь, ты- носитель гена

войны, ты — ее легионер, ты — ее раб. Она окутывает тебя своим пороховым шлейфом, защелкивает на твоих руках кровавые наручники из чьи-то, забранных тобою жизней, она намертво входит в твою судьбу, сон, дом, она больше не оставляет тебя ни на минуту, она твоя сестра, жена, тень; она дает тебе наслаждение победой и опьяняет тебя всемогуществом. Ты, раб войны, царствующий над своею жертвой, помни, что война заберет у тебя в тысячи раз больше, чем забрал ты сам…

История мокрая. Бабий бой

Водовозка у нас приезжает на поселок 2 раза в день: утром и вечером. КАМАЗ с девятитонной бочкой удовлетворяет потребности в воде всех тачечных, кравчучечных, бутылированных, оведренных, бочковитых и оканистренных.

Набирают воду на два шланга, один большой для канистр и бочек, другой узенький для бутылок и банок. Так как шланг с напором удержать тяжело, то кто-то из мужчин становится на разлив, и быстро наливает воду в подставляемую тару. Очередь вообще для этого не нужна. Нужны мужики, быстро отставляющие баки, а дети сами набирают воду в бутылки.

Все это было быстро, дружно и весело, особенно конец разлива. Дороги у нас пыльные, да и жарко сейчас, пока разливается вода, наливается лужа, ноги, естественно, вымазываются. После того, как все набрали воду, детвора ждет, когда, вроде бы невзначай, Палыч, из тонкого шланга окатит их водой. Вот тут, удовольствие, душ, веселье и, так сказать, моральный подарок маленьким водовозам. Но и взрослые с удовольствием, бурча, степенно подставляются под веселый, прохладный душ.

И так два раза в день: дружно, мокро и весело. Пока в поселок не вернулись Пузатишны, это мы так называем сестер Панчухиных. Две пожилые женщины лет 60-ти и 65-ти, родные сестры, очень тяжелые на характер. Наследство делили, так, что все суды дрожали. Живут рядом, а льют друг другу помои во двор. Скандальные до жути. Вернулись, как тут принято, из бегов от хунты, но, видать, ни одна родня в России не согласилась содержать это пузатое, аморальное зловоние, а статус беженца им тоже не дали.

Приходя за водой никто не занимал очередь. А зачем? Баки поставили, бытылки пооткрывали, и ждем, когда наберут. Мужики, кто есть, тот и на разливе. На всю очередь, чтобы набрать все баки полчаса времени и минут 10-15 побрызгать на

детвору.

Ан нет! С Пузатишнами так нельзя. Они приползают на час раньше, успевают переругаться друг с дружкой, обозвать весь поселок, запугать детвору, создать проблему, очередь. Короче создали нервозную обстановку возле стратегического объекта.

Там где вода, ругаться нельзя, там мир, перемирие даже у врагов. Вода все чувствует и хранит информацию. Как потом пить, когда это пузятиновонятельное проклинает все вокруг. Мужики решили их проучить.

Пришли на два часа раньше, написали список, всех, кто за водой приходит (все ж друг друга знают), а их поставили в очереди одна за одной. Ну, вот номер 65 и 66. То есть, сначала по очереди все мирные посельчане, а они последние. И ругаться они могли только между собой.

Расчет оказался верным. Шланги быстро лили воду, народ разбирал баклажки, а Пузятишны орали друг на дружку. Так как все равно вода разливается, то на месте стояния водовоза, каждый день образуется черно-пыльно-водяная лужица с довольно скользкими краями. Угольная пыль! И тут одна Пузятишна подскользнулась и упала. Ей показалось, что ее толкнула ненавидимая родственница, и понеслось.

Они мутузили друг друга посреди пыльно-угольного водяного бассейна, как в лучших американских фильмах — бой баб в грязи. Долго, с упорством, сопя, с остервенением.

Мужики сначала чуть посмотрели, посмеялись, потом плюнули. Никакой эстетики: ни тебе купальников, ни накачанных тел, ни красивой груди, ни спортивного интересу. Так, два грязных бегемота в болоте.

Все набрали воду, водовозка отъехала, детвора покупались, взрослые чинно обмылись от пыли, и… разошлись. Машина уехала. И только в угольной грязи еще полчаса мутузились сопя, две толстые бабы.

Зато, когда они шли домой, им было легко и хорошо. Их баклажки были пустые. Воду-то им никто не набирал.

На следующий день Пузятишн обсмеял весь поселок, пока стояли за водой, чего только не придумали, в отношении боя и лужи: и Пузятишно болото, и табличку прикрутили на картонке «расписание боя», и «воду давать тока после зрелищ», и «билеты продавать и шоферу на сигареты», и «Международный чемпионат среди тех, кто за 200»…

Скажите, злые мы. Может быть. Зато воду набираем тихо. Нельзя при воде ругаться. И так зла вокруг немеряно, а вода-это жизнь. Лучше пить воду, которая впитала детский смех. Кто-то из дому принес такую насадку на шлангу, что вертится, как

вертушка и воду разбрызгивает, вместе с радугой. Пусть детям и дождик, и радуга, а нам, смех.

Человечизм

Партизанская война она такая разная.

Как у нас говорят, чем дальше в лес, тем злее дятлы. В условиях войны важно не потерять рассудок, жизнь, человеческое достоинство и совесть. Хотя, глядя на сограждан, такое чувство, что у некоторых и терять-то особо нечего. А во многих, наоборот, открываешь такой безграничный человечизм, вот прямо Человечизмище. Поэтому несколько историй партизанщины.

История гуманитарно-партизанская.

Вернулась на поселок тут одна «беженка». Вообще-то мы называем их «возвращенцы». Это те, кто пожив на русских халявных харчах, получил пинка под зад, то есть не получил статус беженца в России, и был вынужден, возвращаться к нам, к хунте.

Ну и понеслась, каждый день прямо до истерик: Россия пригрела, кормила, поила, Путин-молодец, гуманитарку дает, надо встречать кормильца, флажком махать, ноги целовать. Кроме этого, везде скандалы. В очереди за хлебом, бабульку 85 лет облаяла, что та на свою соседку парализованную буханку хлеба попросила (дают один в руки), то в очереди за водой скандал, всех проклинает, обзывает, даже детвору. Каждый день промывка наших мозгов: Путин нас спасет и накормит.

Поинтересовались, скромно так: если пакет гречки будут давать в Луганске, где стреляют, поедет ли она туда, на что получили утвердительный ответ, мол, за гречкой от любимого Путина, в любой ад поедет.

Мы ее тактично спрашиваем, мол, что ж тебе, неогуманитаренная ты наша, там не сиделось? Что ж тебе там вдоволь хлеба русского не кушалось? Ответ на этот вопрос был скрыт под странными россиологизмами, трудно перевариваемыми хунтовским желудком и мозгом. Диалог у нас не получался.

Ну, мы, хунта битая, «грады» и минометы пережившая, сплоченная безводьем и безхлебьем, чуть организовавшаяся в партизанский морально-психологический отряд, нас так лихо «на путина» не возьмешь, мы тут сами кого хошь на Путина послать можем. Было принято решение в конфликты не вступать, у нас тут народ на доносы щедрый, могут и стукануть куды следует на высокоморально-хунтовский дух поселка. Решили бороться

информационно-показательно.

Идут соседки мимо Катькиного двора:

- Галя, куды мени цю гречку путинську диваты? Собака не жре!

- А я курей кормлю, а шо, раз такый молодець, гречки машину дав, то чого курей не покормыть!

Катька в шоке. Давай к соседям, ею пять раз на путина посланным, подлизываться, мириться, чтобы получить информацию.

-Ой, бабы, мы ж с одного поселку, делить нам нечего, давайте мирно жить. У меня яблочки уродили, приходьте угощу. А, где вы гречку брали, чего я не знаю?

Соседки парируют, яблок, мол, у сами хватает, а за гречку, мол, чого рассказывать, сама грамотна, телевизор смотришь, там, у новостях, места раздачи и график показують.

Дней пять Катька никого не доставала, смотрела новости. Вышла на скамейку злая, как черт, орут на баб, мол, чего обдурили, по телевизору показывают, шо мол, хунта кровавая гречку в Украину не пущает.

Бабы:

- Катька, ты шо здурила, та гречка, це вже коли було. Ну прозивала та й прозивала. Он, Ганна в больнице, бо тушонки русской объелась. Тушенку уже давали, а ты че не записувалась, по телевизору ж казали, усеем записуватся.

У той уже истерика, мало того, что гречка мимо прошла, так еще и тушенка фанерой пролетела. Бабы информацией еще на пару дней Катьку в хату загнали.

Из хаты Катька вылетела, увидев бабский коллектив, уже, как бык, в испанском Мадриде. Рожа красная, подбородок трясется, ноздри раздуты, волосы всклочены, орет, мол, сволочи, гады, жрут халяву, ей брешут, а Россия, мол, страдалица с машинами пылится на границе.

Бабы попали в западню. На помощь пришел Анатолий Петрович, дай Бог ему здоровья, так как среди бабского отряда, кума моя найлюбимейшая, чуть в засаду не попала. Спас всех:

- Че, кудахчешь, Катерина? Ты телевизор видала, вчерась показували. Открыли машину, видала, какие огромные, а там на всю машину, два ящика тушенки лежить. Ты, шо ж думаешь, специально два ящика в такой машине везли через всю страну? Чи Путин став бы позориться такой жадобностью? Специально машины там стоять, людей много, усех не накормишь, дають тока своим и тока по справке, шо мол, хунтою бита, организм истощен, нуждается в тушенке, колбасе и гречке. Без справки никак. Щас, ото без справки набежать левые, а так все чин-чином. Справку

брать в милиции, там ополчение выдает, шо голосовала, как положено на референдуме, потом в исполкоме, потом у депутата заверить и шоб врачиха написала, шо, мол, оголодавшая, типа дистрофик. Потом едешь в Изварино, и там, как добьешься до места, где фуры стоять , ой, гады, везде, взятки, везде взятки…но давать надобно. Без взятки оно конечно одну банку дадут, а с взяткой могут ящик или даже пять дать, если хорошо дать, то можно десять.

Бабы наорали за сдачу важной информации, мол, зря , ты Петрович, хочь и человек образованный, информацию выдаешь, на всех не хватит, а Катька и так была беженкой, халявы наелась, чего, мол, на нее еду переводить. Устроили скандал, с разборками.

Вот. Неделю отдыхаем. Тишина! Катька справки собирает, устраивает истерики то в штабе ополчения, то в больнице, то в исполкоме. А когда домой бежит или вечером выходит со двора, бабы, шушукаясь, типа, подпольщики, вкусно причмокивая, едят хлеб с тушенкой (она правда домашняя, мы ж село, у многих хозяйство, но об этом тссс! — никому). Катька на штурм Изварино собралась. Может ее там, как диверсанта, задержат? Справок у нее нет, она решила пограничников взятками подкупить или водителю фуры дать, шоб сразу весь рефрижератор тушенки ей домой привезли. Партизаним!

Мироточение души

Если бы не смерть, не кровь, не страх, не разрушение, то война была нужна Донбассу. Только сейчас здесь началось очищение. Мы увидели, кто чего стоит, с кем мы живем рядом. Разочаровались в старых друзьях, но приобрели новых, надежных. Ведь, если те, кто ради политики или чужой страны предает тебя, можешь ли ты доверять ему сердце, нет! А, если кто-то чужой и незнакомый, бросается тебе на помощь, такому же чужому и незнакомому, разве это не родство душ? В моем городе стало меньше людей, но большая часть из них стали роднее и светлее.

Смотрите. Столько предательства вокруг. Нас предают генералы, политики, депутаты, министры, нашу страну грабят и раздевают. А сколько разочарования от лжи?! Но все это заполняется светом, который несут волонтеры, добровольцы, сколько стало вокруг тех, кто готов отдать последнее, и пусть это даже не деньги, а капелька любви, надежды, тепла. Даже, если страшно самому, люди стараются согреть и успокоить тех, кому страшнее.

Мне кажется, перелом в войне начался тогда, когда о Донбассе заговорили с любовью, почувствовали нас, живущих здесь. Когда украинцы перестали видеть врага друг в друге. Когда поняли, что дело-то не в языке, веночке, а в другом, в чувстве единства друг друга и Родины. Мы все нашли себя друг в друге и Украину в себе.

Тьма рухнула, раскололась на части, по ней бегут лучики света, дробя остатки ее сил. Побежали из Донбасса реконструкторы, болотовы, кадыровцы. На силу зла, стеной встали силы добра.

Был момент, когда ненавистью к Донбассу дышал каждый третий пост, статья в Интернете. Как бубен шамана гудела ненависть раздуваемая ненавидящим самого себя русским народом: убить, убить, убить. И в противовес всему вставали лучики, которые писали: Донбасса наш, пусть говорит на русском, но наш, родной, не дадим, не оторвем от сердца.

Даже когда священники предавали нас и веру, брались за оружие, отказывались молиться за Украину и мир, ее победу, ребят, которые бьются за это победу, мы очищали черноту их греха своей любовью и верой, усиленной в тысячу раз. Мы сами, своими словами молились за мир, и за наших солдат, за наших врагов и за наших, предавших нас друзей, мы помогали незнакомым нам людям и стране, мы боролись за свою свободу за всех фронтах: с агрессором, бандитами, террористами и чиновниками.

Посмотрите, когда уже нечего было говорить, опускались руки, накатывало отчаянье, начинали говорить наши души: молитвами, делами, словами, светом.

Простые, обычные, незнакомые люди со всего мира объединялись, чтобы светить и делать добро. Каждый из нас, выпустил из своей души свет, чтобы создать баланс сил. Даже слезы были светом. Это плакала любовь, нежностью, очищая от случайно прилипшей грязи.

Говорят, когда беда, в церквах мироточат иконы. Я вижу, как мироточат души: это мы, поддерживаем друг друга, это волонтеры везут сквозь пули помощь солдатам, это солдаты вгрызаются в землю, отбирая у тьмы наши города, это руки и души, сплетающиеся тут в соцсетях, и дающие друг другу силы. Это ваше миро, текущее из душ. И оно жжет тех, кто пришел к нам с войной и залечивает раны на нашей земле. Это миро, струящееся из ваших душ, склеит нашу страну воедино. И пусть бегут слезы-это мироточение души!

Баланс сил

Войну нельзя забывать. Если ее забыть — начнется новая война. Если перестать ценить мир, благополучие, свободу, то будет война, нищета, голод, рабство. Когда много неоцененного хорошего, его заменяет оцененное плохое. Это баланс сил. Если человек не доволен в жизни чем-то, силы найдут этому замену. Но вряд ли, эта замена будет лучше.

Я вспоминаю, как до войны (до этой войны) выбрасывали хлеб, воротили нос, перебирая 50 сортов колбасы, были недовольны зарплатой, пенсией, работой, теперь этого нет. Как по желанию. Не хочешь-не надо. Не нравится — уберем. Хотите в Россию, в нищету, пожалуйста. Кричали «мы ненавидим эту страну», пожалуйста, у вас теперь другая, вы — беженцы, в Сибири, Заполярье. А, квартиры в Кремле, на Рублевке и Крыму, как-то никто и не обещал. Каждый выбрал свою страну, Родину.

Сегодня вскрыли склады предпринимателя, вычистили все: мотоблоки, косилки, мопеды, болгарки, даже мотки кабелей, проводов, дрели, упаковки сверл… Вроде надо сочувствовать. Не могу. Этот предприниматель ходил, как йолка, в ленточках, орал «заживем в России», сдал всех своих конкурентов, обвинив в помощи Нацгвардии (попросту написав донос). Поэтому — констатирую факт. Свои поедают своих. Больше некого.

С желаниями нужно быть аккуратными. Мой сосед, голосовал на референдуме, чтобы всем уравняли пенсию. Он, хотел равенства. Ну, да. Это в бюллетене ЛНР напечатало один вопрос, а голосовали каждый, за что хотел, не читая. Теперь у него нет пенсии. Равенство пришло.

Другой сосед, снял все сбережения, на которые жил, и купил машину, хотя у него уже была. Причина?! А чтобы хунте деньги не достались. Его машины забрали заезжие бандиты. Его желание сбылось: хунте деньги не достались.

Одна наша посельчанка проклинала мужа за то, что мало зарабатывал, просто ела его поедом, сама не работая. Хотя, заработок больше пяти тысяч в месяц, был даже очень приличным для нашего города. Но нет. Там за горизонтом кто-то жил лучше. Она сильно завидовала соседке, мужа которой убило в шахте, и она получила посмертные и пенсию за погибшего. Так завидовала и так ела мужа, что он ушел воевать. Она заработала 10 000 посмертных, которые ей принесли вместе с его гробом. Только пенсии у нее не будет. Он погиб в войне за иллюзию, а на иллюзию закон не распространяется.

Сорокалетняя пара хотела умереть в России (удивительно, не жить, а умереть). Его ранили в ополчении, она увезла его в России. Он там умер. Все, как хотели.

Жаль только, что эти чьи-то черные и глупые иллюзии

забрали жизни моих друзей, что, кто-то желающий другому зла, навлек его и на наши головы.

Войну нельзя забывать. Нужно помнить каждый ее шрамик, каждого предателя, каждую могилку, каждую потерю. Чтобы потом, ценить мир, но уже по другому. С высшей пробой. Пробой крови.

Самое страшное на войне, это-война

Я всегда думала, что на войне, самое страшное, это взрывы, выстрелы, бой. Оказалось — нет. Самое страшное на войне, это — война. У нее много граней, острых, как края сколотого гранита, они режут, быстро, не всегда заметно, но всегда очень глубоко и больно. У нее много острых когтей, которыми она рвет свои жертвы.

Война — она разная, но она всегда оставляет шрамы на душе, на сердце, на судьбе, на городах, земле, людях, стране.

Война — это не всегда оружие или пули. Война не всегда — поле боя. Если она начинает вить свое гнездо в твоей стране, она делает это вдумчиво, заранее подготавливая себе место, желательно где-то в богатом, безопасном и тихом районе, а так же армию обсуживающего персонала, который будет питать ее птенцов. Набирает солдат смерти, армию предательства, стукачей связи, раздает пакеты безразличия и медали жестокости, ставит растяжки из волокиты и наживы. Это — война в тылу, и предательство, и безразличие , глупость и даже паника — это тоже война. И, вот, ненависть, и коррупция, и халатность, и измена-это тоже грани войны. И они тоже режут по живому.

На войне быстро устаешь бояться. Хотя боишься, но, как-то через усталость. Слишком много приходится бояться: взрывов, воя летящих снарядов, смерти, ран, потерь. Боишься за родных, за детей, за солдат, что пробиваются к твоему городу, боишься, что предатели и убийцы уйдут от ответственности, боишься малознакомых людей, а знакомых, которые уже показали свое лицо, боишься еще больше.

На войне даже зарево ночью — страх. Понимаешь, это не закат, это греется война на костре из дома твоих соседей. Страха так много, что ты устаешь его нести, ты просто идешь устало, сквозь войну, сгорбив плечи и постарев, и, иногда даже не понимаешь, почему льются слезы, ведь тихо и не стреляют, а ты плачешь. Это — плачет душа, прощаясь с кем-то, кого ты не знаешь.

Война — это безногий сосед, вернувшийся с фронта, и

оставшийся никому не нужным, но бережно хранящий в шкафу камуфляж, перетянутый разноцветными лентами чужих идей, иллюзий, штампов.

Война — это друг, которого ты знаешь только по интернету и никогда не видела раньше, но молишься за него, потому, что с ним нет связи.

Война — это слезы, не от потерь, а от надежд и любви, которую тебе дарят незнакомые тебе люди, молясь о тебе и твоем городе.

Война — это когда тебе важно молча, дотронутся до экрана компьютера, так как из связи с миром остался только ускользающий интернет, и тебе страшно, что оборвется и эта нить, а дотрагиваясь до экрана, почувствовать тысячи горячих рук, пальцев, глаз, душ, сердец держащих тебя.

Война — это закусив даже не губы, а душу, пройти через смеющихся и пьющих пиво солдат, приехавших защищать, а вернее, зачищать твою землю, они не обидят тебя, нет, они даже тебя не заметят, но тебе кажется, что на твои плечи упала пыль смерти, принесенная ими с полей.

Война — это, когда тебе не важно есть ли у тебя маникюр, помыта ли голова, в чем ты одет, есть ли у тебя работа, у тебя другие приоритеты- вода, свет, связь, тепло, глубокий и крепкий подвал.

Война — это когда человек, которого ты считал самодостаточным и хладнокровным эгоистом, оказываться родным, заботливым и близким, который бросает все, чтобы спрятать тебя, потому, что близкий человек, с которым ты делил кусок хлеба, сдал тебя новой власти.

Война — это когда молодая мама с полуторагодовалым малышом не выезжает из зоны войны, только потому, что она единственный связной в этом районе.

Война — это когда твой друг, говорит тебе «я иду воевать за нашу свободу», но видишь ты его в лагере, который воюет за твое рабство.

Война — это смотреть на горизонт, знать, что там, в степи на КПП, на границе, вгрызлись в сухую землю те, кто пришел тебя спасти, ты протягиваешь руку, как бы глядя и притрагиваясь к ним, но натыкаешься взглядом на зарево пожарища, там, где могли быть незнакомые тебе , но близкие люди, которых ты никогда не увидишь.

Когда начинается война, то она бьет везде, ведет свои бои в районе души, сердца, твоего дома, земли. Даже ромашковое поле -это война. И поле пшеницы — это тоже война. И степь…

Самое страшное на войне это степь и тишина.

Когда заканчивается бой, из степи еще долго звучат жуткие крики смертельно раненных, которые то и дело обрывает одиночный выстрел или автоматная очередь.

Ты не знаешь, кто кричит, свои или чужой. Для тебя -это люди, которые кричат, прощаясь с уходящей жизнью, оставляя за собой на память, эхо выстрела обрывающего крик, он бьет тебя по коленям, хотя ты далеко, но ты все равно падаешь на землю, и закрываешь уши , даваясь своим собственным криком,- тебе нельзя пугать детей.

А когда заканчивается бой, к тебе не приходит долгожданная тишина: степи звонят. Под огромной, восходящей луной, под баюкающий стрекот сверчков, в оседающей дымке пыли и дыма, мерцая по степи, как звезды, звонят телефоны. Это живые пытаются дозвониться мертвым.

Войны всегда много. Безумно много. И…страшнее войны только война. Помните об этом.

Ангелы любви

Она всегда чувствовала себя, как бабочка в банке. Вокруг яркий мир, у нее за спиною крылья, а взлететь нельзя. Можно чуть порхать, не выходя за… правила, рамки, стены. Можно смотреть на закаты, потягиваться утром, расправляя крылышки навстречу рассветам, заворожено любоваться вспышками молний, и нежится в волнах радуг. Можно все, но в рамках приличий, условностей, прозрачных стенок отделяющих её МИР от мира. Так она и жила. Впадала в депрессию и становилась куколкой, снова становилась бабочкой, и снова туда, в темноту, во внутрь себя, еще глубже, закрывая все щели, чтобы не оставлять себе надежды, не слышать ни зова, ни света, ни мира.

Именно так она чувствовала и видела себя. Пыталась вырваться, бороться, но не получалось. Потом ей сказали, что надо становится взрослой. Она не понимала, что это значит, но старалась изо всех сил, забыв о крыльях, о рассветах, полностью погрузившись в быт…

…Она затеяла ремонт. Это было архиважно. Старый дом действительно нуждался в обновлении, но это было чем-то большим, чем необходимость. Она не понимала почему, но ремонт стал идиотско болезненным наваждением.

Для полного и окончательного разгрома, ей понадобилось поменять окна. Заменить старые, действительно трухлявые, на новые. Металлопластике она не доверяла, ей нравилось всё

натуральное, естественное, и она пошла, искать столярный цех, чтобы окна были, как полагается, пахнущие и деревянные.

На двери столярки был ярко-голубой звонок и объявление «Мы не глухие, мы работаем. Звонить долго и настойчиво!».

Креативщики-юмористы- хмыкнула она, но ей понравилось такое чувство юмора. Да и понятно, почему такое разъяснение посетителям, еще за несколько метров до помещения был слышен вой лесопилки.

Нажав на звонок и постояв пару минут из вежливости и необходимости, она рискнула пройти в открытую дверь. Коридор встретил ее гроздьями паутины, на которой осела древесная пыль, и огромной кучей стружки и опилок. А еще запахом.

Боже, этот запах, она полнила с детства, он был важнее всего в ее жизни, запах дома и дедушки. Она смотрела на стружки, и ей безумно хотелось сделать то, что она любила в детстве, зарыться руками в бархатистость дерева, подкинуть их вверх и кружиться в пахнущем лесом серпантине.

Но это чужая столярка, а она взрослая, взрослые так не делают. Они вообще не поддаются эмоциям, они тупо выполняют свой долг, следуют правилам жизни, они собранны, строги, у них есть рамки приличия, установленные обществом. Ей не нравилось ни общество, ни рамки, но… «детствопадение» считалось во взрослой жизни грехопадением, приравнивалось к безумию и вызывало осуждение.

Она выпрямила спину. Правила, заставили ее вздохнуть, отказаться от идеи общения с детством и пойти дальше в цех.

Зайдя в приоткрытую дверь, она словно попала в какое-то непонятное царство. С одной стороны, стены, окрашенные в мрачно-зеленый цвет, все та же паутина в древесной пыли, которая создавала странную таинственную атмосферу, и, играющие в догонялки, лучи солнца, которые струились, бегали между всем этим пыльным неподобством, и, кажется, им это нравилось. Стены были уставлены готовой продукцией, накрытой прозрачной пленкой: полукруглые арки-двери, фрагменты лестницы, с точеными поручнями, резные карнизы, точеные, изящные столы, стулья…

Открылась дверь, уши резанул пронзительный визг пилы. В комнату, отряхиваясь от осевшей на него пыли вошел человек, видно, все же услышав звонок посетительницы. «Наверное, это столяр или хозяин, или…ой, да какая разница у кого спросить, если что, позовут, кого надо»,- подумала она, и, уверенно шагнула навстречу.

- Простите, а где я могу узнать об изготовлении окон,- спросила она, глядя на подошедшего к ней смешного, покрытого

белой, древесной пылью человека, снимающего респиратор с лица.

Он поднял глаза.

Она остановилась, лихорадочно вспоминая, где она видела этот взгляд, густой, обволакивающе черный, и не могла вспомнить. Или не хотела, или ей было все равно. Она не понимала, что происходит, но единственное, что она видела и ощущала, его взгляд, и древесную пыль, на его лице и ресницах.

Ей безумно захотелось провести рукой по его щеке, стирая шелковистую пыль, стряхнуть ее с длинных ресниц, и просто стоять, закрыв глаза, держа ладошку у его щеки. Она даже почувствовала, как поднимается ее рука, но боль под ложечкой напомнила о «правилах». Она задыхалась от вихря чувств и света, закружившего ее, заложившего уши, пения строгального станка и его взгляда, и еще чего-то, чего она не могла понять, принимала и отталкивала одновременно, какая-то волна сбила ее с ног, и утянула в глубину…

…Когда-то давно входя во взрослую жизнь, он знал, он был уверен, что там, за поворотом, судьба приготовила ему удивительный МИР, в котором он был не один. Она все время снилась ему, легкая, воздушная, танцующая в солнечных лучах. Но каждый раз это был сон. У него было много женщин, но глядя в их глаза, он не видел солнца. Потом пришла усталость, и он смирился с предложенным ему миром. Часами, оставаясь на дежурство, которое он с удовольствием брал и за своих коллег, спешащих домой, он рассматривал игру света в полумраке пыли, Единственное, что он любил, была работа. Он слышал дерево, его музыку, а бархат свежих стружек, отполированного дерева, был для него наполнен такой тайной и магнетизмом, что он, считался одним из лучших столяров города. В его руках оживало все, от старой мебели, до новых идей. Самая покореженная, доска, становилась изящной и покупаемой вещью.

Вообще посетителей встречал его напарник, но он с утра выпил пиво, и попросил, записать заказ, чтобы не вызывать у посетителей негатива рыбно- пивным запахом. Он вышел на звонок, отряхиваясь от пыли, так как полировал стол наждаком, на ходу снимая респиратор.

В полумраке коридора, под играющими в струящейся древесной пыли лучами стояла миловидная, смущенно рассматривающая бардак столярки, женщина. Он подошел, чтобы поздороваться и пригласить в кабинет, но она подняла глаза и что-то сказала. Он не услышал, что. Работал строгальный, заполняя пространство нарастающим звуком, набирающих

оборотов ножей, но, на него смотрели глаза, которые он уже перестал искать…

…Они стояли в лучах солнца и облаке пыли. Мир потерял звуки и время, превратился в плывущий, ощутимый вакуум, наполненный светом и удивительным чувством единения. Со стороны казалось, что они не дышали, хотя, я думаю, так и было. Соприкоснувшись в реальности, их души узнали друг друга и их тела уже были не нужны. Они, тела, были безвольны, поскольку могли существовать исполняя команды, подаваемые импульсами мозга, нервами, а здесь общались души, лаская друг друга светом, ароматом, вибрацией, мелодией, силой, энергией, пламенем, любовью.

Из рабочей комнаты вышли столяра, возвращающиеся к работе, после обеда. Они увидели, как в полумраке коридора, под паутиной и закопченной лампочкой, в лучах солнца, стояли два ангела, нежно обнимая друг друга крыльями. Из них шли волны света и песни. Ее слов, как и музыки не было слышно, но песню услышали все. Мужики, видавшие все, пропитые и прокуренные, замерли, боясь испугать волшебство, стыдясь подсмотренному обнажению душ…

… Он, банально уронил респиратор. Она банально нагнулась поднять. Они банально стукнулись лбами. Он банально пригласил в кабинет. Они банально обсудили заказ. Она ушла. Кода он закрыл за ней дверь, пришла боль и тоска. Он банально не взял телефон. Мужики перешептывались, смотрели, как он, сутулясь уходил в темноту цеха, надевая респиратор, заканчивать полировать стол.

- Ты чего?! Ты, понимаешь, это она! Ты, мы, — запинаясь они, — мы видели, как вы стояли, смотрели друг на друга. Такой взгляд, и свет, какой свет был, какой-то синий или светлый, и как будто крылья у вас, и вообще. Женись! — орали они.

Но она ушла. И день погас. Дни потянулись в своей банальной серости. Он искал, он спрашивал. Но, что? Что он мог спросить, — кто в городе делает ремонт, лет эдак 25-ти, с каштановыми волосами в которых бегают золотые огоньки, с грустными глазами, глубина которых потрясла так, что он не запомнил их цвет. Заказывать окна она не пришла…

…Она ушла. Задыхаясь от своей глупости. Как она могла быть такой невоспитанной хамкой, такой распущенной. Срочно домой, в кокон, в норку. Правила, запрещают светить и махать крыльями. Но дома она не могла спать. Она видела свет, и его глаза. Он звал ее во сне. Она придерживалась правил. Заказывать окна она не пошла. Ей было страшно…

…Прошел год. В тот день, она проснулась с рассветом, лежала и смотрела на плывущие по небу розовые облака. Она чихнула. В воздухе кружилось перышко. Оно было из ее крыльев. Она не бабочка, не в коконе. Она вышла на улицу, и расправила плечи, — сила света и сила уверенности полета, равномерно распределились по душе. Она оделась, сложила крылья, чтобы не пугать прохожих и пошла в столярку. Она знала, что он сегодня дежурит, и он ждет ее…

…Он распахнул двери до того, как она успела позвонить. Она немного испугалась, не слишком ли она смела. Но, закусила губу и подняла глаза:

- Я пришла! – выдохнула она.

- Я ждал тебя! –вдохнул он.

Она не вошла, она рухнула, через порог в его крылья, уткнувшись носом в пахнущую сосной, летом, лесом, липой, дубом, лаком, запыленную древесной пылью рубашку. Он просто подхватил ее, то ли руками, то ли крыльями, задохнувшись от запаха ее волос и нежности…

…В полумраке коридора, обычного столярного цеха, под аркой из паутины и закопченной лампочкой, прикрывая друг друга крыльями, стояли два ангела любви. Они потерялись в этом мире, в его сумраке правил и условностей, а встретившись, узнали друг друга по душам и вспомнили свое предназначение хранить любовь.

Если вы когда-нибудь увидите ангелов любви, или их свет, или услышите песню их душ, знайте, вас обойдет стороной любая беда, они молятся за вас, они поют песню и вашей любви. В их песне нет мелодии и слов, она звучит ветром, запахом, светом, иногда в чем-то банальном и привычном, а иногда в чем-то странном и необъяснимом, она звучит здесь и сейчас, вокруг нас. Это - молитва любви.

Видеть любовь, испытать любовь, слышать любовь, прикоснуться к любви – это, наверное, общение с Богом.

И еще, если вы когда-нибудь в толпе узнаете глаза человека, которого никогда не видели раньше, помните, иногда полезно нарушать правила, еще не все ангелы любви встретили друг друга в этом мире.

Конец